

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

FU Финно-угорский мир
Finno-Ugric World
Том 13, № 3. 2021

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 25.10.2021.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 150 экз.).
Цена свободная. Заказ № 1781

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Released on October 25, 2021.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 150 copies).
Free price. Order No. 1781

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2021

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вдовин Сергей Михайлович** – кандидат экономических наук, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), rector@adm.mrsu.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Луутонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сеиленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилос Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Sergey M. Vdovin** – Cand. Sc. {Economics}, Rector of National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), rector@adm.mrsu.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi, Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Language, Literature and History, Karelia Scientific Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Science (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), anatoelij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D. {Philosophy}, Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, PHEO “Jewish University” (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- В. П. Гришунина, Н. И. Ершова. Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии 224
- Л. П. Водясова. Способы квантификации абстрактных имен существительных в современном эрзянском языке 233
- Н. В. Кондратьева, Б. Оско. Особенности художественного билингвизма в современной удмуртской литературе (на материале поэтических текстов Б. Анфиногенова) 243
- Д. В. Цыганкин, Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала 254

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- А. Л. Банников. Финно-угорские элементы в искусстве ранних кочевников Южного Урала ... 265
- А. К. Гагиева. Система уездного управления в Коми крае в конце XVII – первой половине XVIII в. 272
- А. А. Песецкая. Одежда в похоронно-поминальной обрядности марийцев (конец XIX – начало XX в.) 280

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Э. М. Колчева. 100 лет марийского изобразительного искусства: этнографический реализм (1920–1930-е гг.) 293
- Т. А. Шигурова. Семантика ткани как основы мордовской вышивки 308

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- В. Н. Максимов. Аркадию Евдокимовичу Иванову – 90 321
- Н. М. Мосина. К юбилею Олега Арсентьевича Сергеева 323
- Н. И. Воронина, И. Л. Сиротина. Птица-река эрзянки Л. Д. Левиной 325
- В. И. Рогачев, С. Н. Степин. Письмена предков 329
- Г. А. Корнишина. Музыкально-фольклорные традиции мордвы Сибири 335

PHILOLOGY

V. P. Grishunina, N. I. Yershova. Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia	224
L. P. Vodyasova. Ways to quantify of abstract nouns in the modern Erzya language	233
N. V. Kondratieva, B. Oszkó. Features of artistic bilingualism in modern Udmurt literature (based on the poetry by B. Anfinogenov)	243
D. V. Tsygankin, N. A. Agafonova, I. N. Ryabov. Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals	254

HISTORICAL STUDIES

A. L. Bannikov. Finno-Ugric elements in the art of the early nomads of the Southern Urals	265
A. K. Gagieva. The system of county administration in the Komi Region at the end of the XVII – first half of the XVIII century	272
A. A. Pesetskaya. Mari clothing in the funeral and memorial rituals (late XIX – early XX century)	280

CULTURAL STUDIES

E. M. Kolcheva. 100 years of the Mari fine arts: ethnographic realism (1920–1930)	293
T. A. Shigurova. Fabric semantics as a basis of Mordovian embroidery	308

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

V. N. Maksimov. Arkady Evdokimovich Ivanov – 90	321
N. M. Mosina. To the anniversary of Oleg Arsentievich Sergeev	323
N. I. Voronina, I. L. Sirotina. Bird-river by erzyanka L. D. Levina	325
V. I. Rogachev, S. N. Stepin. Letters of the ancestors	329
G. A. Kornishina. Musical and folklore traditions of the Mordovian population in Siberia	335

Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии

Валентина Петровна Гришунина
Наталья Игоревна Ершова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье охарактеризованы фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах на территории Мордовии. Предмет анализа составляют особенности функционирования диалектных фразеологизмов. Цель исследования – представить комплексное описание явления синонимии фразеологических оборотов в говорах русского и мокшанского языков.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели используются различные методы исследования, основным из которых является описательный. Кроме того, применяются элементы метода дистрибутивного и компонентного анализа. Языковой материал составили фразеологизмы, извлеченные путем сплошной выборки из Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия, мокшанско-русских словарей и полевых наблюдений авторов.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ материала показал, что многие фразеологические единицы, наличествующие в русских и мокшанских говорах, образуют синонимические ряды, охваченные явлением вариантности. Появление синонимических рядов прежде всего связано с обновлением образной основы фразеологизмов, принадлежащих к одной теме. В процессе синонимического развития идет поиск более яркого образа и лингвистических средств построения фразеологизма при сохранении единства логической стороны понятия, лежащего в его основе.

Заключение. Исследование имеет практическое значение, его результаты могут быть использованы при написании учебно-методических пособий по русской диалектологии, в вузовской практике преподавания курса «Русская диалектология», «Диалектология мокшанского языка» и соответствующих спецкурсов для студентов гуманитарных направлений подготовки.

Ключевые слова: язык, культура, фразеологические единицы, синонимия, семантика, говоры, этнический менталитет

Для цитирования: Гришунина В. П., Ершова Н. И. Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 224–232. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.

Введение

Изучение лексического богатства диалектов является одной из актуальных проблем в современном языкознании. Ее актуальность еще более возрастает в связи с существующей сегодня угрозой исчезновения с карты Мордовии ряда как русских, так и мордовских (мокшанских, эрзянских) говоров, что может частично привести к исчезновению национальной культуры.

Территория распространения некоторых фразеологических единиц (ФЕ) несравнимо шире распространения диалектов, имеющих особое слово для названия данной реалии, что «объясняется этническими или природными особенностями той или иной территории» [6, 93].

Преимущества изучения словарного состава диалектов как системы, элементы ко-

торой связаны между собой разного рода отношениями, становятся очевидными для многих исследователей. Интересным, хотя и недостаточно изученным явлением как в литературном языке, так и в диалектах выступает фразеологическая синонимика.

Как утверждают языковеды, особенности слов и фразеологизмов в диалектах наиболее полно могут быть обнаружены только при таком анализе, который учитывал бы парадигматические (например, синонимические) связи между отдельными единицами лексических групп [24, 24]. В более конкретном преломлении системные отношения в словарном составе местных говоров реализуются в объединении диалектизмов по тематическим, лексико-семантическим группам и семантическим полям,

в явлениях синонимии, антонимии, омонимии и полисемии.

Фразеологизмы представляют собой один из основных источников информации о культуре, менталитете, повседневной жизни человека, относясь к важным и древним компонентам материальной культуры любого этноса. Объектом нашего исследования являются фразеологические синонимы в языках разных типов. Цель исследования – комплексно представить явление синонимии фразеологических оборотов в говорах русского и мокшанского языков.

Обзор литературы

Как русская, так и мордовская диалектология в настоящее время располагают большим количеством работ, посвященных исследованию диалектной лексики и фразеологии по тематическим группам и лексико-семантическим объединениям. Это, в частности, работы П. Н. Денисова [8], В. П. Жукова¹, Е. А. Нефедовой [17], В. Д. Черняк [24], Словарь русских говоров на территории Мордовии² – по русской диалектологии, В. П. Гришуниной [6], В. Ф. Рогожиной [18], Р. С. Ширманкиной [25] – по мордовской.

Диалектная фразеология исследовалась в основном в традиционных аспектах: изучались особенности фразеологизации словосочетаний в говорах, вопросы фразеологической вариантности и деривации, анализировались структурно-грамматические свойства фразеологизмов, определялся их компонентный состав и т. д. В ряде публикаций раскрывалась специфика диалектной фразеологии (Л. А. Ивашко [10], В. М. Мокиенко [14] и др.). Однако в данной отрасли языкознания еще много неразработанного и неисследованного. Теоретическому освещению диалектной фразеологии

препятствуют недостаток фразеологического материала, его фрагментарность в областных словарях.

В контексте современных исследований в области диалектной фразеологии начинают формироваться различные подходы: когнитивный, функциональный, коммуникативный; создаются работы, связанные с изучением диалектной картины мира, диалектного языка в широком контексте народной культуры (С. М. Белякова³, А. С. Герд⁴, В. Е. Гольдин [5], Н. И. Толстой [20] и др.); внедряются методы этнолингвистики, идеографический (М. В. Богачева [2]), социокультурный (Т. И. Вендина [4]), психолингвистический (К. И. Демидова [7]) подходы.

Некоторые конкретные вопросы фразеологии нуждаются в дальнейшем исследовании, причем в рамках современной антропоцентрической лингвистической парадигмы (см. об этом: [23]).

Теоретической базой исследования послужили: 1) учебные пособия Е. Н. Иваницкой⁵, А. С. Малахова⁶, В. И. Трубинского⁷, М. А. Харламовой⁸ и др.; 2) работы отечественных авторов, в центре внимания которых находятся различные вопросы изучения диалектной лексики и фразеологии: Л. И. Баранниковой [1], М. В. Богачевой [2], Р. Н. Бузаковой [3], Б. Ф. Захарова [9], Т. С. Коготковой [11], А. И. Кузнецовой [12], Н. А. Кулаковой, В. Ф. Рогожиной [13], М. В. Мосина [16], Ф. П. Сороколетова [19], А. П. Феоктистова [21], Д. В. Цыганкина [22] и др.

Материалы и методы

В решении поставленных задач использовались разные методы исследования, основным из которых был описательный. Кроме того, применялись элементы метода дистрибутивного и компонентного анализа.

¹ См.: Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.

² См.: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1–2.

³ См.: Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

⁴ См.: Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.

⁵ См.: Иваницкая Е. Н. Русская диалектология: учеб. М., 2013.

⁶ См.: Малахов А. С. Русская диалектология: теория и практика: учеб. пособие. Владимир, 2012.

⁷ См.: Трубинский В. И. Русская диалектология: говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: учеб. пособие. М.; СПб., 2004.

⁸ См.: Харламова М. А. Русская диалектология: учеб.-метод. пособие. Омск, 2017.

Языковой материал составили диалектные фразеологизмы, извлеченные путем сплошной выборки из Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия, мокшанско-русских словарей, а также полевые материалы авторов.

Результаты исследования и их обсуждение

Фразеологизмы в языке возникают на основе таких образных представлений действительности, которые отражают повседневный опыт носителей языка, их культурные традиции и ментальные установки. В рамках данной статьи будут рассмотрены синонимические фразеологизмы в русских и мокшанских говорах на территории Мордовии.

По мнению А. И. Молоткова, фразеологическими синонимами являются «фразеологизмы, которые, во-первых, тождественны по своему лексическому значению, во-вторых, не имеют в своем составе одинаковых компонентов (учитываются только компоненты, восходящие к знаменательным словам), в-третьих, одинаковы по своей лексико-грамматической характеристике и, в-четвертых, не допускают взаимозаменяемости компонентов» [15, 165].

Появление синонимических рядов ФЕ прежде всего связано с обновлением образной основы фразеологизмов, принадлежащих к одной теме. В процессе синонимического развития фразеологизма идет поиск нового, более яркого и экспрессивного образа и лингвистических средств его построения при сохранении единства логической стороны понятия, лежащего в его основе. Стремление «обновить» экспрессивность фразеологизма – одна из важнейших причин появления диалектных синонимов. Большинство фразеологизмов в говорах служит для того, чтобы экспрессивно характеризовать, оценивать какие-либо факты, реалии, качества человека, отношения людей и т. п. Выбор метафоры, сравнения или части пословицы как основы для фразеологизма в говоре обусловлен актуальностью того факта, местного явления, обычая, процесса труда, предмета быта, который проецируется в семантике этих образных выражений. Образное представление, пе-

реданное такого рода словосочетаниями, созвучно или было созвучно в какой-то период диалектной среде. Оно всем понятно и потому часто повторяется, будучи «удобным» для образования фразеологического оценочного содержания.

Наиболее отчетливо выделяются три класса диалектных фразеологических синонимов, функционирующих в русских и мокшанских говорах Мордовии:

- 1) фразеологические синонимы, не имеющие стилистических и семантических различий, но характеризующиеся особой образной основой;
- 2) фразеологические синонимы, различающиеся оттенками значения;
- 3) фразеологические синонимы, различающиеся стилистической окраской.

Первый класс диалектных фразеологических синонимов является самым многочисленным и включает 47 ФЕ. Как известно, в основе большинства ФЕ лежит образное представление. В диалектных фразеологизмах метафорический смысл ощущается особенно ярко. Этот факт позволяет утверждать, что главное различие внутри синонимических рядов фразем связано с различием выраженных образов.

Рассмотрим отдельные синонимические фразеологические ряды данного класса в русских и мокшанских говорах, выделенные на основе общего семантического компонента.

‘Жить хорошо, обеспеченно, в достатке’: рус. *семь лет праздник, как мышка (мышь) в коробу (коробушке, крупе), как барыня в раю, жить в царствии, как у праздника, туз тузом* и др. Например: *Щас нарот жывет ф царствии, хлел белый съ стала ни сходит* (Большой Азясь, Ковылкинский район); *Она топерь как барыня в раю жывет, фсе у ей есть, ни ф чом ни нуждаць* (Сыропятровка, Ичалковский район);

мокш. *эрямс ай-люли* ‘букв.: жить ай-люли’, *эрямс – архт токсек* ‘букв.: жить – иди трогай’, *эряй Шкайт (Христость) новса* ‘букв.: жить как у Бога (у Христа) за пазухой’, *эрямс баяравакс* ‘букв.: жить барыней’, *эрямс ломанькс* ‘букв.: жить по-человечески’, *эрямс пукиуста* ‘букв.: жить мясисто’ и др. Например: *Натакань эряфоц тяни – архт токсек* (Зайцево, Красносло-

бодский район) «Жизнь тети Наташи теперь очень хорошая»; *Рамасазь картинанзон – теенза сняра ярмак лашкофтыхть, ай-люли! – эряк!* (Алькино, Ковылкинский район) «Купят его картины – ему столько денег дадут, живи и радуйся!»; *Татю эряй кода Христость повса* (Алькино, Ковылкинский район) «Татьяна живет как у Христа за пазухой»; *Кда сембось лисель, кода мон арьсень, эрялень баяраваке* (Старое Лепьево, Краснослободский район) «Если бы все вышло, как я задумала, жила бы я богато»; *Эрсь арьси ломанькс эрямс* (Курнино, Ковылкинский район) «Каждый мечтает жить в достатке»; *Синь сядоноленьге пукиуста эрясть, а тяни ёфси* (Зайцево, Краснослободский район) «Они и в былые времена зажиточно жили, а теперь тем более».

‘О неопрятном, неряшливом, глупом человеке’:

рус. как акуля (акулька), как из лагуна вылез, как чучело (пугало) огородное, как мокрая курица, как шебол, как мазан грязный и др. Например: *Ходиши ты как мокрья куриць, нъридилсь бы* (Лаврентьево, Темниковский район); *Маньк, ты што нърридилсь как пугэль агароднъя, сыми щас же, ни срамись* (Казенный Майдан, Ковылкинский район);

мокш. *аф шужярь аф пенгя* ‘по отношению к человеку – ничем не выделяющийся, средний, посредственный (букв.: ни солома, ни полено)’, *аф левож аф ленгя* ‘букв.: ни тряпка, ни лыко’, *шура поталак* ‘букв.: редкий потолок (о глупом человеке)’, *шапарякст озафнек* ‘букв.: редьку сажай (о грязных местах в человеке)’ и др. Например: *Колмоце рвясь повсь, аф шужярь аф пенгя* (Старое Лепьево, Краснослободский район) «Третья попалась жена нерадивая»; *Карнине вдь, да дярай кардави тя шура поталаксь!..* (Кишалы, Атюрьевский район) «Отговаривал, конечно, да разве отговоришь этого глупого ведь!..»; *Кяденза рдазуфт, хоть шапарякст озафнек* (Перхляй, Рузаевский район) «Руки такие грязные, хоть редьку сажай».

‘Суетиться, хлопотать, угождать’:

рус. как в смоле кипеть, как черт в колесе, корячиться как белка в колесе, нагонять калду и др. Например: *Анна-ть, бидняжъцкъ, как ф смале кипель, симья-ть*

большая дъ нипутёвья (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район); *Каряцусь весь день как белкъ ф кълисе, а к ноцы ноги гудут* (Ирсеть, Старошайговский район);

мокш. *альяй сараз* ‘букв.: словно несущка (о суетливом человеке)’, *шаромс фкя пильге лангса* ‘букв.: крутиться на одной ноге’, *ваномс мяль* ‘угождать’ и др. Например: *Месть ласькондят альяй саразке* (Алькино, Ковылкинский район) «Чего носишься, словно несущка (курица)»; *Ванан-ванан мяльценъ эса – сякокс аф ванови* (Лепьево, Краснослободский район) «Угождаю-угождаю тебе – не могу угодить».

Подчеркнем, что антропоцентрическое видение мира проявляется через образные сравнения. Большинство традиционных сравнений диалектоносителей основано на жизненных наблюдениях за внешним видом окружающих предметов, животных и людей, о чем свидетельствуют рассмотренные выше синонимические ряды фразеологизмов в русских и мокшанских говорах Мордовии.

Отдельные фразеологические единицы в составе следующих синонимических рядов включают в себя компонент *душа*. К ним относятся следующие:

рус. *душа замаялась* ‘устать, обессилеть’, *душа не переваривает, на дух не надо* ‘нет желания видеть кого-либо’, *душа вышла* ‘умереть’ и др. Например: *Ткала весь день фцара, душа замаильсь* (Старая Федоровка, Старошайговский район); *Мужа маво пъралич ударил, и душа вышль* (Киржеманы, Большеигнатовский район); *Как токь ты еш таку слатку кашу? У меня прянь душа ни пираваривът* (Редкодубье, Ардатовский район);

мокш. *валда вайме* ‘человек с доброй, хорошей душой’, *ваймозе кфтолды* ‘волнуюсь, сомневаюсь’, *ваймозе сяряди* ‘беспокоюсь, испытываю тревогу’, *идемс вайме* ‘спасти кому-либо жизнь (букв.: душу)’. Например: *Ванан лангост, конашкава валда ваймоце* (Зайцево, Краснослободский район) «Смотрю я на тебя и понимаю, какая у тебя светлая душа»; *Аст пасиба – ваймоценъ идине* «Скажи спасибо – спас(ла) твою жизнь».

Специфика компонента *душа* в составе фразем как русских, так и мокшанских гово-

ров Мордовии проявляется в том, что душа, словно человек, способна действовать, перемещаться в пространстве, переживать, проявлять и испытывать эмоции.

Для некоторых синонимических рядов фразеологизмов, относящихся к первому классу, характерны и обороты тавтологического типа, которые обусловлены стремлением диалектоносителя к уточнению значения первого слова во фразеологизме и усилению экспрессивности всего фразеологического оборота:

рус. *город городом* и *пол полом* 'отсутствие порядка, чистоты', *катком кататься* и *лежать лежма* 'болеть', *шарада шарадой* и *чапан чапаном* 'о неопрятном, неряшливом человеке' и др. Например: *У нёво брюхъ схватилъ, он катком каталси* фсю ноч (Суподевка, Ардатовский район);

мокш. *наша-наша тиендемс* 'вести себя из ряда вон, скверно, высокомерно', *вага-вага тиендемс* 'радоваться быть довольным, быстро пойти в рост'. Например: *Тяни тишесь пиземда меле вага-вага тиенди* (Адашево, Кадошкинский район) «Теперь трава после дождя быстро пойдет в рост (букв.: вот-вот, что делает)».

Менее многочисленным в русских и мокшанских говорах Мордовии является второй класс фразеологических синонимов (выявлено 12 ФЕ), различающихся оттенками значения. Между членами синонимических рядов возможны семантические различия, связанные, во-первых, с разной степенью интенсивности действия или признака либо, во-вторых, с разным способом действия.

Примером первой группы являются синонимы-фразеологизмы, объединенные общим семантическим компонентом 'быстро бежать':

рус. *бегма* (*бегома*, *бегомушки*) *бежать*, *заголи ляшки*, *как на воздушях лететь*, *на паре не догонишь*. Лексическое значение трех последних фразем имеет дополнительную сему 'очень', указывающую на большую интенсивность признака по сравнению с первым фразеологизмом синонимического ряда. Например: *Глижу, а вдоль улицы шабренкъ бигома бижыт* (Ожга, Старошайговский район); *Я вить дь балезни как нь ваздусих*

ляталь, а таперь сто шагоф прайдеши и зьдахнесси (Усыскино, Инсарский район); *Вот нисецъ, на пари ни дагониши* (Ишейки, Темниковский район);

мокш. *ласькомс пильгонь-прянь синдезь* 'букв.: бежать, ноги-голову ломая', *вармакс лиемс* 'букв.: лететь, как ветер'. Например: *Шабась пильгонь-прянь синдезь ласькъс алянц каршес* (Старое Лепьево, Краснослободский район) «Ребенок бежал сломя голову навстречу отцу»; *Ялгезе кенярдемать эзда вармакс лийсь инголи* (Зайцево, Краснослободский район) «Мой друг от радости мчался, как ветер, вперед».

Ко второй группе фразеологизмов можно отнести синонимический ряд с общим семантическим компонентом 'пустословить':

рус. *алалу разводить* 'заниматься пустыми разговорами', *воловодь разводить* 'пространно говорить о чем-либо незначительном', *язык отбивать* 'болтать', *молоть пустое* 'пустословить'. Например: *Пашили картошку из ямы вынимать, нечивь алалу рьзвадить тут* (Усыскино, Инсарский район); *Канчяй язык адбивать, иди работъть* (Трофимовщина, Ромодановский район);

мокш. *томбамс шава шоварса* 'вести пустой разговор, делать бесполезное дело', *шовамс кяль* 'сплетничать, обманывать, говорить зря о ком-либо (букв.: точить язык)'. Например: *Анна баба аватненъ ёткаса фалу томбай шава шоварса* (Кишалы, Атюрьевский район) «Баба Анна среди женщин всегда пустомелит»; *Саты шовситъ кяльценъ, аде работама* (Зайцево, Краснослободский район) «Хватит вести пустой разговор, пошли работать».

Как видим, образные представления, определяющие общее содержание фразеологических единиц указанных синонимических рядов, различаются.

Малочисленность третьего класса фразеологических синонимов (9 ФЕ), различающихся стилистической окраской, объясняется слабой стилистической дифференцированностью говоров. В рамках синонимических рядов данного класса нередко используются бранные (экспрессивно окрашенные) фраземы, причем многие из них создаются диалектоносителями как средство выражения народного юмо-

ра, нередко грубоватого. Так, синонимический ряд, объединенный общим значением 'легкомысленный, непостоянный', включает следующие фразеологизмы:

рус. как кривое веретено; куда ветерок, туда и разумок; нетужилка родила; ни то ни се ни с чем пирог; овца непутевая и др. Например: *Есть люди такеи, ни он чем не тужут. Пра них и гъварят: «Нитужылкь рьдила»* (Суподеевка, Ардатовский район); *Чяво с няво вазьмеш, када он куда витирок, туда и рьзумок* (Саловка, Лямбирский район);

мокш. *ёрдамс пула* 'перекинуться, стать на чью-либо сторону (букв.: перебросить хвост)', *ёрдамс ульме* 'переметнуться (к кому-либо), принять чью-либо сторону (букв.: перебросить удочку)', *ёрымс кичкор валхт* 'хитрить, говорить намеками, не раскрывая своих подлинных, истинных мыслей (букв.: кривые слова бросать)', *лапиемс пула* 'заискивать, подобострастно относиться к кому-либо (букв.: вилять хвостом)'. Например: *Фёдор ульмони тячи ёрдазе кержи ширде зряй суседони шири* (Зайцево, Краснослободский район) «Фёдор сегодня переметнулся на сторону соседа, живущего по левую сторону от него»; *Сон тага кичкор валнят ёрйи шабранцты* (Адашево, Кадошкинский район) «Он опять говорит намеками соседу»; *Саты лапиець пулоцень сей-тов, улеза совестце* (Новое Синдрово, Краснослободский район) «Поимей совесть, хватит вилять хвостом туда-сюда».

Описанные выше фразеологические синонимы, функционирующие в русских и мокшанских говорах, являются важнейшим средством образной характеристики личности, эмотивной оценки ее чувств, нравственных действий, поступков и поведенческих реакций, в совокупности составляющих ядро ценностной картины

мира русского и мордовского народов. Они раскрывают особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями и специфику его языковой репрезентации.

Заключение

Таким образом, живые, непосредственные наблюдения и представления диалектоносителей, на основе которых складывается семантика диалектных фразеологизмов, создает возможность появления в русских и мокшанских говорах Мордовии многочисленных синонимических рядов фразеологических единиц. Последние выступают важнейшим средством образной характеристики личности, эмотивной оценки ее чувств, нравственных действий, поступков и поведенческих реакций, в совокупности составляющих языковую картину мира русского и мордовского народов.

Появление синонимических рядов ФЕ прежде всего связано с обновлением образной основы фразеологизмов, принадлежащих к одной теме. Стремление «обновить» экспрессивность фразеологизма – одна из важнейших причин возникновения диалектных синонимов. Большинство фразеологизмов в говорах служит для того, чтобы экспрессивно характеризовать, оценивать какие-либо факты, явления, качества человека, отношения людей и т. п.

Диалектные фразеологические синонимы, функционирующие в русских и мокшанских говорах Мордовии, можно разбить на три класса, соответственно различающиеся образной основой, оттенками значения или стилистической окраской, причем первый класс является самым многочисленным.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мокш. – мокшанский язык
рус. – русский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Саратов, 1962. Вып. 1. С. 101–121.
2. Богачева М. В. Проект «Фразеологического словаря русских говоров севера Пермского края» // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования – 2010. СПб., 2010. С. 250–262.
3. Бузакова Р. Н. Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Все-

- рос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 65–68.
4. Вендина Т. И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования – 2010. СПб., 2010. С. 6–38.
 5. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 151–158.
 6. Гришунина В. П. Различия лексического характера в говорах мокшанского языка (на материале наименований предметов домашнего обихода, утвари) // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем: материалы Междунар. симп., посвящ. памяти финно-угроведов Хейки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет). Саранск, 2016. С. 92–98.
 7. Демидова К. И. Диалектная лексика в психолингвистическом аспекте // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования – 2011. СПб., 2011. С. 32–40.
 8. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Рус. яз., 1980. 275 с.
 9. Захаров Б. Ф. О финно-угорских вкраплениях в структуре диалектных фразеологизмов (на материале говоров Починковского района Нижегородской области) // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья: материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Пауля Аристэ. Саранск, 2006. С. 110–114.
 10. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 110 с.
 11. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспектива). М.: Наука, 1979. 274 с.
 12. Кузнецова А. И. Типология фразеологических единиц с соматическим компонентом в уральских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 179–183.
 13. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 200 с.
 14. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб.: Азбука-классика, Авалон, 2005. 256 с.
 15. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 248 с.
 16. Мосин М. В. Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках: семантический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1985. 85 с.
 17. Нефедова Е. А. О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. М., 1976. С. 83–109.
 18. Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 70–77.
 19. Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика – 1975: сб. ст. СПб., 1978. С. 30–56.
 20. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 510 с.
 21. Феоктистов А. П. Мокшанский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 178–189.
 22. Цыганкин Д. В. Состояние изученности мордовских диалектов // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск, 2000. С. 19–60.
 23. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: моногр. / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова и др. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 156 с.
 24. Черняк В. Д. О связи слов в диалектной лексической системе (каузативные глаголы и их лексико-системные связи (на материале брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1989. С. 24–35.
 25. Ширманкина Р. С. Эзянские говоры и фразеологизмы // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов Саранск, 2000. С. 318–322.

Поступила 30.06.2021; одобрена 07.07.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

В. П. Гришунина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, grishunina.64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1784-1757>

Н. И. Ершова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, tascha80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9092-0243>

Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia

Valentina P. Grishunina
Natalia I. Yershova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The article describes phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects on the territory of Mordovia. The subject of the analysis is the specific features of dialect phraseological units. The purpose of the study is to present a comprehensive description of the phenomenon of synonymy of phraseological turns in the considered subdialects.

Materials and Methods. To achieve this goal, it employs various research methods, the main of which is descriptive one. In addition, it uses the elements of distributive and component analysis method. The language material was made up of phraseological units extracted by continuous sampling from the "Dictionary of Russian subdialects on the territory of the Republic of Mordovia", Moksha-Russian dictionaries and field observations of the authors.

Results and Discussion. As a result of the analytical review of the material, it is identified that in the phraseological units of both the Russian and Moksha languages develop synonymous series covered by the phenomenon of variance. The emergence of synonymous series is primarily associated with the renewal of the figurative basis of phraseological units belonging to the same topic. In the process of synonymous development of phraseological units, there is a search for a better image and linguistic means of constructing it while maintaining the unity of the logical side of the concept underlying it.

Conclusion. The article is of practical importance, its results can be used in writing teaching handbooks on Russian dialectology, in teaching the course "Russian dialectology", "Dialectology of the Moksha language" and corresponding courses for students majoring in Arts and Humanities.

Keywords: language, culture, phraseological units, synonymy, semantics, dialects, communication, ethnic mentality

For citation: Grishunina VP, Yershova NI. Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13:3:224–232. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.

REFERENCES

1. Barannikova LI. On the question of dialect synonymy. *Voprosy stilistiki = Questions of stylistics*. Saratov; 1962;1:101–121. (In Russ.)
2. Bogacheva MV. Project "Phraseological dictionary of Russian subdialects of the North of the Perm region". *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniia – 2010 = Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research – 2010*. Saint-Petersburg; 2010:250–262. (In Russ.)
3. Buzakova RN. Stylistic function of expressive words in Mordovian languages. *Finno-ugristika na poroge III tysiacheletiiia (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov = Finno-Ugristics on the edge of the III millennium (Philological sciences)*. Materials of the II All-Russian scientific conference of Finno-Ugric scholars. Saransk; 2000:65–68. (In Russ.)
4. Vendina TI. Russian dialects now and in the future: a sociocultural aspect. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniia – 2010 = Lexical atlas of Russian folk subdialects. Materials and research – 2010*. Saint-Petersburg; 2010:6–38. (In Russ.)
5. Gol'din VE. Dominants of the traditional rural culture of speech communication. *Avanesovskii sbornik: K 100-letiiu so dnia rozhdeniia chl.-kor. AN SSSR. R. I. Avanesova = Avanesov collection: To the 100th anniversary of the birth of Associate Member of USSR Academy of Sciences R. I. Avanesov*. Moscow; 2002:151–158. (In Russ.)
6. Grishunina VP. Differences of lexical character in the subdialects of the Moksha language (based on the material of names of household items, utensils). *Finno-ugorskie iazyki narodov Rossii v usloviakh vzaimodeistviia s iazykami raznykh sistem: materialy Mezhdunar. simp., posviashch. pamiati finno-ugrovedov Kheiki Paasonena (150 let), Paulia Ariste (110 let) i B. A. Serebrennikova (100 let) = Finno-Ugric languages of the peoples of Russia in the conditions of interaction with languages of different systems: materials of International academic conference to the memory of the Finno-Ugric scholars Heiki Paa-*

- sonen (150 years), Paul Ariste (110 years) and B. A. Serebrennikov (100 years old). Saransk; 2016:92–98. (In Russ.)
7. Demidova KI. Dialect vocabulary in the psycholinguistic aspect. *Leksicheski atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniia – 2011* = Lexical atlas of Russian folk subdialects. Materials and research – 2011. Saint-Petersburg; 2011:32–40. (In Russ.)
 8. Denisov PN. Russian language vocabulary and the principles of its description. Moscow; 1980. (In Russ.)
 9. Zakharov BF. On Finno-Ugric inclusions in the structure of dialect phraseological units (based on the subdialects of the Pochinky district of the Nizhny Novgorod region). *Vzaimodeistvie i vzaimovliianie iazykov i literatur narodov Povolzh'ia i Priural'ia: materialy Mezhhregion. nauch. konf., posviashch. 100-letiiu so dnia rozhdeniia akad. Paulia Ariste* = Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga region and the Urals. Materials of the interregional scientific conference, dedicated to the 100th anniversary of the birth of Ac. Paul Ariste. Saransk, 2006: 110–114. (In Russ.)
 10. Ivashko LA. Essays of Russian dialect phraseology. Leningrad; 1981. (In Russ.)
 11. Kogotkova TS. Russian dialect lexicology (state and perspective). Moscow; 1979. (In Russ.)
 12. Kuznetsova AI. Typology of phraseological units with a somatic component in the Uralic languages. *Finno-ugristika na poroge III tysiacheletii (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = Finno-Ugristics on the edge of the III millennium (Philological sciences). Materials of the II All-Russian scientific conference of Finno-Ugric scholars. Saransk; 2000:179–183. (In Russ.)
 13. Kulakova NA, Rogozhina VF. Mokshen kyalen kevonzaf valsylumon valks. Saransk; 2013. (In Moksh.)
 14. Mokienko VM. Into the depths of the saying. Stories about the origin of catchwords and figurative expressions. Saint-Petersburg; 2005. (In Russ.)
 15. Molotkov AI. Fundamentals of phraseology of the Russian language. Leningrad; 1977. (In Russ.)
 16. Mosin MV. Finno-Ugric vocabulary in the Mordovian and Baltic-Finnish languages: semantic analysis. Saransk; 1985. (In Russ.)
 17. Nefedova EA. On hyponymic relations in the group of mycological dialect vocabulary. *Obshcheshlavianskii lingvisticheski atlas: materialy i issledovaniia* = All-Slavic linguistic atlas. Materials and research. Moscow; 1976:83–109. (In Russ.)
 18. Rogozhina VF. Functioning of phraseological units of colloquial speech and their semantic grouping. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;2:70–77. (In Russ.)
 19. Sorokoletov FP. On the question of system relations in the vocabulary of folk subdialects. *Dialektnaia leksika – 1975: sb. st.* = Dialectal vocabulary – 1975: collection of articles. 1978:30–56. (In Russ.)
 20. Tolstoy NI. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethno linguistics. Moscow; 1995. (In Russ.)
 21. Feoktistov AP. Moksha language. *Iazyki mira. Ural'skie iazyki* = Languages of the world. Uralic languages. Moscow; 1993:178–189. (In Russ.)
 22. Tsygankin DV. The state of the study of Mordovian dialects. *Mordovskie iazyki glazami uchenogo-lingvisty* = Mordovian languages through the eyes of a linguist. Saransk; 2000:19–60. (In Russ.)
 23. Akimova EN, Maslova AYu, Mochalova TI, et al. A man and his world in the dialect phraseology of Russian subdialects of Mordovia. Monogr. Saransk; 2015. (In Russ.)
 24. Chernyak VD. Causative verbs and their lexical-system connections (on the material of Bryansk subdialects). *Dialektnoe slovo v leksiko-sistemnom aspekte: mezhvuz. sb. nauch. tr.* = Dialect word in the lexical-system aspect. Interuniversity collection of scientific papers. Leningrad; 1989:24–35. (In Russ.)
 25. Shirmankina RS. Erzya subdialects and phraseological units. *Finno-ugristika na poroge III tysiacheletii (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = Finno-Ugristics on the edge of the III millennium (Philological sciences). Materials of the II All-Russian scientific conference of Finno-Ugric scholars. Saransk; 2000:318–322. (In Russ.)

Submitted 30.06.2021; reviewing 07.07.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Grishunina – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Russian Language Department, National Research Mordovia State University, grishunina.64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1784-1757>

Natalia I. Yershova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Russian Language Department, National Research Mordovia State University, tascha80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9092-0243>

Способы квантификации абстрактных имен существительных в современном эрзянском языке

Любовь Петровна Водясова

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия

Введение. В статье на материале современного эрзянского языка анализируются абстрактные имена существительные, которые в различных контекстах могут получать конкретизацию, становящуюся основой образования их множественного числа. Эти лексемы начинают выражать реальное количественное значение, иными словами, получают способность к квантификации. Цель исследования – выявление и описание контекстов, в которых абстрактные имена существительные множественного числа обозначают квантитативные отношения.

Материалы и методы. В качестве основного определен метод структурно-семантического описания, применяемый для непосредственного наблюдения над контекстами, в которых абстрактные имена существительные выражают квантитативные отношения. Материалом исследования явились около 1 500 примеров, извлеченных из текстов мордовских писателей, пишущих свои произведения на эрзянском языке.

Результаты исследования и их обсуждение. Определено, что в современном эрзянском языке формы множественного числа абстрактных имен существительных способны выражать квантитативные отношения в тех случаях, когда обозначают реальное количественное значение. Выделены два способа квантификации: дискретная, передающая семантику внутреннего количества, которое опирается на периферийные компоненты абстрактного имени существительного, и унитарная, выражающая семантику внешнего количества, которое основывается на центральных компонентах абстрактной лексемы. Представлены и кратко охарактеризованы основные контексты, где абстрактные имена существительные обозначают квантитативные отношения.

Заключение. В современном эрзянском языке достаточно распространены абстрактные имена существительные, обладающие способностью к квантификации – дискретной или унитарной. Контексты с такими существительными часто встречаются в текстах мордовских писателей, которые используют их в качестве источника речевой экспрессии, средства создания художественной выразительности, формирования, интерпретации и оценки образов и событий произведения.

Ключевые слова: абстрактное имя существительное, абстрактное имя существительное в форме множественного числа, способы квантификации, контекст, квантитативные отношения

Для цитирования: Водясова Л. П. Способы квантификации абстрактных имен существительных в современном эрзянском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 233–242. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.233-242.

Введение

Как известно, к абстрактным (отвлеченным) относятся имена существительные, используемые для обозначения абстрактных понятий качества, действия и состояния. В различных контекстах они могут получать конкретизацию и употребляться во множественном числе. Цель исследования заключается в выявлении их конкретизированных форм множественного числа и описании способов квантификации в современном эрзянском языке.

Обзор литературы

В сфере имен существительных абстрактность традиционно рассматривается как лексико-грамматическая категория.

О. С. Ахманова абстрактные имена существительные квалифицирует как понятия, обозначающие действие или признак в отвлечении от действителя или носителя признака¹. Исследователи, например Э. А. Аушева [2], Н. В. Бунамес [3],

¹См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 465.

А. Горбов [15], отмечают, что обозначае-
мые абстрактными именами существи-
тельными объекты и явления нельзя уви-
деть, осязать физически, иными словами,
их денотаты непредметны и не принадле-
жат к конкретному физическому миру. Ос-
новными критериями при их выделении
становятся: 1) морфологические свойства
(преимущественное употребление в фор-
ме единственного числа); 2) специфиче-
ские словообразовательные суффиксы;
3) синтаксические признаки (характер со-
четаемости); 4) предикативность (способ-
ность выражать скрытую пропозицию).

Мордовские языковеды при рассмотре-
нии абстрактных имен существительных
обращают внимание на то, что они проти-
вопоставляются конкретным², описывают
их словообразование [9; 14].

Важной характеристикой абстрактных
имен существительных является дейк-
тичность. При выполнении дейктической
функции они играют роль разнообразных
фразовых скреп, с помощью кото-
рых достигается идентичность сообщае-
мого, передается движение события,
осуществляется фокусировка внимания
на определенном моменте, сообщается
информация о новых элементах в акте
речетворчества. Консолидация предло-
жений происходит с элементами обоб-
щения (более подробно см. об этом в на-
ших работах [4; 5; 16]). И. Н. Корсунова
правомерно утверждает, что абстрактные
имена существительные с дейктической
семантикой способны вступать в синони-
мические отношения [11].

Абстрактные имена существитель-
ные вместе с вещественными и собира-
тельными относятся к словам *singularia
tantum* (лат. 'единственное только'). Как
подчеркивает В. В. Виноградов, в рус-
ском языке у существительных этих раз-
рядов «с реальным значением слов не
сочетается либо представление о чис-
ле вообще, либо представление о мно-

жественности вообще, либо представле-
ние о множественности, выраженной в
числах, в количественном измерении»³.
В грамматиках мордовских языков так-
же указывается, что абстрактные имена
существительные используются в форме
единственного числа⁴. Однако в научной
литературе приводятся данные о том, что
в случаях конкретизации значения они
могут употребляться во множественном
числе. Согласно И. А. Ионовой, потен-
циал образования форм множественного
числа у абстрактных существительных
обусловлен возможностью приложения
отвлеченного значения к «множеству тех
материальных носителей», с которыми
это значение неразрывно связано в мате-
риальной действительности⁵. У них, по
свидетельству Б. А. Успенского, часто от-
мечаются «вещные коннотации», прояв-
ляющиеся в типичных ситуациях [13].

Долгое время считалось, что множе-
ственное число у абстрактных существи-
тельных проявляется только стилисти-
чески. Однако сейчас подобные формы
в тексте употребляются весьма активно.
Это говорит о том, что их функциониро-
вание в речи обусловлено не только стили-
стическими факторами, но и реализацией
семантического потенциала слова – аб-
страктного имени – в определенном кон-
тексте. К такому выводу приходят ис-
следователи языка художественного
текста, в частности О. И. Александрова
[1], Н. В. Бунамес [3], Г. О. Винокур⁶,
Л. В. Калинина [7; 8], Н. Ю. Комарова
[10], З. Я. Тураева и Я. Г. Биренбаум [12]
и др. Интересным, на наш взгляд, явля-
ется мнение Ю. А. Вольской, утвержда-
ющей, что значение каждой лексической
единицы содержит и компоненты аб-
страктности, и компоненты конкретно-
сти, которые могут выражаться в зависи-
мости от контекста [6].

Анализ текстов на эрзянском языке по-
казывает, что в них часто встречаются та-

² См.: Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: учеб. для нац. отд-ний вузов. Саранск, 1980. С. 144–145.

³ Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 156.

⁴ См.: Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавниятнень туртов. Саранск, 2000. С. 74–75.

⁵ См.: Ионова И. А. Морфология поэтической речи. Кишинев, 1988. С. 121.

⁶ См.: Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.

кие контексты, в которых используются абстрактные имена существительные в форме множественного числа, причем этот прием является оправданным и даже необходимым. Авторы с целью реализации творческого замысла осмысливают данные формы как конкретизированные отдельные самостоятельные единицы. Мы солидарны с Л. В. Калининой в том, что именно конкретизация становится основой образования множественного числа (по ее терминологии, плюральной формы) абстрактных имен [8], которые, сочетаясь с различными количественными определителями, начинают выражать квантитативные отношения.

Квантификация, как известно, – это когнитивный процесс, при котором слово, изначально не выражавшее количественное значение, приобретает его контекстуально. К ее параметрам относятся не только число, количество, множество, но и способность организации множества. Представленный в каждом отдельном случае аспект квантификации зависит от смыслового окружения словоформы. Соглашаясь с М. М. Копыленко в том, что квантитативный смысл выражается не словом и не сочетанием слов⁷, продолжим: он передается предложением, а в большинстве случаев следует учитывать более широкий контекст – сложное синтаксическое целое.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составили труды по грамматике отечественных ученых. Метод структурно-семантического описания, ставший основным, применялся для непосредственного наблюдения над контекстами, в которых абстрактные имена существительные выступают в форме множественного числа и выражают квантитативные отношения. Материалом исследования послужили около 1 500 примеров употребления абстрактных имен существительных в форме множественного числа, извлеченных из прозаических и поэтических текстов на эрзянском языке.

В современном эрзянском языке абстрактные имена существительные чаще всего обозначают: 1) отвлеченные понятия: *вечкема* ‘любовь’, *вий* ‘сила’, *кеж* ‘злость’, *маштыкс* ‘лихорадка’, *оймсема* ‘отдых’, *сизема* ‘усталость’, *сыречи* ‘старость’, *эйкакшчи* ‘детство’, *эрямо* ‘жизнь’ и др.; 2) отвлеченные качества или свойства: *ашочи* ‘белизна’, *валдочи* ‘светлость’, *вачочи* ‘голод’, *кеняркшчи* ‘радость’, *лембечи* ‘теплота’, *начкочи* ‘влажность’, *нужачи* ‘нужда, нищета’, *одкшчи* ‘молодость’, *парочи* ‘добро’, *сюлавчи* ‘богатство’, *чоподачи* ‘темнота’, *шумбрачи* ‘здоровье’ и др.; 3) отвлеченные действия и состояния: *киштема* ‘пляска’, *кулома* ‘смерть’, *пичкамо* ‘выздоровливание’, *ризнэма* ‘печаль’, *сэредема* ‘болезнь’, *сизема* ‘усталость’, *талнома* ‘волнение’, *тандадома* ‘испуг’, *удома* ‘сон’, *чиема* ‘бег’ и др.

Конкретизированные формы абстрактных существительных обладают способностью к квантификации, так как могут выступать в форме множественного числа. Например, у эрзянского слова *стакачи* ‘трудность’ форма множественного числа появляется при сочетании с именами прилагательными (*покиш стакачить* ‘большие трудности’, *вишка/вишкине стакачить* ‘маленькие/небольшие трудности’) и количественными словами (*ламо стакачить* ‘много трудностей’). Трудностей можно бояться или не бояться (*пелемс / а пелемс стакачитнеде* ‘бояться / не бояться трудностей’), можно с ними бороться (*бороцямс стакачитенень марто* ‘бороться с трудностями’) и их победить (*изнямс стакачитенень* ‘победить трудности’). Получается, что абстрактное имя существительное *стакачи* ‘трудность’ во многих контекстах ведет себя как конкретный предмет, чему особенно способствует форма указательного склонения. Приведем другие примеры: *кенярдома* ‘радость’ – *покиш кенярдомат* ‘большие радости’, *ризнэма* ‘печаль/страдание’ – *ламо ризнэма* ‘много печал-

⁷ Копыленко М. М. Средства выражения количества в русском языке. Алма-Ата, 1993.

лей/страданий', *ризнэмат а улишь* 'печа-лей/страданий не будет' и т. д.

Вслед за Л. В. Калининой, рассмотревшей специфику функционирования абстрактных имен существительных в форме множественного числа в современном русском языке⁸, в мордовском языкознании мы также выделяем два способа квантификации. Первый осуществляется посредством разложения понятия, выраженного абстрактным существительным, на более мелкие составные части с акцентированием каких-либо отдельных сторон (дискретная квантификация). Второй находит отражение в максимальной концентрации понятия, которая в сознании писателя утрачивает дискретную структуру. Абстрактное имя существительное начинает осмысляться как отдельная самостоятельная единица, приближается к конкретной лексеме и функционирует подобно ей (унитарная квантификация).

В зависимости от специфики построения текста и способа выражения квантитативного смысла в современном эрзянском языке мы выделили наиболее распространенные контексты, в которых абстрактные имена существительные выступают в форме множественного числа. Укажем, что используются все три типа склонения, однако предпочтительной является форма основного склонения, формы указательного встречаются реже, формы притяжательного единичны. Квантитативные контексты создаются для того, чтобы ярче, эмоциональнее выразить свою мысль. Абстрактные имена существительные при этом становятся источниками речевой экспрессии, одним из средств художественной выразительности, способом концептуализации языковой картины мира, так как в большой степени связаны со знанием истории народа, духовной и интеллектуальной жизни человека [16].

Перечислим выделенные контексты и кратко охарактеризуем их.

1. Контексты с блоками однородных членов, в состав которых входят абстрактные имена существительные в форме множественного числа. Если часть однородных компонентов в блоке выражена конкретными существительными или существительными *pluralia tantum* (лат. 'множественное только') (например, парными словами) в форме множественного числа, то и употребленные в одном ряду с ними абстрактные имена существительные также выступают во множественном числе: *Кустемат, кустемат, кустемат эрямонь перть. Валгомат, куземат*⁹. «Лестницы, лестницы, лестницы всю жизнь. Спуски, подъемы».

Встречаются также контексты, в которых весь блок однородных членов выражен абстрактными именами существительными в форме множественного числа: *Велесэньт эрицятнеде ламо, эрьванть арсеманзо ды бажамонзо эсензэ*¹⁰. «В селе живущих много, у каждого мысли и желания свои». В некоторых контекстах одни абстрактные существительные употреблены в форме единственного числа, другие – множественного: *...эрьва ёндо ялгат сюкпрят тетть кандыть ды мизолкст*¹¹. «...со всех сторон друзья поклон тебе несут и улыбки»; *Марявсть кискань онгомат, вайгельть, сэтъме шалт*¹². «Слышались собачий лай (букв.: лай), голоса, тихий гул». Употребление таких блоков позволяет автору в сжатой форме передать сложную информацию.

2. Контексты с предварительным упоминанием понятия, выраженного затем абстрактным именем существительным в форме множественного числа. Отметим, что явление предтекстового упоминания подробно описано в работе Е. А. Земской¹³. Форма множественного числа абстрактного существительного служит в таких случаях одновременно для краткости наименования и для указания на множественность проявлений действия или признака. В эр-

⁸ См.: Калинина Л. В. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 1999.

⁹ Надькин Д. Т. Пинкст = Круги: избранные произведения. Саранск, 1993. С. 62.

¹⁰ Абрамов К. Г. Ломантне теевьт малацекс = Люди стали близкими: роман. Саранск, 1961. С. 57.

¹¹ Надькин Д. Т. Указ. соч. С. 11.

¹² Абрамов К. Г. Указ. соч. С. 118.

¹³ См.: Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992. С. 165.

зынском языке она обычно образуется на базе однокоренного глагола: *Сон [Петя] молеманть перть арсець: секень вант, а туи тонавтнемеш ошов... Арсематненъ марто Петянь превс весть эзь сакшино се, вездь Лиза мельга те шкас, паряк, яксесть уши, паряк, сонзэ умок ули алуужозо*¹⁴. «Он [Петя] во время ходьбы думал: скорее всего, не уедет учиться в город... С [этими] мыслями (букв.: думами) в голову Пети ни разу не приходило то, что за Лизой до этого времени, может, уже ухаживали, может, у нее давно уже есть жених».

В отдельных случаях форма множественного числа образуется от формы единственного числа. Автор в таких случаях с помощью абстрактного существительного в форме единственного числа предлагает краткое обозначение явления или признака, а затем с помощью этого же существительного, но уже в форме множественного числа расширяет и углубляет смысл сказанного: *Питидинк зярс-мейс тетраденк, ручканк, сёрманк – / Лият кедьёнкст тенк веишем, лият. / Натъ, велявтсь аномалиясь нормакс, / Весе эрямось – аномалият!*¹⁵ «Спрячьте пока [свой] тетради, ручки, записи – / другие приспособления вам [нужно] искать, другие. / Значит, сделалась аномалия нормой, / Вся жизнь – аномалия!..» Номинация ситуации подобным образом представляет собой как бы ее резюмирование, при этом информативная значимость предыдущего сообщения усиливается, актуализируются наиболее важные для дальнейшего изложения отрезки текста.

3. *Контексты с последующим пояснением содержания абстрактного существительного в форме множественного числа.* В таких контекстах абстрактные имена существительные выступают в качестве одного из средств выражения проспекции: внимание читателя направлено на ожидае-

мое, обещанное автором заранее. Для них наиболее характерны построения такого типа: 1) абстрактное имя существительное в форме множественного числа выполняет функцию обобщающего слова при однородных членах, обозначая в абстрагированной форме их семантику и являясь показателем цельности всего блока: *Паксянтъ мазычинзэ: моравтозь норовжорчт, прок чинь рисьментень поводезь, гайгшиця горниповт*¹⁶. «Красоты поля: поющие жаворонки, словно развешанные на солнечных струях, звенящие купальницы»; 2) смысл абстрактного имени существительного в форме множественного числа раскрывается в последующих предложениях: *Кода а кемемс сонензэ [Захарнэнь], коли сонсь чарькодъсынзе ды содасынзе весе арсемат. Сонзэ эрьва валось – тонь. Тон арсят – сон евтни*¹⁷. «Как не верить ему [Захару], если он сам понимает и знает все [твой] мысли. Каждое его слово – твое. Ты думаешь – он рассказывает»; ...*тейтерькась – / Чары, вели минек перька, / А чарькодъсы – мешь тамашат: / Няказо ялаксокс велявтсь*¹⁸. «...девочка – крутится, вертится вокруг нас, / не поймет – что за чудеса: / Кукла в братика превратилась».

4. *Контексты с сочетаниями абстрактных существительных в форме множественного числа с количественными словами.* Это может быть сочетание абстрактного имени существительного с местоимением: *Течи фатинь, зяро ризкст ды ормат / Правтынъ авань лавишо седейс свал*¹⁹. «Сегодня понял, сколько страданий и болезней / Наваливал на слабое сердце матери всегда»; наречием: *Ламо ютасть се шкатнестэ чить, / Ламо пиземеть валнокшиность ланган*²⁰. «Много прошло с того времени дней, / Много дождей пролилось на меня»; именем числительным (реже): *Рунгонть тертитъ сядо ормат*²¹. «Тело

¹⁴ Абрамов К. Г. Указ. соч. С. 183.

¹⁵ Надькин Д. Т. Указ. соч. С. 22.

¹⁶ Калинин И. Кочказь произведенийят = Избранные произведения. Саранск, 2003. С. 67.

¹⁷ Абрамов К. Г. Указ. соч. С. 63.

¹⁸ Надькин Д. Т. Указ. соч. С. 16.

¹⁹ Сятко = Искра: лит.-худож. и обществ.-полит. ежемес. журн. 2020. № 4. С. 72.

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ Ишуткин Н. Кемемань штатол = Свеча веры: стих. // Каторова А. М. Тиринь литература. 8: учебник-хрестоматия эрзянь школань 8-це класснэнь = Родная литература. 8: учебник-хрестоматия для 8-го класса эрзянской школы. Саранск, 2008. С. 211.

опутывают сто болезней». В таких контекстах выражается неопределенная степень проявления абстрактного действия, признака. Само абстрактное явление при этом получает гиперболизацию. Авторы вводят подобные построения в текст для того, чтобы усилить эмоциональность высказывания: – Эка, *кода ламо авидечить модань лангсо!* – *кувсезевсь монахось*²². «– Эка, как много несправедливостей на земле! – стал вздыхать монах».

5. Контексты с имплицитным (скрытым) указанием на множественность понятий, выраженных абстрактными существительными в форме множественного числа. Отметим, что контексты такого типа в художественных текстах самые распространенные. В них нет слов, обладающих количественной семантикой, а квантитативный смысл вытекает из самой ситуации, которая свидетельствует о существовании нескольких субъектов – носителей признака или производителей действия: *Но партиясъ минек сех кеме, сех ванькс – сон чоподатнестэ ливтимизь ломанькс*²³. «Но партия наша самая крепкая, самая чистая – она из темноты (букв.: темнот) [нас] вывела в люди»; *Сазоркань кисея пацясо тапарявсть сзредькст, томбавкст*²⁴. «Кисейным платком [моей] сестренки обернуты боль (букв.: боли), ушибы». В таких контекстах часто встречается указание на значение изменчивости: *Таго лембе чипаесь / Якшамотнень колы*²⁵. «Снова теплое солнце / Холода разрушает»; интенсивности: *Эрва ломаненть прясо пувить вармат*²⁶. «В голове каждого человека дуют ветры»; повторяемости, длительности: *Сэнеи чирев лиснематне Зинань ацирьгавтнесть*²⁷. «Хождение (букв.: выходы) на берег Сэняша Зину

раздражали»; эмоционального восприятия окружающего: *...чипаесь... чоп палси Баяга пандонтъ. Мейле – томбалькстнэнь, веньперть*²⁸. «...солнце... целый день целует Баяга-гору (букв.: Колокол-гору). Потом – заре, всю ночь».

В рассматриваемых контекстах часто присутствуют сигнализаторы, косвенно указывающие на разнообразие и частотность проявлений абстрактных действий и признаков. В качестве таковых обычно выступают имена прилагательные, причастия, местоимения различных разрядов, имена существительные: *Ансяк ней нартемкс чинесь стявтынзе сех маней ледстнеман*²⁹. «Только теперь запах полыни разбудил самые красивые [мои] воспоминания»; *Московось, натъ, анокстась покш калмамот, а зардо лия тевс кундсемс. Истят калмамот, кодат эзь ульне Иов патриархонтъ куломадонзо мейле*³⁰. «Москва, по всей видимости, готовила большие похороны, некогда было браться за другие дела. Такие похороны, каких не было после смерти патриарха Иова»; *Кодаткак кавтолдомат!*³¹ «Никаких сомнений!»; *...тонь лангсто сазь весе чумондоматне*³². «...с тебя сняты все обвинения»; *...тенст тунь а максовить кудораськеде содамочить*³³. «...им совсем не даются знания о родственниках»; *Од Эверестт учинить, Авачат, алтнить а содавикс кеняркст*³⁴. «Новые Эвересты ждут, Авачи, обещают неизведанные радости». В последнем предложении автор употребляет в форме множественного числа и собственные имена (названия гор Эверест, Авача), что придает им выразительность и обращает на них внимание читателя.

В качестве сигнализаторов используются также послелог *ютксо* ‘среди’,

²² Доронин А. Баягань сулейть = Тени колоколов: роман. Саранск, 1996. С. 77.

²³ Гайни П. Стихть = Стихи. Саранск, 1963. С. 7.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ Сятко. 2020. № 4. С. 10.

²⁶ Там же. С. 72.

²⁷ Сятко. 2021. № 4. С. 14.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Калинин И. Указ. соч. С. 26.

³⁰ Доронин А. Баягань сулейть. С. 87.

³¹ Там же. С. 99.

³² Алтышкин В. Синдэзь эрямо = Сломанная жизнь: рассказ // Каторова А. М. Тиринь литература. С. 155–156.

³³ Сятко. 2021. № 5. С. 121.

³⁴ Надькин Д. Т. Указ. соч. С. 11.

‘между’ и *ютксто* ‘среди’, ‘из’, ‘с’, частица *ансяк* ‘только’. С помощью послелогов при названии абстрактным именем существительным (обычно распространенным) множества предметов или их совокупности извлекается часть: *Вешнемс, снартомс муемс чансть, уцяска, седеень витиця эрямо иневедень келесэ пайсто-мочитнень ютксо – ваямо*³⁵. «Искать, попытаться найти благодать, счастье среди шириной с океан несчастий – утопление»; *Неть превей кевстематнень ютксто марявсть истяткак...*³⁶. «Среди этих умных вопросов слышались и такие...» Частица *ансяк* служит для придания ограничительного оттенка абстрактным именам, выделяя их логически: *Эрва ендю марят ансяк лайшешемат ды кувсемат*³⁷. «Отовсюду слышишь только причитания и стоны».

6. Контексты, указывающие на отсутствие понятия, выраженного абстрактными существительными в форме множественного числа. В таких контекстах выделяются: 1) построения с бытийным компонентом, выражающие реальное, фактическое отсутствие чего-либо в окружающем мире или сознании человека: *...границятнень ванстомадо башка кармавтомат эзьт маря*³⁸. «...об охране границ особых указаний не слышали»; 2) построения с модальным компонентом, обозначающие желательное для субъекта отсутствие чего-либо: *Седейс бажамот тунь а сыть*³⁹. «В сердце желания совсем не приходят».

Для описываемых построений наиболее типичны модели двух типов: 1) абстрактное имя существительное в форме множественного числа + отрицательная частица + глагол: *...кода мазычить а таштамс, кода сюнавчить а раштамс*⁴⁰. «...как красоты [твой] не копить, как богатства [твой] не расширять»; 2) отрицательная частица + глагол + абстрактное имя существительное в форме множественного числа: *Кинь ансяк кургсто ней*

*а марят / Гайтев видькстамот, яво-лявкст*⁴¹. «Из чьих только уст (букв.: ртов) теперь не услышишь / Звонкие признания, заявления». Кроме того, отсутствие понятия может быть выражено отрицательным словом *арась* ‘нет’ в форме множественного числа (*арасть*): *Ней Пазнэнь кемичятнень ютксо арасть аладямот...*⁴² «Теперь среди верующих (букв.: верящих в Бога) нет разногласий...»

Заключение

В современном эрзянском языке достаточно распространены контексты с абстрактными именами существительными в форме множественного числа, обладающими квантитативной семантикой. Это может быть дискретная квантификация, связанная с разложением выраженного абстрактным существительным понятия на более мелкие составные части с выделением каких-либо отдельных сторон, или унитарная квантификация, осуществляемая через максимальную концентрацию понятия, когда абстрактное существительное приближается к конкретному и начинает функционировать подобно ему. В приведенных контекстах дискретная квантификация выделяется в 1-м, 2-м (частично), 4-м (частично), 5-м (частично) и 6-м, унитарная – во 2-м (частично), 3-м и 4-м (частично).

Абстрактные имена существительные в форме множественного числа часто становятся структурными элементами художественного текста. Например, мордовские писатели активно создают контексты, в которых эти формы помогают им ярче раскрыть замысел произведения, служат источником речевой экспрессии, важным языковым элементом для создания средств художественной выразительности, формирования, интерпретации и оценки образов и событий произведения, а также способом концептуализации действительности.

³⁵ Сятко. 2021. № 5. С. 121–122.

³⁶ Абрамов К. Г. Указ. соч. С. 63.

³⁷ Брыжинский М. И. Кочказь произведений = Избранные произведения. Саранск, 2013. С. 105.

³⁸ Доронин А. Указ. соч. С. 87.

³⁹ Ишуткин Н. Указ. соч. С. 211.

⁴⁰ Надькин Д. Т. Указ. соч. С. 17.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Доронин А. Указ. соч. С. 87.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О. И. О неповторимости в области поэтического словотворчества // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Куйбышев, 1972. С. 115–127.
2. Аушева Э. А. Лексико-семантические группы отвлеченных имен существительных в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–1 (73). С. 85–87.
3. Бунамес Н. В. Множественное число отвлеченных существительных и норма (на материале русского и французского языков) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 10. С. 75–80.
4. Водясова Л. П. Сложное синтаксическое целое с динамичным зачином, его разновидности и способы их вербализации в художественном тексте // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 2. С. 207–215.
5. Водясова Л. П. Текстосвязующая роль абстрактной лексики в прозе К. Г. Абрамова // Вестник угроведения. 2014. № 1. С. 8–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21595925> (дата обращения: 20.06.2021).
6. Вольская Ю. А. Создание словаря абстрактных существительных в русском языке: критерии отбора лексики // Филология и культура. 2020. № 1. С. 38–44.
7. Калинина Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 55–70.
8. Калинина Л. В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 3. С. 240–247.
9. Качкалова И. В. Выражение неопределенного количества словами *ламо / paljon* «много» в эрзянском и финском языках // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 7. С. 112–115.
10. Комарова Н. Ю. Стилистически направленное изучение категории числа имени существительного в курсе современного русского языка // Русский язык в школе. 1988. № 6. С. 69–72.
11. Корсунова И. Н. Абстрактные имена существительные с собственно дейктическим значением в аспекте рассмотрения понятийных категорий // Рефлексия. 2013. № 1. С. 65–67. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26508914 (дата обращения: 20.06.2021).
12. Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Некоторые особенности категории количества: на материале английского языка // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122–130.
13. Успенский Б. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 2019. Вып. 35. С. 146–152.
14. Чинаева Н. В., Кузнецова С. В. Суффиксальное образование абстрактных имен существительных в эрзянском и финском языках // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 971–976.
15. Gorbov A. Number paradigms of abstract nouns in twentieth-century Russian: development trends and the influence of English // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38, no. 1. P. 23–46.
16. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of Safety in the English-Language Media Discourse // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 174–180. URL: <https://publons.com/publon/47824371> (дата обращения: 20.06.2021).

Поступила 01.07.2021; одобрена 07.07.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Л. П. Водясова – доктор филологических наук, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, lvodjasova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6767-6337>

Ways to quantify of abstract nouns in the modern Erzya language

Lyubov P. Vodyasova

Mordovian State Pedagogical University,
Saransk, Russia

Introduction. The article analyzes abstract nouns based on the material of the modern Erzya language, which in various contexts can be concretized, becoming the basis for the formation of their plural. These lexemes begin to express a real quantitative meaning, in other words, they acquire the ability to quantify. The purpose of the article is to identify and describe the contexts in which abstract plural nouns denote quantifiable relations.

Materials and Methods. The main method is structural-semantic description, used for direct observation of contexts when abstract nouns express quantitative relations. The material of the study is based on 1 500 examples extracted from the texts of Mordovian writers written their works in the Erzya language.

Results and Discussion. It has been determined that in the modern Erzya language the plural forms of abstract nouns are capable of expressing quantitative relations in those cases when they denote a real quantitative meaning. It defines two quantification ways, namely: discrete way, which conveys the semantics of the internal quantity, is based on the peripheral components of the abstract noun, and unitary way, which expresses the semantics of the external quantity, based on the central components of the abstract lexeme. The main contexts are briefly characterized, when abstract nouns denote quantifiable relations.

Conclusion. In the modern Erzya language abstract nouns that have the ability to quantify, carried out discretely or unitarily are often encountered. The contexts with such nouns are often found in the texts of Mordovian writers, who use them as a source of speech expression, a means of creating artistic expression, shaping, interpreting and evaluating images and events.

Keywords: abstract noun, abstract noun in plural, ways to quantify, context, quantitative relations

For citation: Vodyasova LP. Ways to quantify of abstract nouns in the modern Erzya language. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13;3:233–242. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.233-242.

REFERENCES

1. Aleksandrova OI. On the uniqueness in the field of poetic word creation. *Voprosy teorii, istorii i metodiki prepodavaniia russkogo iazyka* = Questions of theory, history and methods of teaching the Russian language. Kujbyshev, 1972:115–127. (In Russ.)
2. Ausheva EA. Lexico-semantic groups of abstract nouns in the Ingush language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017; 7-1(73):85–87. (In Russ.)
3. Bunames NV. The plural of abstract nouns and the norm (based on the material of the Russian and French languages). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities Bulletin. 2007;10:75–80. (In Russ.)
4. Vodyasova LP. A complex syntactic whole with a dynamic beginning, its varieties and ways of their verbalization in art texts. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2020;10;2:207–215. (In Russ.)
5. Vodyasova LP. The role of abstract vocabulary as a means of communication of the text in the prose of K. G. Abramov. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2014;1:8–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21595925> (accessed 20.06.2021). (In Russ.)
6. Vol'skaya YuA. Creation of a dictionary of abstract nouns in the Russian language: criteria for the selection of vocabulary. *Filologiya i kul'tura* = Philology and Culture. 2020;1:38–44. (In Russ.)
7. Kalinina LV. On the question of the selection criteria and distinctive features of the lexical and grammatical categories of nouns. *Voprosy iazykoznaniiia* = Linguistic issues. 2007;3:55–70. (In Russ.)
8. Kalinina LV. Concrete, abstract, material, collective nouns and their role in reflect-

- ing reality. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities. 2009;151;3:240–247. (In Russ.)
9. Kachkalova IV. Expression of an indefinite number with the words *lamо* / *paljon* “many” in the Erzya and Finnish languages. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences. 2006;7:112–115. (In Russ.)
 10. Komarova NYu. Stylistically directed study of the category of the number of a noun in the course of modern Russian. *Russkii iazyk v shkole* = Russian language at school. 1988;6:69–72. (In Russ.)
 11. Korsunova IN. Abstract nouns with proper deictic meaning in the aspect of considering conceptual categories. *Refleksia* = Reflection. 2013;1:65–67. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26508914 (accessed 20.06.2021). (In Russ.)
 12. Turaeva ZYa, Birenbaum YaG. Some features of the category of quantity: on the material of the English language. *Voprosy iazykoznanii* = Linguistic issues. 1985;4:122–130. (In Russ.)
 13. Uspenskij BA. On the material connotations of abstract nouns. *Semiotika i informatika* = Semiotics and informatics. Moscow; 2019;35:146–152. (In Russ.)
 14. Chinaeva NV, Kuznecova SV. Suffix formation of abstract nouns in Erzya and Finnish languages. *Molodoi uchenyi* = Young scientist. 2015;22:971–976. (In Russ.)
 15. Gorbov A. Number paradigms of abstract nouns in twentieth-century Russian: development trends and the influence of English. *Russian Linguistics*. 2014;38;1:23–46.
 16. Vardanyan LV, Vodyasova LP, Kashtanova II. Representation of the Concept of Safety in the English-Language Media Discourse. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2020;9;2:174–180. URL: <https://publons.com/publon/47824371> (accessed 20.06.2021).

Submitted 01.07.2021; reviewing 07.07.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

L. P. Vodyasova – Doctor of Philology, Professor, Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University, lvodyasova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6767-6337>

Особенности художественного билингвизма в современной удмуртской литературе (на материале поэтических текстов Б. Анфиногенова)

Наталья Владимировна Кондратьева

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия*

Беатрикс Оско

*Научно-исследовательский лингвистический центр,
Будапешт, Венгрия
Университет Нови-Сада,
Нови-Сад, Сербия*

Введение. Статья посвящена изучению художественного билингвизма, под которым понимается творческое использование двух языков как способ создания произведений художественной литературы с конкретным осмыслением специфики семантического и прагматического потенциала этих языков. Цель статьи – выявление особенностей художественного билингвизма в творчестве современного удмуртского поэта Б. Анфиногенова.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужил сборник поэтических текстов Б. Анфиногенова «Айшет будущего». Методологическую основу составили лингвистический анализ художественного текста, синтез-обобщение достижений классического литературоведения, структурный анализ и др. Был использован комплекс исследовательских методов: описательный, сплошной выборки, контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. На примере поэтического творчества Богдана Анфиногенова было выявлено, что одним из приемов, присущих билингвальной коммуникативной стратегии, становится использование явления кодового переключения, которое выполняет различную функциональную нагрузку. Помимо традиционных предметно-тематической, эмоциональной, декоративной, адресатной, фактической и эмфатической функций кодовых переключений художественный билингвизм в творчестве исследуемого автора направляет интерес читателя на изучение языка и культуры удмуртского народа. Также удмуртский поэт нарочито подчеркивает факт изменяющейся социальной среды и ориентацию на западную культуру в молодежной среде. Иными словами, использование явления кодового переключения вносит в художественный текст дополнительную смысловую нагрузку, систему ценностей, определенный тип модально-эмоциональных смыслов.

Заключение. Базовыми элементами явления кодового переключения в творчестве Б. Анфиногенова выступают языковые единицы, представляющие все уровни языка: фонетический, морфологический, синтаксический. Важное значение приобретают ситуации кодового переключения, представленные на уровне графической системы удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртская литература, художественный билингвизм, кодовое переключение, Б. Анфиногенов, языковая игра

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 21-512-23007 РЯИК_а.

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Оско Б. Особенности художественного билингвизма в современной удмуртской литературе (на материале поэтических текстов Б. Анфиногенова) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 243–253. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.243-253.

Введение

Современное общество характеризуется стремительным ростом языковых контактов, что обусловлено бурным развитием средств связи и транспорта, активно

развивающимися миграционными процессами, изменениями в системе образования и др. Это, в свою очередь, приводит к росту числа билингвов и трилингвов в

мире [6; 10; 11; 13; 14 и др.]. Как подчеркивают финские исследователи Н. Dufva, S. Pietikäinen, вопросы формирования билингвизма связаны, с одной стороны, с общественно-политическими условиями, с другой – с индивидуальными потребностями личности: “Monikielisyys on yhteiskunnallis-poliittisissa olosuhteissa syntyvä ja niiden mukaan määräytyvä, mutta myös yksilöllisesti koettu asia” [12, 11].

Общие вопросы билингвизма в научной литературе принято рассматривать в междисциплинарном контексте. В частности, вопросы дву- и многоязычия исследуются в рамках лингвистики, психологии, социологии, этнологии и др.; изучаются причины и условия возникновения билингвизма, раскрываются его этнокультурные корни и др. Более того, в последние годы отдельные аспекты двуязычия все чаще становятся предметом специальных научных изысканий литературоведов, поскольку интеграция разных культурных традиций в художественном произведении осуществляется уже не только на уровне сюжетных линий, мотивов, образов, средств выразительности и др., но и на уровне языкового оформления художественного текста.

Явление, при котором писатель или поэт, владея двумя языками и культурами, создает художественные произведения на обоих языках попеременно (или с иноязычными вкраплениями) на высоком уровне, в современном литературоведении принято называть художественным билингвизмом [3; 4].

Художественный билингвизм как стилистический прием в удмуртской литературе на сегодняшний день особенно ярко используется в молодежной среде, одним из представителей которой является Богдан Анфиногенов. Основная цель данной статьи – выявление особенностей художественного билингвизма в творчестве современного удмуртского поэта Б. Анфиногенова.

Предмет исследования составляют чрезвычайно разнообразные с точки зрения способов графического выражения, грамматической и морфологической структуры, национально-языкового стату-

са компоненты поэтических текстов, наделенные объединяющим их признаком иноязычия, т. е. принципиально не адаптированные удмуртским языком элементы из других языков.

Объектом исследования является феномен художественного билингвизма, воплощенный в поэтических произведениях Б. Анфиногенова, в его взаимообусловленности с удмуртско-русским двуязычием как историко-лингвокультурной универсальностью.

Обзор литературы

Зарождение предметной области художественного билингвизма уходит корнями в такое явление, как литературный билингвизм. В частности, ряд замечаний относительно включения в литературный текст различных высказываний, в том числе иноязычных, можно найти в трудах Л. В. Щербы, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова и др.

Долгое время вопросы литературного билингвизма рассматривались в контексте переводческой деятельности. В частности, Ч. Г. Гусейнов предлагает выделять пять типов литературного билингвизма: а) творчество на национальном языке и авторский перевод на русский; б) творчество на русском языке с последующим переводом на национальный; в) параллельное творчество на национальном и русском языках без самоперевода; г) временный или постоянный переход с двуязычия на одноязычие русское или национальное, при котором произведение не переводится автором на национальный язык в первом случае и на русский – во втором; д) творчество лишь на русском языке, которое причисляется к национальной литературе [2].

Сегодня основные акценты изучения художественного билингвизма смещаются в сторону лингвокультурологии. Так, Р. О. Туксайтова подчеркивает, что о явлении художественного билингвизма можно говорить тогда, когда происходит «индивидуализированная реализация в художественном тексте высших уровней лингвистической компетенции» на обоих языках

[9, 201–202]. Иными словами, в этом случае речь идет о синтезе двух картин мира, в чем и выражается уникальность писателя-билингва.

Исследуя философские основы художественного билингвизма, Г. Д. Гачев также отмечает, что двуязычие – это диалог двух мировоззрений, систем мира, обуславливающий стереоскопичность зрения, объемность мышления [1].

Некоторые ученые предлагают отнести изучаемый феномен к области философии и когнитологии, поскольку художественный билингвизм – комбинированное явление: рассмотрение начинается с двух языков и заканчивается когнитивными процессами и трансформацией языковой личности в силу продуцирования творческой речи на двух языках [3].

Особый интерес представляет исследование С. Г. Николаева «Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов» [7], где автор вводит в научный оборот новый термин «билингвема», под которой понимается минимальная внеуровневая единица выражения, чье присутствие делает речь, художественную в том числе, двуязычной, или билингвизирует ее. Несомненно, в зависимости от многообразных территориальных, исторических, политических, культурных, социолингвистических и других условий билингвема в каждом конкретном языке будет приобретать специфические черты.

Таким образом, сегодня в научной литературе существует широкое и узкое понимание художественного билингвизма. В широком смысле он включает все случаи соприкосновения и взаимодействия языков и культур. Узкий взгляд на художественный билингвизм предполагает творческое использование двух языков как способов создания произведений художественной литературы с конкретным осмыслением специфики семантического и прагматического потенциала этих языков, т. е. оригинальное творчество, основанное на взаимодействии двух и более языков и культур. Важно подчеркнуть, что художественный билингвизм как объект и пред-

мет литературоведения на сегодняшний день находится еще на стадии уточнения и корректировки базовых понятий, исследовательских принципов и подходов.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужил сборник поэтических текстов молодого удмуртского поэта Б. Анфиногенова «Айшет будущего»¹.

Методологическую основу составили лингвистический анализ художественного текста, синтез-обобщение достижений классического литературоведения, структурный анализ и др. Стратегию исследования определил также накопленный в отечественной и зарубежной филологической науке опыт изучения вопросов билингвизма.

Для решения поставленной цели был использован комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа, что позволило рассмотреть на конкретном материале особенности применения кодовых переключений в поэтических текстах Б. Анфиногенова.

Результаты исследования и их обсуждение

Богдан Витальевич Анфиногенов – один из ярких представителей современной удмуртской поэзии. Он родился 8 августа 1990 г. в с. Малая Пурга Удмуртской Республики. Имеет базовое историческое образование, что прямо влияет на выбор тем и сюжетов, образов многих поэтических текстов.

Творчество Богдана Анфиногенова многопланово. В разные годы он был участником творческой группы “Amiso Wott”, автором хип-хоп проекта “Муржол Underground”, творческого объединения “Ullapala Boy”, вокалистом группы “Малыми” и др. Молодой поэт является победителем и призером многих творческих конкурсов. В частности, в 2009 г. он получил приз зрительских симпатий на фе-

¹ См.: Анфиногенов Б. Айшет будущего: Кылбуръёс, поэмаос. Ижкар, 2014. Далее ссылки на произведения из этого сборника будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

стивале «Рифма» и стал победителем фестиваля «Арт-Э»; в 2010 г. – победителем Приговских чтений; в 2015 г. – лауреатом литературной премии Общества М. А. Кастрена (Финляндия); в 2019 г. – лауреатом премии «Признание», учрежденной Главой Удмуртской Республики.

В качестве основных слагающих успеха молодого автора можно назвать декламационность, философский контекст, широкое использование интертекстуальности и др. Немаловажным является также осознанный выбор художественного билингвизма как одного из доминирующих стилистических стратегий творческого процесса. По мнению поэта, благодаря билингвальному письму можно привлечь внимание подрастающего поколения к изучению родных языков: «Если говорить о какой-то задаче моего творчества, то для меня она как раз в привлечении таких, как я, обрусевших удмуртов, детей, подростков, молодых людей к родной культуре. Они оказываются вне культурного контекста, так как не знают языка»².

В стихотворном сборнике «Айшет будущего» автор поднимает актуальные для удмуртской молодежи проблемы мироощущения, самоидентификации подрастающего поколения. Важное место занимают оппозиции город – деревня, традиционное – современное. Для молодого поэта, переехавшего из удмуртской деревни в столицу республики, значимым становится поиск ответа на вопрос: «Как в условиях городской среды можно сохранить удмуртский колорит?»

В сборник включены 83 стихотворения и 3 поэмы («Маленькая поэма о малой родине», “Ullapala”, “Мынам generation”). Произведения расположены в хронологическом порядке. Интересно отметить, что стихотворения, написанные в 2007–2008 гг., представляют собой русскоязычные тексты. Перелом авторского сознания, по-видимому, произошел в 2009 г., поскольку первые вкрапления удмуртского языка представлены в стихотворении, датированном указанным годом:

*жингыр-жингыр
зильыр-зильыр*

*журчали
звенели
и выступали из-под земли
темные ели.
на мировом пеньке росли
мурома, мера и веси.
и был перед ними разлит
неопознанный мир. весь (с. 32).*

В данном стихотворении прием кодового переключения играет опосредованную роль, поскольку удмуртскоязычные вкрапления даже визуально стоят отдельно: звукоподражательные слова *жингыр-жингыр* и *зильыр-зильыр*, как набат колокола и журчание родника, пытаются акцентировать внимание читателя на проблеме исчезновения языков. Однако в последующих стихотворениях эксперименты с билингвальным письмом усиливаются. Так, появляются стихотворения, в которых представлены элементы из двух и более языков:

*Знак бесконечности завис
Через Bluetooth...
Мыным кельше тямьс.
Чебер лыдпус (с. 79).*

*Знак бесконечности завис
Через Bluetooth...
Мне нравится восьмерка.
Красивая цифра.*

Или:

*Эн сюлмаське, friends, эшгёс, друзья,
Мынам ваньмыз мынэ радьзья (с. 56).*

*Не волнуйтесь, друзья, друзья, друзья,
У меня все идет по плану.*

Подобные иноязычные вкрапления позволяют полнее ощутить реалии современного мира, характеризующегося экспансией англицизмов в повседневную речь.

Несколько иную функцию – отражение национально-культурной специфики описываемого хронотопа – выполняет включение в структуру стихотворного текста лексических единиц из хантыйского языка:

² Бикюзин А. В Удмуртии «звездой» быть не принято // Национальный акцент. 2018. 21 июня. URL: <https://nazaccent.ru/content/27530-v-udmurtii-zvezdoj-byt-ne-prinyato.html> (дата обращения: 08.03.2021).

Я, увы, не студент ЮГУ.
Я всего лишь удмуртский клец.
У вас “тЫлац”, у нас “толЭзь”.
Вуца олатэ. Зечбуресь (с. 119).

Я, увы, не студент ЮГУ.
Я всего лишь удмуртский клец.
У вас “тЫлац”, у нас “толЭзь”.
Здравствуйте. Здравствуйте.

Важное место в творчестве Б. Анфиногенова занимает языковая игра, построенная на использовании кодовых переключений. Подчеркнем, что традиционно под языковой игрой принято рассматривать «баловство», игру со структурными элементами языковой системы в самом широком смысле слова, разнообразное словесное и звуковое «кривляние», обыгрывание скрытых значений и смыслов многозначных слов или омонимов и др. [5].

Приведем примеры обращения Б. Анфиногенова к кодовым переключениям как к приемам языковой игры.

1. Графическая детерминация

Данный прием акцентирует внимание на ключевых словах стихотворного текста, реализуя прежде всего эмоциональную, декоративную и эмфатическую функции языка. В этом контексте важно подчеркнуть, что поэт использует две традиции написания удмуртских слов/фраз – кириллицей и латиницей:

а) чаще всего применяется литературная форма удмуртского языка с его кириллической графикой:

лымы тӧдӧы	белый снег
белый снег	белый снег
осыпает кругозор	осыпает кругозор
мы – медведи	мы – медведи
дело – в сне	дело – в сне
мы – орнамент	мы – орнамент
мы – узор (с. 37)	мы – узор;

б) в ряде примеров удмуртские лексемы представлены в латинской транскрипции:

Мон Justari,	Я Justari (Тряпка),
гламурной Justari.	гламурный Justari.
evel viz'mo, evel zador;	не умный, не задорный,
зато – cheber;	зато – красивый,
зато – motor (с. 106).	зато – эффектный.

В данном произведении для своего лирического героя Б. Анфиногенов создает авторское собственное имя *Justari*,

что скорее всего соотносится с лексемой *жустари* ‘тряпка’. Характеризуя лирического героя, автор подчеркивает: *evel viz'mo* ‘не умный’, *evel zador* ‘не задорный’, но *cheber* ‘красивый’ и *motor* ‘эффектный’.

Графическая детерминация играет важную роль и в следующем стихотворении, где автор с болью в сердце говорит о проблеме сохранения удмуртского языка и культуры:

Нам выпало время следить,
как народ вымирает,
Как все, что лелеяли предки,
вдруг сходит на нет.

Jech lu, Udmurtlyk,
Ты оставил скелет в Ludorvae.
Jech lu, tabani, zyret.
Udmurt kalyke, простить kar mone,
Munat ulone imoi kad' тупе.
Tone, kalyke, возрождать karono,
Всё это прекрасно, блин, но...
Но я сам не владею родным языком,
Я его не впитал с молоком (с. 164–165).

Нам выпало время следить,
как народ вымирает,
Как все, что лелеяли предки,
вдруг сходит на нет.
До свидания, удмуртское сообщество,
Ты оставил скелет в Лудорвае
(музей под открытым небом).
До свидания, табани с зыретом
(национальное блюдо).

Удмуртский народ, прости меня.
Моя жизнь вроде бы течет хорошо,
Тебя, мой народ, необходимо возрождать.
Всё это прекрасно, блин, но...
Но я сам не владею родным языком,
Я его не впитал с молоком;

в) автором допускается осознанное искажение правил написания отдельных лексем, чаще всего отсылающее к явлениям удмуртско-русской языковой интерференции:

ныллӧс (вместо нылӧс) чик өвӧл
четлык чыртывец (вместо чыртывесь)
ныллӧс чик өвӧл
умой умоец (вместо умоесь) (с. 106)

девушек здесь нет
капкан мониста
девушек совсем нет
здравствуй здравствуйте;

г) встречаются примеры, когда английские заимствования приведены в кириллической транскрипции:

*ФриДарали,
Фэин айшон.
Только али,
Тонэ мон нашел (...),
ФриДарали
Вумэн удмурти*
(с. 59).

Свободная Дарали,
Модный айшон.
Только сейчас,
Тебя я нашел.
Свободная Дарали
Удмуртская
девушка.

Как подчеркивает С. Г. Николаев, иноязычная графическая система, в которую вводится иноязычный метакомпонент, сама по себе выступает способом выделения и средством создания экспрессивности [7], поскольку данная черта не в последнюю очередь связана с принципом изобразительности, которую, в отличие от образности, присутствующей в структуре тропа, предлагаем именовать нетропеической.

2. Графогибридизация (графодеривация)

Данное явление представляет собой гибридизацию латинского и кириллического письма. Исследователи под гибридизацией понимают самостоятельный прием языковой игры, причем как при оформлении заимствованных единиц, так и при обновленном, игровом написании русскоязычных языковых единиц, включая имена собственные, особенно в сфере поп-культуры и шоу-бизнеса [8, 89].

*Я волосы высушу феном,
Я буду молиться Google-y* (с. 100).

Или:

*Кы́че ке но хипстер-pisey (...)
Я пил Kutyshki. Мешая с Brendy (...)
Я пил Kумышку. Мешая с Колой* (с. 108–109).

*Какая-то хипстер-кошка (...)
Я пил Kумышку. Мешая с бренди (...)
Я пил Kумышку. Мешая с колой.*

Использование приема графогибридизации позволяет обращать внимание на смысловые лексемы:

*Я – гражданин республики Удмуртия.
Я не один. Нас много, до предела.
Я повторяю фразу перед трудностью
И у любого перепутья:
“res Publica” – общее дело* (с. 149).

В приведенных примерах акцентируется внимание на общем принципе контра-

ста, который может проявляться на внешнем (в случае написания графической единицы буквами второго алфавита) и внутреннем, смысловом уровне лексемы.

3. Визуализация интонационных различий удмуртского и русского языков

В творчестве Б. Анфиногенова она достигается посредством использования графических маркеров:

*Мусо Удмурт Блогиня – МаринА.
Жуч филфакысь – Сергеева МарИна* (с. 128).

Милая удмуртская блогерша – Маринá.
С филфака – Сергеева Марíна.

Благодаря данному приему не только реализуется предметно-тематическая функция языка, но и раскрываются изобразительно-выразительные возможности лексемы и, как следствие, расширяется содержательная структура целого текста.

4. Обыгрывание межъязыковой омофонии

Оно вносит в стихотворение легкость и шуточный характер. Таким образом, с одной стороны, усиливается эмфатическая функция языка, с другой – реализуются его адресатная и фатическая функции:

*Эше шуэ: “Тон ю, бон, ю...”
Мон юисько.
Without you* (с. 154).

Мой друг говорит: «Да ты пей, ты пей...»
Я пью.
Без тебя.

Как подчеркивает А. А. Ривлина, данный прием соотносится с приемом псевдомотивации и лежит в основе создания своеобразных межъязыковых каламбуров [8, 89], что подтверждают следующие строки:

*Ческыт аръян,
Гырон быдтон.
Сяська пöлын
Растет полынь* (с. 128).

Вкусный аръян (кисломолочный напиток),
Гырон быдтон (праздник окончания пахоты).
Среди цветов
Растет полынь.

Или:

*Нош толон мон туж кышкай,
Ымпушкысь потиз аж жук:
Новенький Nissan Qashqai
Протаранил Nissan Juke (с. 104).*

А вчера я очень испугался,
Так, что изо рта вывалилась каша:
Новенький Nissan Qashqai
Протаранил Nissan Juke.

Можно заметить, что в этом случае использование иноязычных элементов не обусловлено какими-либо семантическими потребностями, но их нельзя называть неоправданными, поскольку в подобных примерах реализуется референциальная функция языка.

5. Переключение кодов на синтаксическом уровне

Данное явление в творчестве удмуртского поэта представлено, в частности, в следующем примере, где рефреном повторяется синтаксема «не настолько» в контексте с удмуртскими прилагательными:

<i>Тон доры мон берто, Ведь тонтэк та улон Не настолько шудо, Не настолько чебер, Не настолько</i>	<i>Я вернусь к тебе, Ведь жизнь без тебя Не настолько счастлива, Не настолько красива, Не настолько яркая.</i>
--	--

яркыт (с. 70).

Иногда автор обыгрывает такую синтаксическую связь, характерную для удмуртского языка, как изафет. В следующем примере Б. Анфиногенов вместо общепринятого «Союз художников» использует «художников Союз» (в буквальном переводе именно так звучало бы указанное словосочетание в удмуртском языке: *Суредасьёслэн огазеяськонзы*):

*Он не в художников Союзе,
Он пьет арьян, не ест попкорн,
Оглom – ЧудьяЖениБикузин,
Оглom – удмуртский Арагорн! (с. 123)*

Он не в Союзе художников,
Он пьет арьян, не ест попкорн,
Это он – ЧудьяЖениБикузин,
Это он – удмуртский Арагорн!

Явление кодового переключения на синтаксическом уровне позволяет созда-

вать непринужденную, раскованную атмосферу, вызывать улыбку у собеседника, оживлять разговор.

6. Интертекстуальность

Как уже отмечалось, интертекстуальность в творчестве Б. Анфиногенова занимает особое место, причем нередко цитаты известных людей, языковые реалии обыгрываются или шутивно переиначиваются в рамках переключения кодов:

*Бакчаям нош будэ ни сутэр,
“Рай отын, кытын мон” (с) (Ф. Вольтер)
бакчаям нош будэ ни сугон.
“Тодоньн – вань кужым” (с) (Ф. Бэкон)
Бакчаям нош будэ ни кияр.
“Фрагментысь – фрагментэ”*

(с) (Ж. Бодрийяр)

В общем, ваньмыз будэ бакчаям (с. 131).

В огороде растет смородина,
«Рай там, где я» © (Ф. Вольтер)
А в огороде уже растет лук.
«Знание – сила» © (Ф. Бэкон)
В огороде уже растет огурец.
«От фрагмента к фрагменту» © (Ж. Бодрийяр)
В общем, всего много в моем огороде.

В подобных контекстах явление кодового переключения выполняет важную эстетическую функцию – нарушает автоматизм речи, привлекает внимание, создает шутивную атмосферу.

7. Использование лексем-триггеров, связанных с культурными реалиями

Писатель-билингв, внося иноязычные вкрапления, критически оценивает возможности текстопорождения на используемых им языках. В этом ключе особый интерес представляет стихотворение «Японщина», где к удмуртским лексемам автор подбирает близкие по созвучию японские культурные реалии:

*Байгурезь – не Фудзияма,
Байтуган – не Бакуган,
Был нунал. Шунды сияло.
Глина липла к сапогам.
Кимоно – не азкышет,
Ибырвесь – не икебана (с. 104).*

Байгурезь – не Фудзияма,
Байтуган – не Бакуган,
Был день. Солнце сияло.
Глина липла к сапогам
Кимоно – не передник,
Ибырвесь (женское украшение) – не икебана.

Данный прием позволяет целенаправленно создавать оппозицию свое – чужое, опираясь на традиции народной культуры, реалии окружающей жизни, как бы странно они иногда ни проявлялись. Иноязычные вкрапления в подобных стихотворениях – это достаточно яркий маркер уникального национального колорита (культуры, традиции, истории, эпохи и др.).

8. Структурное своеобразие стихотворений

Б. Анфиногенов экспериментирует не только на уровне образной системы и языка произведений, большое внимание он уделяет и структуре стихотворений. В частности, следующее стихотворение имеет бинарную структуру, где первую и вторую части формируют фразы “Уй. Пеймыт. И мы” в их зеркальном переводе «Ночь. Темно. Но ми»:

*Уй. Пеймыт.
И мы.
Умыт
Мир.
Ночь. Темно.
Но ми. Горд вир.
Тон ышид
Туннэ.
Это турне
Поместим
В интернет (с. 46).*

*Ночь. Темно.
И мы.
Умыт
Мир.
Ночь. Темно.
И мы. Красная кровь.
Ты исчезла
Сегодня.
Это турне
Поместим
В интернет.*

Заключение

Творчество Б. Анфиногенова – один из ярких образцов художественного билингвизма. Явление кодового переключения становится визитной карточкой удмуртского поэта. Использование данного приема вносит в художественный текст дополнительную смысловую нагрузку, систему ценностей, определенный тип модально-эмоциональных смыслов. Художествен-

ный билингвизм в творчестве исследуемого автора направляет интерес читателя на осмысленное изучение языка и культуры удмуртского народа.

Билингвальные произведения Б. Анфиногенова имеют особую архитектуру: в одной группе стихотворений доминирует удмуртский язык как канва произведения; в другой – русский язык. Но в том и другом случае иноязычные вкрапления гармонично вписываются в общую идею художественного текста.

Иноязычные компоненты в стихотворениях Б. Анфиногенова могут выдвигаться на позиции ведущего, ключевого фрагмента произведения и концентрировать в себе дополнительные смыслы. В этом отношении явление кодового переключения уникально и едва ли допускает замещение другими средствами языка и речи.

Базовыми элементами явления кодового переключения в творчестве Б. Анфиногенова становятся языковые единицы, представляющие все уровни языка: фонетический, морфологический, синтаксический. Удмуртский автор активно использует языковую игру, построенную на переключении кодов. Особое место в этом случае занимают графическая детерминация, графогибридикация, обыгрывание межязыковой омофонии, лексемы-триггеры, особые синтаксические конструкции, интертекстуальность и др. Значительной смысловой нагрузкой при кодовом переключении может обладать и архитектура произведения.

Исследуя билингвальное письмо Б. Анфиногенова, можно также отметить употребление звуко-символических приемов и аллюзий разного типа в тексте, использование специфической лексики, связанной с удмуртской культурой или современными реалиями. Как подчеркивает автор, он создает «новый» жанр письма под названием «свободное плавание»: *Та кылбуръёс просты, как баклажан, / Они поменьше, чем роман «Гаян». / Я открываю новый жанр, / Со нимаське “эрик уян” (с. 79).* «Эти стихотворения просты, как баклажан, / Они поменьше, чем роман “Гаян”. / Я открываю новый жанр, / Он называется “свободное плавание”». Рассмотренные и другие при-

емы организации художественного текста придают творчеству поэта уникальность, оригинальность и узнаваемость.

Использование приемов художественного билингвизма позволяет Б. Анфинонову реализовать в своих произведениях дополнительную смысловую,

эмоциональную, экспрессивную нагрузку, создавать ситуативно-речевой комизм и таким образом поднимать актуальные для удмуртского общества проблемы, связанные с самоидентификацией удмуртов, их мироощущением и взглядами на будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М.: Совет. писатель, 1988. 233 с.
2. Гусейнов Ч. Г. Проблемы двуязычного художественного творчества в советской литературе // Единство, рожденное в борьбе и труде: Новая историческая общность людей – советский народ и литература социалистического реализма: материалы Всесоюз. конф. М., 1972. С. 314–315.
3. Коровина К. Г. Особенности художественного билингвизма (на примере рассказа В. В. Набокова «Звуки») // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 9: сб. ст. Волгоград, 2015. С. 58–59.
4. Коровина К. Г. Художественный билингвизм: три аспекта понимания явления // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2015. С. 240–245.
5. Лебедева Е. Б. Уточнение понятия «языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. № 4. С. 48–63.
6. Марусенко М. А. Новый мировой языковой порядок. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 684 с.
7. Николаев С. Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: моногр. Ч. 1: Теоретические основы изучения иноязычия в поэзии. Ростов н/Д: Старые русские, 2004. 176 с.
8. Ривлина А. А. Об основных приемах современной англо-русской языковой игры // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. СПб., 2011. Вып. 3. С. 86–96.
9. Туксайтова Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 198–206.
10. Andócsi J. Az anyanyelv használatának jogi lehetőségei Horvátországban // Eplényi K., Kántor Z. Tévesztés és határtalanítás. A magyar nyelvpolitika 21. századi kihívásai. Budapest, 2012. Old. 271–287.
11. Borbély A. Kétnyelvűség. Variabilitás és változás magyarországi közösségekben. Budapest: L'Harmattan, 2014. 334 old.
12. Dufva H., Pietikäinen S. Moni-ilmeinen monikielisyys // Puhe ja kieli. 2009. Vol. 29, no. 1. S. 1–14.
13. Oszkó B. Nyelv, nyelvváltozat, nyelvjárás: megjegyzések horvátországi magyarok nyelvi repertoárjáról // Heltai J. I., Oszkó B. Nyelvi repertoárok a Kárpát-medencében és azon kívül: Válogatás a 20. Élőnyelvi Konferencia előadásából. Budapest, 2020. Old. 235–244.
14. Thomka B. Regénytapszaltat: Korélmény, hovatarozás, nyelvváltás. Budapest: Kijarat Kiadó, 2018. 264 old.

Поступила 30.06.2021; одобрена 09.07.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Н. В. Кондратьева – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, nataljakondratjeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3632-503X>

Б. Оско – доктор философии, научный сотрудник Научно-исследовательского лингвистического центра (Будапешт, Венгрия), кафедры венгерского языка и литературы Университета Нови Сада, oszko.beatrix@nytud.hu, <https://orcid.org/0000-0002-0169-4505>

Features of artistic bilingualism in modern Udmurt literature (based on the poetry by B. Anfinogenov)

Natalia V. Kondratieva

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russia*

Beatrix Oszkó

*Hungarian Research Centre for Linguistics,
Budapest, Hungary
University of Novi Sad,
Novi Sad, Serbia*

Introduction. The article deals with artistic bilingualism which is interpreted as the creative use of two languages in creating works of literature based on precise understanding of the specific features of semantic and pragmatic potential of these languages. The purpose of the article is to identify the features of artistic bilingualism in the work of the modern Udmurt poet B. Anfinogenov.

Materials and Methods. The main source of research is the collection of B. Anfinogenov's poetry "Aishet of the future". The methodological framework includes linguistic analysis of poetic texts, synthesis and generalization of the achievements in literary studies, structural analysis, etc. The research is based on the use of the descriptive method as well as the method of full coverage and methods of contextual and situational-contextual analysis.

Results and Discussion. Based on the analysis of the poetry of the young Udmurt author Bogdan Anfinogenov, it was revealed that one of the techniques inherent in the bilingual communication strategy is the use of code switching, which performs various functions. In addition to the traditional thematic function, emotional, decorative, recipient, factual and emphatic functions of code switching, artistic bilingualism in the work of this author draws the reader's attention to the Udmurt language and culture. Also, the Udmurt poet deliberately emphasizes changes in the social environment and orientation towards Western culture. In other words, the use of code switching introduces additional semantic nuances into the literary text, a certain system of values, a certain type of modal-emotional meanings.

Conclusion. The main constituent elements of code switching are language units representing all language levels: phonetic, morphological, syntactic. Special attention is paid to the phenomenon of code switching, represented at the level of the graphic system of the Udmurt language.

Keywords: Udmurt literature, artistic bilingualism, code switching, B. Anfinogenov, language game

Acknowledgments: The work was supported by RFBR grant № 21-512-23007 RJAİK_a.

For citation: Kondratieva NV, Oszkó B. Features of artistic bilingualism in modern Udmurt literature (based on the poetry by B. Anfinogenov). *Finnno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:243–253. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.243-253.

REFERENCES

- Gachev GD. National images of the world. General issues. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian. Moscow; 1988. (In Russ.)
- Gusejnov ChG. Problems of bilingual literary translation in Soviet literature. *Edinstvo, rozhdennoe v bor'be i trude: Novaia istoricheskaia obshchnost' liudei – sovetskii narod i literatura sotsialisticheskogo realizma: materialy Vsesoiuz. konf.* = Unity Born in Struggle and Labor: A New Historical Community of People – the Soviet People and the Literature of Socialist Realism. Proceedings of the All-Union Conference. Moscow; 1972. (In Russ.)
- Korovina KG. Features of artistic bilingualism (on the example of the story by V. V. Nabokov "Sounds"). *Meniaiushchaisia kommunikatsiia v meniaiushchemsia mire – 9: sb. st.* = Changing communication in a changing world – 9. Collection of articles. Volgograd; 2015:58–59. (In Russ.)
- Korovina KG. Artistic bilingualism: three aspects of understanding the phenomenon. *Aktual'nye problemy lingvodidaktiki i lingvistiki: sushnost', koncepcii, perspektivy* = Actual

- problems of linguodidactics and linguistics: essence, concepts, prospects. Materials of the VI International scientific and practical conference. Volgograd; 2015:240–245. (In Russ.)
5. Lebedeva EB. On clarification of the term “Language Game” in linguistics. *Iazyk i kul'tura* = Language and Culture. 2014;4:4–63. (In Russ.)
 6. Marusenko MA. The new world language order. Saint-Petersburg; 2019. (In Russ.)
 7. Nikolaev SG. The phenomenology of bilingualism in the works of Russian poets. Monograph. Part 1: Theoretical foundations of the study of foreign language in poetry. Rostov-on-Don; 2004. (In Russ.)
 8. Rivlina AA. About the main techniques of the modern English-Russian language game. *Homo Loquens: aktual'nye voprosy lingvisztiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov: sb. nauch. st.* = Homo Loquens: topical issues of linguistics and methods of teaching foreign languages: a collection of scientific articles. Saint-Petersburg; 2011;3:86–96. (In Russ.)
 9. Tuksaitova RO. Artistic bilingualism: towards the definition of the term. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Ural State University. Series: Humanities. 2005;39:198–206. (In Russ.)
 10. Andócsi J. Az anyanyelv használatának jogi lehetőségei Horvátországban. *Eplényi K., Kántor Z. Tévesztés és határtalanítás. A magyar nyelvpolitika 21.* Budapest; 2012:271–287.
 11. Borbély A. Kétnyelvűség. Variabilitás és változás magyarországi közösségekben. Budapest; 2014.
 12. Dufva H, Pietikäinen S. Moni-ilmeinen monikielisyys. *Puhe ja kiel.* 2009;29;1:1–14.
 13. Oszkó B. Nyelv, nyelvváltozat, nyelvjárás: megjegyzések horvátországi magyarok nyelvi repertoárjáról. *Heltai J. I., Oszkó B. Nyelvi repertoárok a Kárpát-medencében és azon kívül. Válogatás a 20. Élőnyelvi Konferencia előadásaiából.* Budapest; 2020:235–244.
 14. Thomka B. Regénytapasztalat: Korélmény, hovatarozás, nyelvváltás. Budapest; 2018.

Submitted 30.06.2021; reviewing 09.07.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

N. V. Kondratieva – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University, nataljakondratjeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3632-503X>

B. Oszkó – Doctor of Philosophy (Ph. D.), Research Fellow, Hungarian Research Centre for Linguistics; Associate Professor, Department of Hungarian Language and Literature, University of Novi Sad, oszko.beatrix@nytud.hu, <https://orcid.org/0000-0002-0169-4505>

Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала

Дмитрий Васильевич Цыганкин
Нина Афанасьевна Агафонова
Иван Николаевич Рябов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Современная дифференциация эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала сложилась в результате длительного исторического развития. Их формированию способствовала миграция мордвы с прежних мест жительства. Обособленный от основной массы мордвы характер проживания в данном регионе эрзи и контакты с народами разных языковых систем способствовали сохранению архаичных явлений в языке-основе и возникновению инновационных компонентов в структуре исследуемых диалектов. Цель работы состоит в обнаружении и описании архаичных явлений и новообразований в падежных парадигмах данного ареала.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе полевых материалов авторов, собранных во время лингвистических экспедиций в местах компактного проживания эрзи на территории Заволжья и Южного Урала. Сбор диалектного материала проводился по программе-вопроснику, отражающей лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование языковых явлений. При анализе языкового материала в работе использовались описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование языкового материала Заволжья и Южного Урала показало отличия падежных парадигм имени существительного от соответствующих парадигм эрзянского кодифицированного языка и других диалектов и говоров. В ходе анализа выявлено, что в парадигмах определенного склонения единственного числа встречается разный состав падежей и отсутствует единая структура словоформ. Одни парадигмы являются архаичными, последовательными и логичными, в составе других имеются новообразования, омонимичные падежные суффиксы и послеложные конструкции.

Заключение. Основные диалектные типы эрзянского языка были сформированы до миграционных процессов на восточные территории современного проживания эрзи. Изолированное развитие диалектов Заволжья и Южного Урала позволило, с одной стороны, сохранить архаичные явления в парадигмах определенного склонения, а с другой – выработать в них нехарактерные для них новообразования.

Ключевые слова: эрзянский язык, кодифицированный язык, морфема определенности, диалект, падежная парадигма, архаичные и инновационные явления

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00323.

Для цитирования: Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 254–264. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264.

Введение

В мордовском диалектном ареале проблема изучения падежной системы до настоящего времени остается актуальной и открытой. Сложность заключается в том, что категория падежа в именном словоизменении является подвижной и непостоянной.

Отсутствие единой падежной системы характерно и для эрзянских диалектов и говоров Заволжья и Южного Урала. Эр-

зяне этого языкового ландшафта, изначально говорившие на разных диалектах и говорах, выработали для общения новые диалекты, в которых сохранились архаичные языковые элементы и возникли разнообразные инновационные явления, свойственные только этим диалектам.

Дифференциация диалектных падежных парадигм имени существительного в исследуемом ареале связана с неодина-

ковым составом падежей в том или ином склонении, особенностями оформления отдельных падежей, характером падежеобразующей основы и различиями значений некоторых падежей.

Падежные системы эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала до настоящего времени не были предметом специального исследования. Имеющиеся работы ограничиваются рассмотрением отдельных уровней диалектной структуры мордовских языков. В течение ряда веков в мордовском языковом ландшафте Заволжья и Южного Урала сложились диалекты и говоры, сохранившие многие архаичные явления языка-основы. В процессе контактирования с языками других систем в них развились инновационные явления, характерные только для этого языкового ландшафта. Однако в настоящее время в диалектах Заволжья и Южного Урала происходят довольно глубокие процессы ассимиляции, в результате чего сфера функционирования этих диалектов сокращается, что требует скорейшей фиксации речи носителей языка и диалектных особенностей данного лингвистического ареала.

Обзор литературы

Изучению категории падежа в мордовских языках посвящен ряд работ. Основной проблемой в таких исследованиях является вопрос о количестве падежей в падежных парадигмах.

Состав падежных форм в именном словоизменении мордовских языков в той или иной степени рассматривался в самых ранних работах финно-угроведов Х. Габеленца [18], А. Алквиста [15], Ф. Видемана [25], Й. Буденца [17], Х. Паасонена [21]. В исследованиях этих авторов приводятся неоднозначная трактовка названий падежей и разное их количество.

Позже проблема состава падежных парадигм в мордовских языках была освещена в трудах Д. В. Бубриха [4, 39–

41, 191–195], А. П. Феоктистова [12], М. Н. Коляденкова [7, 265–270], Л. Керестеша [20, 52–60], Р. Баргенс [16, 70–107], Д. Рютера [22], Р. Турунен [24], Н. Инаба [19, 207–225] и других ученых.

Д. Т. Надькин раскрывает причины неодинакового количества падежей в падежных парадигмах в нижнепьянском диалекте эрзянского языка и приводит некоторые уточнения к критерию словоизменительности той или иной формы существительного [10, 10].

Процессы образования новых падежных форм на основе послеложных конструкций в верхне-алатырских говорах мокшанского языка на территории Нижегородской области описаны в работе К. И. Ананьиной¹.

Проблеме падежа в эрзянском диалектном ареале посвящены исследования Д. В. Цыганкина [13; 14]. По его мнению, «отсутствие единого состава падежей в мордовских диалектах связано с рядом факторов, одним из которых является множественность диалектов эрзя- и мокша-мордовских языков»².

Вопросы сохранения архаичных явлений и возникновения новообразований в падежных парадигмах отдельных диалектов Заволжья и Южного Урала рассматривались в работах Н. А. Агафоновой и И. Н. Рябова [1–3; 14].

Материалы и методы

Диалектный материал для исследования собран авторами в полевых условиях во время лингвистических экспедиций в местах компактного проживания эрзи на территории Заволжья и Южного Урала. Фиксация языкового материала осуществлялась с помощью разработанной ранее программы-вопросника, отражающей лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование языковых особенностей³. Дополнительным источником послужили диалектные материалы словарного кабинета кафедры мордовских

¹ См.: Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974.

² Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск, 1977. С. 34.

³ См.: Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск, 2018.

языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

В ходе исследования в работе применялись описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Эрзянские диалекты Заволжья и Южного Урала характеризуются отсутствием единой системы падежей в парадигмах определенного склонения имени существительного. В одних диалектах, как и в эрзянском кодифицированном языке, различают 10 падежных форм, в других их число колеблется от 9 до 3. Многие падежи кроме синтетических форм имеют аналитические конструкции.

В эрзянском кодифицированном языке суффиксами определенности являются *-сь* (в номинативе), *-ть* (в генитиве-аккузативе), *-нть* (в остальных падежах). В исследуемом ареале нами зафиксированы следующие варианты суффиксов определенности: *-ś*, *-t*, *-t̃i-*, *-nt̃*, *-ś/-ž-*, *-śt̃*.

1. Морфема *-ś*. Она является универсальным показателем определенности в номинативе и встречается во всех диалектах и говорах эрзянского языка.

2. Морфема *-t*. Зарегистрирована в диалектах с. Старое Борискино, Старое Домосейкино, Солалейка Северного района, Пронькино, Шестайкино, Кивацкое Бугурусланского района Оренбургской области. Эта морфема в генитиве-аккузативе полисемантическая. В ней совмещены семантика генитива и семантика определенности. Данная морфема характерна для мокшанского литературного языка и некоторых эрзянских говоров юго-восточного диалекта с мокшанскими языковыми элементами на территории Мордовии и Пензенской области: *viir-t* – лес-DEF.SG-GEN/ACC ‘этого леса’, *viir-t(t)i* – лес-DEF.SG-DAT ‘этому лесу’ и т. д.

3. Морфема *-t̃i-*. Встречается в говорах с. Шелехметь, Торновое Волжского района, Подстепки (бывшая Мордовская Борковка) Ставропольского района Самарской области. Она образована следующим образом: морфема определенности *-t* + падежный суффикс датива *-t̃i-*:

viir-t̃i-ti-sa – лес-DEF.SG-DAT-INE ‘в этом лесу’, *viir-t̃i-ti-sta* – лес-DEF.SG-DAT-ELA ‘из этого леса’, *viir-t̃i-ti-g'e* – лес-DEF.SG-DAT-PROL ‘по этому лесу’, *viir-t̃i-ti-ksa* – лес-DEF.SG-DAT-CAUS ‘из-за этого леса’.

4. Морфема *-nt̃*. Встречается как в кодифицированном эрзянском языке, так и в косвенных падежах эрзянских говоров сел Абдулинского и Бугурусланского районов Оренбургской области, Похвистневского района Самарской области, Еремеевского района Республики Башкортостан.

5. Морфема *-śt̃*. Зафиксирована в эрзянских говорах сел Шенталинского района Самарской области и в Альметьевском районе Республики Татарстан. Встречается также в большеигнатовском [5, 158–160] и приалатырском диалектах на территории Республики Мордовия [8, 43].

В генитиве-аккузативе компонент *-ś* несет утраченную семантику падежного суффикса генитива-аккузатива *-ñ*, а компонент *-t̃* – семантику определенности единственного числа. В этой падежной форме произошло наложение трех суффиксов: *-ñ* (генитив) + *-ś* (морфема определенности) + *-t̃* (морфема определенности). Поскольку стечение трех согласных – нехарактерное для эрзянского языка фонетическое явление, первый компонент морфемы (суффикс *-ñ*) выпадает и передает свою семантику следующему компоненту *-ś*.

В остальных падежных формах морфемой определенности является *-śt̃*, где произошло наложение двух древних дейктических суффиксов **-ś* и **-t̃*. Ср.: *viir-e-ś-t̃* – лес-INT-DEF.SG-GEN/ACC-DEF.SG ‘этот лес’, *viir-se-śt̃* – лес-INE-DEF.SG ‘в этом лесу’, *viir-se-śt̃* – лес-ELA-DEF.SG ‘из этого леса’, *viir-ga-śt̃* – лес-PROL-DEF.SG ‘по этому лесу’, *viir-tem'e-śt̃* – лес-ABE-DEF.SG ‘без этого леса’.

6. Морфема *-ś/-ž-*. Характерна для эрзянских говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области: *viir-e-ž-i-ñ* – лес-INT-DEF.SG-INT-GEN ‘этого леса’, *viir-e-ž-he* – лес-INT-DEF.SG-DAT ‘этому лесу’, *viir-e-ž-de* – лес-INT-DEF.SG-ABL/ELA ‘об этом лесе’ и ‘из этого леса’ и т. д.

Таблица 1. Парадигма определенного склонения единственного числа говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области

Table 1. Paradigm of a certain declension of the singular number of dialects of the villages of the Novomalyklinsky district of the Ulyanovsk region

Падеж / Case	Новомалыклинские говоры / Novomalyklin dialects	Эрзянский литературный язык / Erzya literary language	Русский язык / Russian language
Номинатив / Nominative	<i>kilev-e-s</i> <i>šakš-o-s</i> <i>vele-s</i>	килесесь чакшось велесь	та береза тот горшок то село
Генитив / Genitive	<i>kilev-e-ž-i-n</i> <i>šakš-o-ž-i-n</i> <i>ve le-ž-i-n</i>	килеэнь чакшонть велень	той березы того горшка того села
Аккузатив / Accusative	<i>kilev-e-s-t</i> <i>šakš-o-š-t</i> <i>vele-š-t</i>	килеэнь чакшонть велень	ту березу тот горшок то село
Датив / Dative	<i>kilev-e-ž-ne</i> <i>šakš-o-ž-ne</i> <i>vele-ž-ne</i>	килеэнь чакшонть велень	той березе тому горшку тому селу
Аблатив / Ablative	<i>kilev-e-ž-de</i> <i>šakš-o-ž-de</i> <i>vele-ž-de</i>	килейдэнь чакшонтэнь веледэнь	о той березе о том горшке о том селе
Инессив / Inessive	<i>kilev-e-s-(š)ne</i> <i>šakš-o-s-(š)ne</i> <i>vele-s-(š)ne</i>	килейсэнь чакшонтэнь велесэнь	в той березе в том горшке в том селе
Элатив / Elativ	<i>kilev-e-ž-de</i> <i>šakš-o-ž-de</i> <i>vele-ž-de</i>	килейстэнь чакшонтэнь велестэнь	из той березы из того горшка из того села
Илллатив / Illative	<i>kilev-e-ž-ne</i> <i>šakš-o-ž-ne</i> <i>vele-ž-ne</i>	килеэнь чакшонть велень	в ту березу в тот горшок в то село
Пролатив / Prolative	<i>kilev-e-ž-ga</i> / <i>kilevežin ežga</i> <i>šakš-o-ž-ga</i> / <i>šakš-o-ž-i-n ežga</i> <i>vele-ž-ga</i> / <i>vele-ž-i-n ežga</i>	килейганть чакшканть велеванть	по той березе по тому горшку по тому селу
Компаратив / Comparative	<i>kilev-e-ž-e-ška</i> / <i>kilevežin ejška</i> <i>šakš-o-ž-e-ška</i> / <i>šakš-o-ž-i-n ejška</i> <i>vele-ž-e-ška</i> / <i>vele-ž-i-n ejška</i>	килейшканть чакшошканть велешканть	с ту березу с тот горшок с то село
Абессив / Abessive	<i>kilev-e-ž-i-n-teme</i> / <i>kilev-e-s-teme</i> <i>šakš-o-ž-i-n-teme</i> / <i>šakš-o-s-tem'e</i> <i>vele-ž-i-n-teme</i> / <i>vele-s-teme</i>	килейтемень чакштомонть велевтемень	без той березы без того горшка без того села

В словоформах с морфологическим маркером *-š/-ž-* до настоящего времени сохранились последовательность и логичность структуры как в единственном, так и во множественном числе: основа слова + морфема определенности + падежный суффикс.

Диахронно морфема восходит к древней указательной местоименной основе **sy-*. В интервокальной позиции суффикс *-š-* в некоторых косвенных падежах перешел в *-ž-*: *kilev-e-ž-i-n* [береза-INT-DEF.SG.-INT-GEN] 'этой березы', *kudo-ž-ne* [дом-DEF.

SG-DAT] 'этому дому', *kudo-ž-de* [дом-DEF.SG-ABL] 'об этом доме', *kudo-ž-de* [дом-DEF.SG-ELA] 'из этого дома'.

Сравнительные парадигмы определенного склонения единственного числа эрзянских говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области и эрзянского кодифицированного языка приведены в табл. 1.

Как видно, в исследуемой парадигме встречается ряд нехарактерных для кодифицированного языка особенностей. Так, семантика генитива и аккузатива переда-

ется при помощи разных морфем: *ž-i-ń* (*kora-ž-i-ń* ‘этого мужчины’, *lomań-e-z-i-ń* ‘этого человека’, *ękakš-e-ž-i-ń* ‘этого ребенка’) и *-š-k* (*kora-š-k* ‘этого мужчину’, *lomań-e-š-k* ‘этого человека’, *ękakš-e-š-k* ‘этого ребенка’).

В представленной парадигме элатив по формальным признакам совпадает с аблативом: *kilev-e-ž-de* [береза-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этой березы’, *kudo-ž-de* [дом-DEF.SG-ELA] ‘из этого дома’, *vele-ž-de* [село-DEF.SG-ELA] ‘из этого села’, *vir-e-ž-de* [лес-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этого леса’, *piks-e-ž-de* [веревка-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этой веревки’, *lej-e-ž-de* [река-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этой реки’, *šakš-o-ž-de* [горшок-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этого горшка’, *lomań-e-ž-de* [человек-INT-DEF.SG-ELA] ‘от этого человека’.

Омонимичность аблатива и элатива в анализируемых говорах объясняется наличием в составе этих падежных морфем древнего суффикса аблатива **-ta/-tū* [11, 22–23; 23, 79].

Особый интерес в данной парадигме вызывает инессив. В указанной падежной форме, как и в номинативе, морфемой определенности является суффикс *-š*, а падежным суффиксом инессива служит *-(š) ĩe*: *kilev-e-š-(š) ĩe* [береза-INT-DEF.SG-INE] ‘в этой березе’, *kudo-š-(š) ĩe* [дом-DEF.SG-INE] ‘в этом доме’, *vele-š-(š) ĩe* [село-DEF.SG-INE] ‘в этом селе’, *vir-e-š-(š) ĩe* [лес-INT-DEF.SG-INE] ‘в этом лесу’, *lej-e-š-(š) ĩe* [река-INT-DEF.SG-INE] ‘в этой реке’.

Диахронно эрзянский падеж инессив образовался от двух древних падежных суффиксов: **-s* (латив) и **-na/*-nā* (локатив) > **-sna/*-snā* [11, 20–22; 23, 78].

Таким образом, в исследуемых говорах формант инессива *-ĩe* суффикса *-(š) ĩe* восходит к древнему локативу **-na/*-nā*, тогда как в кодифицированном языке и в других диалектах эрзянского языка соответствующий суффикс представлен только *-s*-овым формантом латива *-s(-o)/-s(-e)*. В анализируемой словоформе инессива произошло наложение морфемы определенности *-š* на суффикс инессива *-sna/-snā*, в результате чего на стыке двух морфем появилась гемината [ss], которая впоследствии стала выполнять только функцию

морфемы определенности, что позволило ей остаться в глухом варианте.

Архаичный суффикс инессива *-šnel-sne* после свистящих и шипящих согласных характерен также для говоров северо-западного диалекта на территории Республики Мордовия, Чувашской Республики и Нижегородской области [5, 155–157; 6, 109; 9, 61].

Отличительными чертами эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала по сравнению с грамматической системой литературного языка являются зависимость, открытость, проницаемость и вариантность. В них наблюдаются следующие **инновационные процессы**: возникновение новых падежных форм из послелогов; замена синтетических падежных форм аналитическими конструкциями.

В качестве иллюстрации редукции послелогов можно привести падежные парадигмы имени существительного в определенном склонении смешанных диалектов Самарской области. В мордовском диалектном ареале этого региона нами выделяются две группы смешанных говоров. К первой группе относятся говоры с. Подстепки Ставропольского района, Шелехметь и Торновое Волжского района. Во вторую группу входят говоры с. Верхнее и Нижнее Санчелеево, Узюково, Новая Бинарадка Ставропольского района. Парадигма определенного склонения единственного числа говоров первой группы состоит из 11 синтетических падежных форм. Для второй группы в этой парадигме характерны 5 синтетических форм, другие же заменены аналитическими конструкциями.

Необходимо отметить, что все перечисленные говоры диахронно имеют мокшанскую основу. Известно, что в парадигме определенного склонения в мокшанском кодифицированном языке выделяются только три падежные формы: номинатив, генитив, датив. Остальные падежные формы в этих говорах являются новообразованиями, возникшими под влиянием эрзянского языка.

Падежные парадигмы определенного склонения единственного и множественного числа говоров выделенных нами групп в сравнении с эрзянским и мокшан-

Таблица 2. Парадигма определенного склонения единственного числа говоров сел Волжского и Ставропольского районов Самарской области

Table 2. Paradigm of a certain declension of the singular number of dialects of the villages of the Volzhskiy and Stavropol districts of the Samara region

Падеж / Case	Говоры 1-й группы / 1st group dialects	Говоры 2-й группы / 2nd group dialects	Эрзянский литературный язык / Erzya literary language	Мокшанский литературный язык / Moksha literary language	Русский язык / Russian language
Номинатив / Nominative	<i>pakša-š</i>	<i>pakša-š</i>	пакся-сь	пакся-сь	то поле
Генитив-Аккузатив / Genitive-Accusative	<i>pakša-t</i>	<i>pakša-t</i>	пакся-н-ть	пакся-ть	того поля, то поле
Датив / Dative	<i>pakša-t-ti</i>	<i>pakša-t-ti</i>	пакся-нт-ень	пакся-ти	тому полю
Аблатив / Ablative	<i>pakša-t-ti-da</i>	<i>pakša-t äzda</i>	пакся-до-нть	∅	о том поле
Инессив / Inessive	<i>pakša-t-ti-sa</i>	<i>pakša-t äsa</i>	пакся-со-нть	∅	в том поле
Элатив / Elativ	<i>pakša-t-ti-sta</i>	<i>pakša-t ästa</i>	пакся-сто-нть	∅	из того поля
Иллатив / Illative	<i>pakša-t-ti</i>	<i>pakša-t-ti</i>	пакся-нт-ень	∅	в то поле
Пролатив / Prolative	<i>pakša-t-ti-g'e</i>	<i>pakša-va-ni/ pakša-t äzga</i>	пакся-ва-нть	∅	по тому полю
Компаратив / Comparative	<i>pakša-t-ti-ška</i>	<i>pakša-ška-ni/ pakša-t äška</i>	паксяшка-нть	∅	с то поле
Абессив / Abessive	<i>pakša-t-ftämä</i>	<i>pakša-t-tuma</i>	пакся-втомо-нть	∅	без того поля
Каузатив / Causative	<i>pakša-t-ti-ksa</i>	∅	∅	∅	из-за того поля

ским литературными языками представлены в табл. 2, 3.

Как можно видеть, парадигма определенного склонения единственного числа первой группы говоров имеет ряд отличий от соответствующих парадигм второй группы и кодифицированных мокшанского и эрзянского языков.

1. Морфема определенности *-š* встречается только в номинативе. В косвенных падежах морфемой определенности является суффикс *-t*.

2. Морфологический маркер генитива *-t* выражает две семантические функции: функцию определенного артикля и падежную функцию генитива. Флективность морфемы генитива является характерной для мордовских языков.

3. В представленной парадигме диалектные формы смешанных говоров в номинативе, генитиве и дативе совпадают с соответствующими формами мокшанского кодифицированного языка.

4. В аблативе, инессиве, элативе, иллативе, компаративе падежные формы близки к эрзянскому кодифицированному языку. Однако они не совпадают с аналогичными эрзянскими формами, так как образовались на основе падежной формы датива мокшанского языка с соответ-

ствующим падежным суффиксом: *valma-t-ti-da* 'об этом окне', *valma-t-ti-sa* 'в этом окне', *valma-t-ti-sta* 'из этого окна', *valma-t-ti-ge* 'по этому окну', *valma-t-ti-ška* 'с это окно (по размеру)'

5. На основе датива образовался и пролатив, но падежным суффиксом является мокшанский вариант суффикса пролатива *-g'e*: *valma-t-ti-ge* 'по этому окну', *viir-t-ti-ge* 'по этому лесу', *pakša-t-ti-g'e* 'по этому полю'.

6. В данной парадигме исключение составляет падежная форма абессива, которая образовалась на основе мокшанского генитива: *valma-t-ftämä* 'без этого окна', *viir-t-ftämä* 'без этого леса', *pakša-t-ftämä* 'без этого поля'. Указанное явление в абессиве характерно и для эрзянского языка.

7. Особенность парадигмы составляет падежная форма каузатива, образованная также на основе датива: *valma-t-ti-ηksa* 'из-за этого окна', *viir-t-ti-ksa* 'из-за этого леса', *pakša-t-ti-ksa* 'из-за этого поля'. В эрзянском кодифицированном языке и других диалектах каузативные формы не встречаются. Семантика каузативности передается аналитическими конструкциями.

Отметим, что подобные образования зафиксированы К. И. Ананьиной в верх-

Таблица 3. Парадигма определенного склонения множественного числа говоров сел Волжского и Ставропольского районов Самарской области

Table 3. Paradigm of a certain declension of the plural of dialects of the villages of the Volzhsky and Stavropol districts of the Samara region

Падеж / Case	Говоры 1-й группы / 1st group dialects	Говоры 2-й группы / 2nd group dialects	Эрзянский литературный язык / Erzya literary language	Мокшанский литературный язык / Moksha literary language	Русский язык / Russian language
Номинатив / Nominative	<i>virth(-t)-ne</i>	<i>virth(-t)-ñe</i>	вир-т-не	вирьх-не	те леса
Генитив-Аккузатив / Genitive-Accusative	<i>virth(-t)-ñe-ñ</i>	<i>virth(-t)-ñe-ñ</i>	вир-т-не-нь	вирьх-не-нь	тех лесов, те леса
Датив / Dative	<i>virth(-t)-ñe-ñdi</i>	<i>virth(-t)-ñe-ñe</i>	вир-т-не-нень	вирьх-не-нди	тем лесам
Аблатив / Ablative	ø	<i>virth(-t)-ñe-da</i>	вир-т-не-де	ø	о тех лесах
Инессив / Inessive	<i>virth(-t)-ñe-ñdi-sa</i>	<i>virth(-t)-ñe-sa</i>	вир-т-не-сэ	ø	в тех лесах
Элатив / Elativ	<i>virth(-t)-ñe-ñdi-sta</i>	<i>virth(-t)-ñe-sta</i>	вир-т-не-стэ	ø	из тех лесов
Иллатив / Illative	<i>virth(-t)-ñe-ñdi-s</i>	<i>virth(-t)-ñe-s</i>	вир-т-не-с	ø	в те леса
Пролатив / Prolative	<i>virth(-t)-ñe-ñdi-g'e</i>	<i>virth(-t)-ñe-va</i>	вир-т-не-ва	ø	по тем лесам
Компаратив / Comparative	<i>virth(-t)-ñe-ñdi-ška</i>	<i>virth(-t)-ñe-ška</i>	вир-т-не-шка	ø	с те леса
Абессив / Abessive	<i>virth(-t)-ñe-ñ-ftame</i>	<i>virth(-t)-ñe-ftuma</i>	вир-т-не-втеме	ø	без тех лесов
Каузатив / Causative	<i>virth(-t)-ñe-ñdi-nksa</i>	ø	ø	ø	из-за тех лесов

не-алатырских говорах Нижегородской области⁴.

Парадигма второй группы смешанных говоров также характеризуется некоторыми особенностями.

1. Отличительную черту парадигмы составляет отсутствие единой для всех падежей морфемы определенности: в номинативе *-š*, в косвенных падежах *-í*/*-ñí*.

2. Генитиву свойственна флективность: формант *-í* одновременно выполняет функции морфемы определенности и морфемы падежа.

3. Из-за отсутствия аффикса *-ñ* перед *-í* он, как и в мокшанском языке, присоединяется к основе непосредственно (при гласной основе) или с помощью интерфикса (при согласной основе). Ср.: *val'ma-í* 'окна (того), окно (то)', *vir-t-tí* 'лесу (тому)'

4. Фиксируется однотипность генитива-аккузатива и датива с соответствующими формами мокшанского языка. Ср.: д.ф. *moda-t*, м.л. *moda-í* 'земли (той)'; д.ф. *moda-tí*, м.л. *moda-í* 'земле (той)'

5. В аблативе, инессиве и элативе наблюдается замена синтетических форм

аналитическими конструкциями: *pakša-t' ezda* 'об этом поле', *pakša-t' esa* 'в этом поле', *pakša-t' esta* 'из этого поля'. Семантика пролатива и компаратива параллельно выражается синтетическими формами и аналитическими конструкциями: *pakša-va-ñí/pakša-t' ezga* 'по этому полю', *pakša-ška-ñí/ pakša-t' eška* 'с это поле (по размеру)'

В определенном склонении оппозиция форм единственного и множественного числа представлена во всех косвенных падежах. Формы множественного числа, как и в мордовских литературных языках, образуются с помощью двух суффиксов: универсального суффикса множественного числа *-t/-í* и суффикса *-ñel/-ne/-nə*, восходящего к указательному местоимению *ñe* 'эти': *lis'ma-t-ñe* 'эти колодцы', *gobrik-(t)-ñe* 'эти погреба', *çora-t-ñe* 'эти мужчины'. Морфема определенности во множественном числе во всех падежах имеет в словоформе постоянное место – перед падежными морфемами, характерными для основного склонения. Структура форм множественного числа определенного склонения следующая:

⁴См.: Ананьина К. И. Указ. соч. С. 14.

склоняемая основа имени + суффикс множественного числа *-t/-t'* + морфема определенности + морфема падежа: *vi^h-(t)-ñe-ñdi-sa* 'в этих лесах', *v'el'e-t-ñe-ñdi-ge* 'по этим селам', *p'ra-t-ñe-ñdi-ška* 'с эти головы (по размеру)'.

Как видно из табл. 2, 3, определенное склонение в эрзянских диалектах и говорах Самарской области характеризуется отсутствием единой системы падежей, разнообразием падежных форм. Одно и то же падежное значение может быть передано падежной словоформой и аналитической конструкцией, ср.: *vele-va-ñt'*/*vele-ñ-t' ezga* 'по этому селу', *ćora-do-št'*/*ćora-(ñ)-št' ezda* 'об этом мужчине', *kudo-ška-t'/kudo-t' eška* 'с этот дом (размером)'.

Заключение

Изолированное развитие эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала способствовало, с одной стороны, сохранению архаичной парадигмы определенного склонения, а с другой – появлению новых парадигм.

Анализ диалектного материала исследуемого ареала показал, что в некоторых диалектах до настоящего времени в парадигме определенного склонения единственного и множественного числа сохранилась единая структура словоформ: основа + морфема определенности + падежный суффикс. При этом в единственном числе во всех падежных формах морфемой определенности является только

-š/-ž-, тогда как в соответствующих парадигмах эрзянского литературного языка и других диалектах наличествуют три морфемы: *-сь, -ть, -нть*.

В смешанных диалектах, основой которых был мокшанский язык, образовались новые падежные формы. Известно, что в мокшанском кодифицированном языке и диалектах в парадигме определенного склонения имеются только 3 падежные формы, в эрзянском – 10. В смешанных диалектах Заволжья и Южного Урала с мокшанской основой под влиянием соседних эрзянских диалектов сформировалась более полная парадигма определенного склонения, имеющая 11 падежных форм, из них 6 (аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, каузатив) образовались на основе формы датива, иллатив и абессив – на основе генитива.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Глоссы:

<i>ABE</i>	абессив
<i>ABL</i>	аблатив
<i>ACC</i>	аккузатив
<i>CAUS</i>	каузатив
<i>DAT</i>	датив
<i>DEF</i>	определенное склонение
<i>ELA</i>	элатив
<i>GEN</i>	генитив
<i>INE</i>	инессив
<i>INT</i>	интерфикс
<i>PROL</i>	пролатив
<i>SG</i>	единственное число
<i>д.ф.</i>	диалектная форма
<i>м.л.</i>	мокшанский литературный язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные явления в падежных парадигмах эрзянских говоров Новомалыклинского района Ульяновской области // Бубриховские чтения: задокументированное народное слово: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Петрозаводск, 2020. С. 42–45.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Инновационные явления в падежных парадигмах имени существительного в смешанных говорах Самарской области // Финно-угорские языки в современном мире: функционирование и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. Д. В. Цыганкина. Саранск, 2020. С. 43–47.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Парадигма определенного склонения в эрзянских говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica*. 2017. Т. 53, № 3. С. 161–178. URL: https://kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2017/issue_3/ling-2017-3-161-178.pdf (дата обращения: 19.05.2021).

4. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.
5. Давыдов М. М. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 118–233.
6. Ермушкин Г. И. Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1967. С. 104–143. (Тр. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР; вып. 32).
7. Коляденков М. Н. Историческая общность мокши и эрзи по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 257–271.
8. Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 7–99.
9. Надькин Д. Т. К истории указательных форм в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1972. С. 61–68. (Тр. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР; вып. 42).
10. Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968. Т. 5. С. 3–198.
11. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
12. Феоктистов А. П. К вопросу о составе падежных форм мордовского именного словоизменения // Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Саранск, 1962. Вып. 23. С. 208–211.
13. Цыганкин Д. В. Эволюция падежных парадигм в эрзянском диалектном ареале // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2020. С. 222–226.
14. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура падежных форм парадигмы определенного склонения в эрзянском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2017. Т. 7, № 4. С. 86–97. URL: vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/cyganikin_d.v_agafonova_n.a_ryabov_i.n.pdf (дата обращения: 01.06.2021).
15. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 S.
16. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 s. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232).
17. Budenz J. Moksxa – és erza-mordvin nyelvtan // Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest, 1876. Kötet 13. Old. 1–134.
18. Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1839. Bd. 2. S. 235–284; 383–418.
19. Inaba N. Suomen dativigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 413 s.
20. Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest: Tankönyvkiado, 1990. 204 old.
21. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und Grammatikalischem Abriss. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1953. 159 S. (Hulfsmittel für das Studium der Finnisch-ugrischen Sprachen; 4).
22. Rueter J. Adnominal Person in the Morphological System of Erzya. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010. 236 p.
23. Szinnyi J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1910. 156 S.
24. Turunen R. Nonverbal predication in Erzya. Tallinn: AS Pakett, 2010. 232 p.
25. Wiedemann F. J. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache: nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.

Поступила 13.06.2021; одобрена 30.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д. В. Цыганкин – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, kaferz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4806-2732>

Н. А. Агафонова – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ohanina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>

И. Н. Рябов – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ryabov.74@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>

Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals

Dmitry V. Tsygankin

Nina A. Agafonova

Ivan N. Ryabov

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The modern differentiation of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals is the result of a long historical development. The migration of the Mordovians from their former places of residence contributed to their formation. The fact that in these regions the Erzya lived isolated from the rest of the Mordovians and contacted directly with peoples having different patterns of language contributed to preserving archaic phenomena of the base language and appearing innovative components in the structure of the dialects under study. The purpose of the work is to identify and describe archaic phenomena and innovations in the case paradigms of the study area.

Materials and Methods. The article is based on the field materials collected by the authors during linguistic expeditions in the places of concentration of the Erzya in the territory of the Volga region and the Southern Urals. The dialectal material was collected based on the questionnaire, reflecting the lexical, phonetic and morphological variations of linguistic phenomena. The descriptive and comparative historical methods were used to analyze language material.

Results and Discussion. The study of the linguistic material of the Volga region and the Southern Urals showed the differences in the case paradigms of the noun from the corresponding paradigms of the Erzya codified languages and other Mordovian dialects. In analysis showed that in the paradigms of the definite declension singular, there are different sets of cases and there is no single structure of word forms. Some paradigms are archaic, consistent, and logical. In the composition of others, new formations have developed, homonymous case suffixes and postpositional constructions have appeared.

Conclusion. The main dialect types of the Erzya languages were developed before the migration processes to the eastern territories of the modern residence of the Erzya. The isolated development of the dialects of the Volga region and the Southern Urals made it possible both to preserve archaic phenomena in the paradigms of the definite declension and to develop new formations uncharacteristic for them.

Keywords: the Erzya language, codified language, morpheme of certainty, dialect, case paradigm, archaic and innovative phenomena

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-012-00323.

For citation: Tsygankin DV, Agafonova NA, Ryabov IN. Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:254–264. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264.

REFERENCES

1. Agafonova NA, Ryabov IN. Archaic phenomena in case paradigms in the Erzya dialects of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Region. *Bubrikhovskie chteniia: zadokumentirovannoe narodnoe slovo: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* = Bubrikhov readings: a documented folk word. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Petrozavodsk; 2020:42–45. (In Russ.)
2. Agafonova NA, Ryabov IN. Innovative phenomena in the case paradigms of nouns in the mixed dialects of the Samara region. *Finno-ugorskie iazyki v sovremennom mire: funkcionirovanie i perspektivy razvitiia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posviashch. 95-letiiu prof. D. V. Cygankina* = Finno-Ugric languages in the modern world: functioning and development prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 95th anniversary of Professor D. V. Tsygankin. Saransk; 2020:43–47. (In Russ.)
3. Agafonova NA, Ryabov IN. The paradigm of the definite declension in the Erzya dialects of the villages of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Region. *Linguistica Uralica*.

- 2017;53;3:161–178. URL: https://kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2017/issue_3/ling-2017-3-161-178.pdf (accessed 19.05.2021). (In Russ.)
4. Bubrikh DV. Historical grammar of the Erzya language. Saransk; 1953. (In Russ.)
 5. Davydov MM. Bolshe-Ignatovskiy dialect of Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on the Mordvinian dialects. Saransk; 1963;2:118–233. (In Russ.)
 6. Ermushkin GI. The noun and verb in the north-western dialects of the Erzya-Mordovian language. *Voprosy mordovskogo iazykoznaniiia* = Problems of Mordovian linguistics. Saransk; 1967;32:104–143. (In Russ.)
 7. Kolyadenkov MN. Historical commonality of Moksha and Erzya according to language data. *Etnogenez mordovskogo naroda* = Ethnogenesis of the Mordovian people. Saransk; 1965:257–271. (In Russ.)
 8. Markov FP. Pryalatyr dialect of Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on the Mordvinian dialects. Saransk; 1961;1:7–99. (In Russ.)
 9. Nad'kin DT. To the history of demonstrative forms in the Mordovian languages. *Voprosy mordovskogo iazykoznaniiia* = Problems of Mordovian linguistics. Saransk; 1972;42:61–68. (In Russ.)
 10. Nad'kin DT. The Morphology of the Lower-Pian dialect of the Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on the Mordvinian dialects. Saransk; 1968;5:3–198. (In Russ.)
 11. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Mordovian languages. Moscow; 1967. (In Russ.)
 12. Feoktistov AP. On the question of the composition of the case forms of the Mordovian nominal inflection. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov MASSR* = Proceedings of the Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the MASSR. Saransk; 1962;23:208–211. (In Russ.)
 13. Cygankin DV. Developing case paradigms in the Erzya dialect area. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of an all-Russian civic identity and a changing environment. Materials of the International Scientific Conference. Saransk; 2020:222–226. (In Russ.)
 14. Cygankin DV, Agafonova NA, Ryabov IN. The structure of the case forms of the definite declension paradigm in the Erzya dialect area. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2017;7;4:86–97. URL: http://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/cygankin_d.v_agafonova_n.a_ryabov_i.n.pdf (accessed 01.06.2021). (In Russ.)
 15. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg; 1861.
 16. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki; 1999;232.
 17. Budenz J. Moxsa – és erza-mordvin nyelvtan. *Nyelvtudományi Közlemények XIII*. Budapest; 1876;13:1–134.
 18. Gabelentz HC. Versuch einer Mordwinischen Grammatik. *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Göttingen; 1839;2:235–284;383–418.
 19. Inaba N. Suomen dativigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa. Helsinki; 2015.
 20. Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest; 1990.
 21. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und Grammatikalischem Abriss. Helsingfors; 1953;4.
 22. Rueter J. Adnominal Person in the Morphological System of Erzya. Helsinki; 2010.
 23. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig; 1910.
 24. Turunen R. Nonverbal predication in Erzya. Tallinn; 2010.
 25. Wiedemann FJ. Grammatik der Erza-Mordwinischen Sprache: nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. Saint-Petersburg; 1865.

Submitted 13.06.2021; reviewing 30.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. V. Tsygankin – Doctor of Philology, Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, kaferz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4806-2732>

N. A. Agafonova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, ohanina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>

I. N. Ryabov – Candidate Sc. {Philology}, Head of Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, ryabov.74@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>

Финно-угорские элементы в искусстве ранних кочевников Южного Урала

Алексей Львович Банников

*Институт развития образования Республики Башкортостан,
Уфа, Россия*

Введение. Предметы, входящие в состав погребального инвентаря, особенно культового характера, служат этнокультурным, социальным и идеологическим маркером того населения и того времени, к которым они относились. Изучение проникновения инородных элементов в сферу религиозно-мифологических представлений племен Волго-Уралья позволит раскрыть новые аспекты взаимодействия кочевого и оседлого миров. В данной статье речь идет об элементах финно-угорского искусства и идеологии, нашедших отражение в искусстве ранних кочевников Южного Урала, в частности в изображениях на специфических культовых предметах – каменных жертвенниках-алтариках.

Материалы и методы. Статья основана на применении к археологическим материалам методов сопоставительного и семантического анализа, культурологического подхода.

Результаты исследования и их обсуждение. Принадлежность каменных жертвенников-алтариков к предметам жреческого круга позволяет рассматривать изображения на них как отпечаток религиозно-мифологических представлений ранних кочевников, а также уровня культурных контактов последних с соседними племенами. Образы волка и медведя на алтарях могут отражать как собственные, так и заимствованные представления.

Заключение. Исходя из сопоставительного и семантического анализа изображений на алтарях, их территориальной привязки и времени функционирования, сопоставления их с другими предметами погребального круга ранних кочевников можно сделать вывод о регулярных контактах различного плана финно-угорского и ираноязычного населения, оказавших серьезное влияние на сакральную сферу жизнедеятельности кочевых племен Южного Урала.

Ключевые слова: ранние кочевники Южного Урала, каменные жертвенники-алтарика, образ медведя, искусство, мифология, финно-угорский мир

Для цитирования: Банников А. Л. Финно-угорские элементы в искусстве ранних кочевников Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 265–271. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.265-271.

Введение

Южный Урал с древности и по сегодняшний день – контактная зона, место взаимодействия различных племен и культур. Чаще всего мы наблюдаем материальные проявления такого взаимопроникновения в культуре и искусстве. Искусство ранних кочевников Южного Урала (1-е тыс. до н. э.) было неотрывной частью искусства племен скифо-сибирского мира и черпало из него сюжеты, мотивы, способы изготовления и, наконец, образы. Финно-угорский мир лесов и лесостепей Евразии, находясь на периферии великого степного пояса от Алтая до Дуная, лишь отчасти влиял на культуру и идеологию кочевников, однако порой это влияние, запечатленное в произведениях искусства,

проявлялось достаточно выразительным образом. На Урале кочевой и оседлый миры сталкивались по водоразделам, маркировавшим границы степной, лесостепной и лесной территорий. Ананьинские и, позже, кара-абызские племена, которые большинство исследователей причисляют к финно-угорским культурам, сталкивались с кочевниками в Приуралье (долина р. Белой). Взаимодействия, далеко не всегда мирные, были регулярными, что отразилось в материальной и духовной культуре тех и других.

Объектом нашего исследования является такая яркая категория культуры южно-уральских кочевников, как каменные жертвенники-алтарика. Наиболее массо-

вое обнаружение жертвенников относится к степной территории Южного Урала, позволяя считать их специфической категорией погребального инвентаря, характерного именно для данного населения в середине 1-го тыс. до н. э. Внутри нее выделяется еще более уникальная категория – жертвенники с зооморфными изображениями на ножках и фризах, которые, как мы предполагаем, отражают мифологические и религиозные представления кочевников. Эти изображения, в частности образы волка и медведя, их взаимосвязь и происхождение составляют предмет исследования.

Обзор литературы

Жертвенники Южного Урала не раз становились предметом широких дискуссий [1; 15; 16]. В ходе данных дискуссий были обозначены две основные позиции относительно выполняемых ими функций: 1) утилитарное назначение жертвенников, их применение в качестве ритуальных краскотерок или предметов косметического назначения [3, 32–33; 4, 64; 5, 14; 8, 172]; 2) культово-сакральное назначение, непосредственно связанное с содержанием изображений [1; 2; 6, 86; 13, 202–203; 14, 154; 15, 15–40; 16]. Не менее дискуссионными являются вопросы интерпретации изображений на жертвенниках. Исходя из особенностей экстерьера, исследователи видят на них волков, медведей, лошадей, баранов, хищных птиц. Детальный разбор этих взглядов осуществлен В. К. Федоровым. В то же время сам исследователь сводит большинство изображений к образу волка и соответственно связывает их с древнеиранским культом Сомы/Хаомы [15, 38–40]. Однако с этим трудно согласиться, поскольку культовая и видовая принадлежность жертвенников представляется гораздо более разнообразной.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили результаты исследований В. Н. Васильева, В. Ю. Зуева, К. Ф. Смирнова, В. К. Федорова, в которых был определен корпус жертвенников-алтарей как отдельная категория погребального инвентаря,

имеющая самостоятельное культурологическое и историческое значение, а также были сформированы основные взгляды на их применение и значение зооморфных и орнаментальных изображений. При анализе всех категорий жертвенников, их связи с определенными категориями населения и функционального назначения использовался сравнительно-исторический метод. Сравнительно-сопоставительный метод применялся при анализе изображений и изучении их семантики.

Результаты исследования и их обсуждение

Каменные жертвенники-алтарики – один из наиболее важных и интересных компонентов погребального обряда и погребальных комплексов ранних кочевников Южного Урала. Несмотря на территориальную и хронологическую ограниченность, они служат культурологически определяющим элементом южноуральского кочевого общества.

Очевидно, что зооморфные композиции на жертвенниках являются отражением обрядовой и религиозной принадлежности последних. Эти же композиции отражают религиозно-мировоззренческие представления кочевников, причем звериные образы и орнамент семантически связаны с идеей самого алтаря. Южно-уральские алтари на трех ножках с круглым блюдом и с зооморфными изображениями соответствуют также модели мира у ираноязычных кочевников. При этом зверь на ножке символизирует нижний мир, поверхность блюда – верхний, а фриз выступает разделительным символом.

Семантику изображений на алтарях целесообразно рассматривать в контексте евразийской традиции искусства звериного стиля, поскольку искусство кочевников Южного Урала было искусством контактной зоны и вобрало в себя элементы различных культур. Важнейшая характеристика искусства кочевников – господство в нем зооморфных образов – обусловлено особенностями мифологического мышления, во многом общего у народов, проживавших в контактных зонах, таких как Южное Приуралье [2, 167–168].

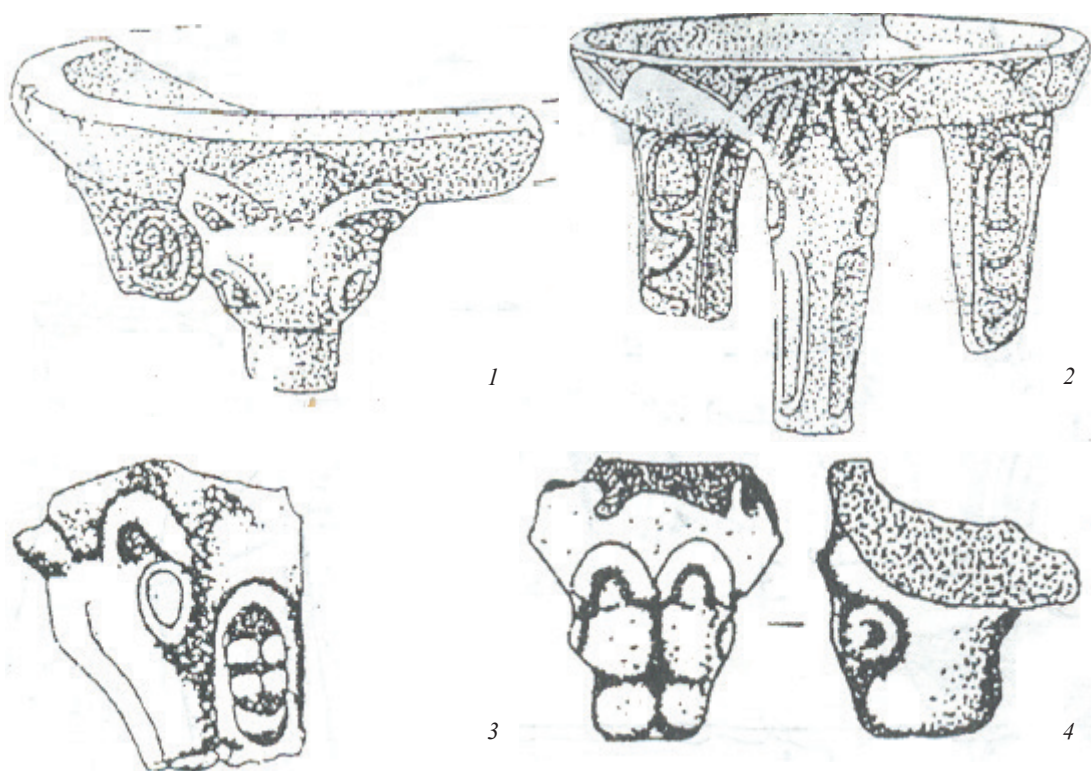

Рисунок. Примеры зооморфных изображений на жертвенниках (масштаб различен): 1, 2 – жертвенники из Обручевского кургана 2; 3 – ножка жертвенника из урочища Кумис-Сай, курган 2; 4 – ножка жертвенника из курганного могильника Бесоба, курган 12 [15, рис. 5, 7]

Figure. Examples of zoomorphic images on altars (different scales): 1, 2 – altars from Obruchevsky burial mound 2; 3 – leg of an altar from the Kumis-Sai tract, mound 2; 4 – leg of an altar from the Besoba burial mound, 12 [15, fig. 5, 7]

В соответствии с видовой принадлежностью изображений на жертвенниках мы выделяем группы волков, медведей, хищную птицу (орла?), а также синкретичные изображения, в которых сочетаются черты волков и медведей. Если изображения волков и орла характерны в целом для скифо-сибирского кочевого искусства, то изображения медведей встречаются в нем гораздо реже и, как правило, связаны с заимствованиями у лесных и лесостепных соседей. Практика заимствований при этом показывает, что заимствуются прежде всего такие черты, которые близки к пониманию и жизни тех, кто заимствует. Если предположить, что жертвенники относятся к атрибутам жречества, а изображения на них указывают на религиозные и мифологические представления, то образ медведя будет стоять в одном смысловом

ряду с изображениями волка. В культурах различных народов, в том числе индоиранских (степь) и финно-угорских (лес и лесостепь), данные образы трактуются примерно одинаково.

Медведь у многих народов Евразии – основатель традиции, предок-родоначальник, хозяин нижнего мира и при этом обитатель мира небесного¹. На территории севера Евразии медведь пользовался уважением у местных финно-угорских народов, ему приписывались божественные свойства, его происхождение связывалось с представлениями о «сыне неба» – одухотворенном божестве природы. Особенно популярен был медведь у обских угров, являясь их тотемным предком [10, 195].

Образ медведя был распространен в искусстве и мифологии северо-западных соседей южно-уральских кочевников – пле-

¹ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Медведь // Мифы народов мира: энцикл. М., 1992. Т. 2. С. 128–130.

мен ананьинской культуры Поволжья и Прикамья. Здесь он использовался для выражения годового цикла в календарных системах, выступая при этом как универсальный зооморфный символ плодородия и цикличности в природе [9, 10]. Подобно волку, медведь имел дуалистическую мифологическую природу: будучи существом нижнего мира, он был неразрывно связан с миром верхним [12, 119]. Однако в отличие от волка медведь не просто хтоническое существо, а хозяин нижнего мира, он не только является порождением смерти, но и сам обладает порождающим началом.

Изображения медведя на жертвенниках представлены экземпляром из Обручевского кургана 2, а также ножками в виде медвежьих голов из кургана 2 могильника Кумис-Сай и кургана 12 могильника Бесоба (рисунок).

Образ медведя в искусстве южно-уральских кочевников распространился, вероятно, под влиянием ананьинского звериного стиля, тесную связь которого с искусством кочевников отмечал еще К. Ф. Смирнов [13, 228–229]. Вероятно, можно говорить и о влиянии зауральского лесостепного населения и возможной инфильтрации отдельных его групп в кочевую среду. Обручевский курган находился в зоне активных контактов с саргатской и иткульской культурами. Очевидно, одним из результатов подобных контактов было перенятие кочевниками некоторых религиозно-мифологических представлений племен Зауралья, в которых медведь (как и у ананьинцев) занимал важное место как хозяин нижнего мира и предок-прародитель. В данном случае медведь по своему культурному значению был сходен с волком (в том же Обручевском кургане был найден жертвенник с изображениями волков). Указанное сходство говорит о том, что кочевники и их военно-жреческая элита воспринимали из культуры соседних народов лишь то, что соответствовало их собственным религиозно-идеологическим представлениям. При этом медведь в отличие от волка был теснее связан не с воинскими, а с природными культами, будучи одновременно хозяином нижнего мира и господином природы [2, 172].

В появлении изначально нехарактерных для искусства кочевников Южного Урала изображений медведя на жертвенниках мы видим факт смешения двух традиций – иранской и финно-угорской. Тем не менее синкретические явления обнаруживают себя и в других формах. Например, в искусстве южно-уральских кочевников известен тип подвесок с композициями, сочетающими голову волка или медведя (широкий конец подвески) и голову хищной птицы (узкий конец) [14, 31–32]. Ярким примером использования образа медведя в кочевом зверином стиле, безусловно, служит деревянная чаша на ножках в виде медвежьих лап, обитых золотыми листами, с ручкой, выполненной в виде стилизованной головы медведя, из Филипповского кургана 1 [11, 77, 83].

В кара-абызский период в заимствованиях наблюдается и обратная тенденция. Так, на поясных накладках финно-угров появляются несвойственные искусству этих народов изображения грифонов, оленей, баранов, кошачьих хищников. По стилю изображений они близки к алтайским и южно-сибирским предметам искусства [7, 21].

Заключение

Исходя из сопоставительного и семантического анализа изображений на алтаях, их территориальной привязки и времени функционирования, сопоставления с другими предметами погребального круга ранних кочевников можно сделать вывод о регулярных контактах различного плана финно-угорского и ираноязычного населения, оказавших серьезное влияние на сакральную сферу жизнедеятельности кочевых племен Южного Урала. Можно также констатировать факт сильного направленного влияния идеологии и искусства финно-угорского мира на искусство степных кочевников. Оно отразилось даже на такой специфической категории предметов, как каменные жертвенники-алтарики, характерные в основном для степного населения Южного Урала середины 1-го тыс. до н. э. Это позволяет утверждать, что в религии и идеологии непохожих народов находятся не только разделители, но и точки соприкосновения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банников А. Л. К вопросу о жреческом слое у кочевников Южного Урала // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии): сб. ст. Уфа, 2000. Вып. 1. С. 177–183.
2. Банников А. Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретации изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 1. С. 167–175.
3. Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 25–43.
4. Зуев В. Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: материалы Междунар. конф. СПб., 1996. С. 54–68.
5. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1975. 224 с.
6. Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
7. Корепанов К. И., Обыденнов М. Ф., Овсянников В. В. Новые находки предметов древнего искусства в исследованиях археологов Башкортостана: караабызская культура. Препринт. Уфа: Юрика, 2003. 28 с.
8. Мирошина Т. В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии: сб. ст. М., 1990. С. 159–176.
9. Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Некоторые аспекты мировоззрения финно-угорского населения Башкортостана I тыс. до н. э. Уфа: БЭК, 1998. 24 с.
10. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писанин: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 296 с.
11. Пшеничнюк А. Х. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 76–93.
12. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ирано-язычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1985. 256 с.
13. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
14. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.
15. Федоров В. К. О так называемых «савроматских жертвенниках» с зооморфной декорировкой // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 2. С. 15–57.
16. Федоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 49–69.

Поступила 18.05.2021; одобрена 23.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Л. Банников – старший преподаватель кафедры гуманитарного образования Института развития образования Республики Башкортостан, alex_rgv@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5794-3278>

Finno-Ugric elements in the art of the early nomads of the Southern Urals

Alexey L. Bannikov

Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Introduction. Arterfacts, which are a part of the burial equipment, especially of a cult nature, are a ethnocultural, social and ideological markers of the population and time which they belong to. The research in the area of penetration of foreign elements into the sphere of religious and mythological representations can reveal new aspects of the interaction of nomadic and sedentary worlds of Volga-Urals area. This article refers to elements of Finno-Ugric art and ideology, which are reflected in the art of the early nomads of the Southern Urals, in particular, in the images of stone altar altars, specific cult objects.

Materials and Methods. The article is based on employing the methods of comparative and semantic analysis, as well as cultural approach for archaeological materials.

Results and Discussion. The belonging of stone altars to the objects of the priestly circle allows considering their images as a reflection of religious and mythological representations of early nomads, as well as the level of their cultural contacts with neighboring tribes. Images of a wolf and a bear on the altars can reflect both their own and borrowed ideas.

Conclusion. Based on the comparative and semantic analysis of the images on the altars, their territorial binding and the time of operation, comparison of them with other objects of the burial circle of early nomads, we conclude that there are regular contacts of different nature of Finn-Ugric and Iranian-speaking population, which had a serious impact on the sacred sphere of life of the nomadic tribes of the Southern Urals.

Keywords: early nomads of the Southern Urals, stone altars, bear image, art, mythology, Finno-Ugric world

For citation: Bannikov AL. Finno-Ugric elements in the art of the early nomads of the Southern Urals. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13;3:265–271. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.265-271.

REFERENCES

- Bannikov AL. To the question of the priestly layer in the nomads of the Southern Urals. *Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arkhologii): sb. st. = From antiquity to modern times (problems of history and archeology)*. Collection of articles. Ufa; 2000;1:177–183. (In Russ.)
- Bannikov AL. Sacred and social aspects of the interpretation of images on the altars of the early nomads of the Southern Urals. *Sibirskii sbornik – 1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii = Siberian collection – 1: Funeral rite of the peoples of Siberia and neighboring territories*. Saint-Petersburg; 2009;1:167–175. (In Russ.)
- Vasil'ev VN. On the question of the Sarmatian stone altars of the nomads of the Southern Urals. *Ufimskii arkhologicheskii vestnik = Ufa Archaeological Gazette*. Ufa; 1998;1:25–43. (In Russ.)
- Zuev VIu. The scientific myth of the “Sauro-matian priestesses”. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuiu epokhu: materialy Mezhdunar. konf. = The Priestess and Shamanism in the Scythian era*. Materials of the International conferences. Saint-Petersburg, 1996: 54–68. (In Russ.)
- Il'inskaia VA. Early-Scythian mounds of the basin of the Tyasmin river (VII–VI century BC). Kiev; 1975. (In Russ.)
- Kadyrbaev MK. Mounded necropolises of the upper reaches of the river Ilek. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia = Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time*. Moscow; 1984:84–93. (In Russ.)
- Korepanov KI, Obydenov MF, Ovsian-nikov VV. New finds of ancient art in the research of archaeologists of Bashkortostan: Karaaba culture. Ufa; 2003. (In Russ.)
- Miroshina TV. Amazons have sarmats and the problem of matriarchy. *Problemy skifo-sarmatskoi arkhologii: sb. st. = The problems of Scythian-Sarmatian archaeology*. Collection of articles. Moscow; 1990:159–176. (In Russ.)
- Obydenov MF, Korepanov KI. Some aspects of the worldview of the Finno-Ugric population of Bashkortostan I thousand BC. Ufa; 1998. (In Russ.)

10. Okladnikov AP, Martynov AI. Treasures of Tomsk writers: neolithic and bronze age cave paintings. Moscow; 1972. (In Russ.)
11. Pshenichniuk AKh. Wooden utensils from the burials of early nomads of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* = Ufa Archaeological Gazette. Ufa; 2000;2:76–93. (In Russ.)
12. Raevskii DS. Model of the world of Scythian culture: Worldview problems of the Iranian-speaking peoples of the Eurasian steppes of the I millennium BC. Moscow; 1985. (In Russ.)
13. Smirnov KF. The Savromates. Early history and culture of Sarmats. Moscow; 1964. (In Russ.)
14. Smirnov KF. Sarmats on Ilek. Moscow; 1975. (In Russ.)
15. Fedorov VK. About the so-called “Savromat altars” with zoomorphic decorations. *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia: materialy IV Mezhdunar. konf. “Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii”* = Early-Sarmatian culture: formation, development, chronology. Materials IV International conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”. Samara; 2000;2:15–57. (In Russ.)
16. Fedorov VK. On the functional purpose of the so-called “Savromatic altars” of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* = Ufa Archaeological Gazette. Ufa; 2000;2:49–69. (In Russ.)

Submitted 18.05.2021; reviewing 23.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. L. Bannikov – Senior Lecturer, Department of Humanities Education, Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan, alex_rgv@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5794-3278>

Система уездного управления в Коми крае в конце XVII – первой половине XVIII в.

Анна Капитоновна Гагиева

*Коми республиканская академия государственной службы и управления,
Сыктывкар, Россия*

Введение. Работа посвящена исследованию системы уездного управления на территории Коми края в конце XVII – первой половине XVIII в. В этот период в стране происходили грандиозные преобразования, в основе которых лежало изменение системы государственного управления с воеводско-приказной на коллежскую. Она активно внедрялась в высших и центральных органах власти, не только изменяя систему управления документами, но и формируя новый государственный аппарат. Иначе обстояло дело в уездных воеводских канцеляриях, в частности на территории Коми края.

Материалы и методы. Основными методами исследования явились системно-структурный, исторический, формально-юридический и др., которые стали базовыми при анализе опубликованных и неопубликованных документов.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показал анализ опубликованных и неопубликованных документов, на территории Коми края (Яренский уезд), где проживало черносошное, а позднее государственное крестьянство, в изучаемое время переход от воеводско-приказной к коллежской системе управления и делопроизводства не произошел. Коллежская модель государственного управления, сформулированная в новом административном законодательстве, не смогла вытеснить воеводскую. Приказная система эволюционировала по своим законам и демонстрировала жизнеспособность, а коллежская система вынуждена была приспосабливаться к требованиям царя-реформатора. Особенно ярко это проявилось при ведении уездной канцелярией документооборота.

Заключение. Проводя реформы начала XVIII в., власть на уровне уездов не смогла организовать преобразования делопроизводственной службы и управления и не была готова к изменениям. В результате приказное делопроизводство сохранялось наряду с коллежским. Коллежское делопроизводство активно внедрялось и развивалось в центральном аппарате. На местах, например в Яренском уезде Коми края, сохранялось приказное делопроизводство, а коллежское стало доминирующим лишь к середине XVIII в.

Ключевые слова: управление, воеводская канцелярия, Яренский уезд, писарь, коллежское делопроизводство, приказное делопроизводство

Для цитирования: Гагиева А. К. Система уездного управления в Коми крае в конце XVII – первой половине XVIII в. // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 272–279. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.272-279.

Введение

Исследование вопросов становления и развития системы государственного управления в различные исторические эпохи сохраняет актуальность. Самобытный исторический опыт, накопленный нашей страной в деле построения системы государственного управления в национальных регионах, может быть использован в настоящее время при создании различных моделей управления.

Известно, что период конца XVII – первой половины XVIII в. характеризовался активным развитием всех отраслей хозяйства, освоением новых территорий, изменением системы делопроизводства и др. В различных частях страны это происходило неодинаково. Вариативность обуславлива-

лась размерами регионов, национальным составом населения, ролью государства и др. Исходя из этого результаты преобразований также были различными.

Данная работа является первым опытом изучения истории государственного управления в исследуемое время в одном из финно-угорских регионов страны. Цель статьи – рассмотреть влияние петровских преобразований в системе государственного управления на уездное управление Коми края, выявить его специфику и особенности. Для ее достижения решались следующие задачи: определить состав должностных лиц, их функции и регламенты, представить систему документационного управления, отчетность и контроль.

Обзор литературы

В российской историографии в настоящее время появилось много интересных концепций и теорий, посвященных исследованию исторического развития страны. Одна из них – теория модернизации, в рамках которой соответствующий исторический опыт исследуется с учетом региональной компоненты, с одной стороны, и модернизационной составляющей – с другой [3, 60]. Это неоднократно отмечалось в работах как российских, так и зарубежных ученых [13; 18–20]. Утверждалось, что для проведения модернизации необходимо было изменить систему управления не только в стране, но и на уровне регионов. Проводя модернизацию как масштабную кампанию, власть «разрушала некоторые структуры традиционного общества, использовала новые формы бюрократического деспотизма» [20, 17].

Первый этап модернизации, связанный с государственными реформами Петра I, преследовал цель изменения структуры общества через усиление регламентации общественной жизни, ужесточение контроля и укрепление централизации власти, что не могло не отразиться на системе управления.

В нашей стране изучение истории управления в конце XVII – первой половине XVIII в. имеет давнюю традицию. Такие исследователи, как Е. В. Анисимов, А. П. Виноградов, Н. Ф. Демидова, выделяли периоды «допетровской» и «послепетровской Руси». Последний, по их мнению, характеризовался разрушением старой воеводско-приказной модели управления и созданием новой – коллежской [1; 2; 4]. Для работников государственного аппарата допетровского времени был предложен термин «служилая бюрократия», а для их последователей – «дворянская бюрократия» [4, 15–16]. В работах подчеркивается прогрессивность коллежской системы управления по сравнению с приказной, отмечаются ее вклад в дело развития делопроизводства и ар-

хивного дела в имперской России, эффективность и востребованность [17]. Вместе с тем в ряде современных исследований признается эффективность приказной системы, указывается на ее системность и «живучесть» [12; 14–16; 19].

В региональной историографии приказная и коллежская системы управления в конце XVII – первой половине XVIII в. рассматривались как в общих, так и в специальных работах [5; 6, 138–143; 8; 10, 20–32]. Авторы, придерживаясь общепринятой точки зрения, выделяли особенности государственного управления на изучаемой территории [8, 20–32]. Однако системного изучения уездного управления в конце XVII – первой половине XVIII в. предпринято не было, что усиливает новизну нашей работы.

Материалы и методы

В основу методики исследования был положен системный подход. Системно-структурный, исторический, формально-юридический методы стали базовыми при анализе опубликованных и неопубликованных документов. Последние традиционно делятся на директивные (постановления и решения), организационные (протоколы заседаний), коммуникативные (переписка), учетно-отчетные (отчеты) [7].

Архивные источники представлены фондами, отложившимися в различных архивохранилищах страны, в первую очередь это фонд «Яренская воеводская канцелярия» Российского государственного архива древних актов¹ и фонд «Регистр императорских указов, поступивших в Яренское воеводское правление до 1745 г.» Национального архива Республики Коми². Из всего массива архивной документации нами для достижения поставленной цели были изучены постановления уездной канцелярии, документы волостных органов управления, отчеты представителей волостной и уездной администраций, донесения, отправляемые в центральные органы власти и

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 609. Оп. 1–3.

² Национальный архив Республики Коми (НА РК). Ф. 286. Оп. 1. Д. 606.

управления, как от отдельных лиц, так и от обществ. Хотя эти документы знакомы исследователям, занимающимся проблемами истории Республики Коми в эпоху феодализма, однако в контексте изучения истории управления они использованы явно недостаточно. Многие из них представлены впервые, что актуализирует заявленную нами тему.

Для полноты раскрытия вопроса был также привлечен массив опубликованных источников, который представлен законодательными актами, содержащимися в Полном собрании законов Российской империи³.

Результаты исследования и их обсуждение

К началу изучаемого периода основная территория, заселенная народом коми и получившая название «Коми край», входила в состав Яренского уезда. Он располагался в бассейне Вычегды (правого притока Северной Двины) с притоками Сысолой и Вымью и верхней части Мезеня. Территория уезда составляла 210 тыс. квадратных верст (около 240 тыс. км²) [9, 26–27]. Небольшая часть коми проживала в Пустозерском уезде и на территории Ижемской волости. Все население относилось к категории черносозных, с начала XVIII в. – государственных крестьян, которые не знали крепостной зависимости, платили налоги и исполняли государственные повинности в пользу государства. Высшими органами управления территорией были Сибирский приказ, Новгородская и Устюжская четверти, находившиеся в Москве.

В 1607 г. указом царя Василия Ивановича Шуйского в Яренском уезде было введено воеводское управление. Воевода отчитывался непосредственно перед правительством за сбор податей и выполнение повинностей, руководил аппаратом и т. д. [11, 20–32]. Он был посредником между существовавшими до этого времени выборными волостными правлениями и центральной властью.

Параллельно с воеводским в уезде на протяжении XVII в. функционировала еще одна модель управления. Она была сформирована в результате появления здесь «отхожих волостей», т. е. территорий, вышедших из воеводского управления, причем на них проживало 55 % всего населения уезда. Причиной «ухода» от воеводы было нежелание платить налоги назначенному чиновнику. Вместо этого предлагалось оставить механизм выплаты налогов непосредственно царю, который существовал здесь до введения воеводства [8, 140–142]. Царь пошел на встречу и подтвердил самостоятельность территорий царскими грамотами. Высшую власть в «отхожих волостях» представляли целовальники, а на оставшейся территории – воевода.

Как нам представляется, поддерживая желание ряда территорий подчиняться непосредственно царю, государственная власть через централизацию управления обеспечивала компромисс между традиционным управлением и новыми потребностями общества, которые были формой усиления государственного управления. При этом установившийся издавна социальный порядок был сохранен. Государственное управление выступало здесь в качестве компенсаторной, щадящей структуры старого порядка и формы развития общества. Выбирая стратегии государственного управления на территории Коми края для той или иной территории, власть, возможно, учитывала различия в их природном базисе.

Для осуществления функций управления уездом в изучаемое время в Яренске была образована воеводская канцелярия во главе с воеводой. Канцелярия состояла из столов (повытий), которыми руководили подьячие. Их количество варьировалось от двух до пяти человек, а число столов зависело от объема работы. В аппарат управления входили и писчики (пищики), которые, как и подьячие, назначались воеводой. Контроль над деятельностью всех должностных лиц осуществлял «товарищ воеводы», а при его

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830.

отсутствии обязанности возлагались на более опытного подьячего. Кроме этих должностных лиц в воеводском управлении была учреждена должность переводчика, так как многие служилые люди не знали коми языка.

Сложившееся делопроизводство к началу XVIII в. определялось как приказное, которое должно было осуществлять работу с входящими и исходящими документами. Необходимо было правильно их оформить и сохранить. Специальных узаконений, посвященных документационному обеспечению управления, не было. Отсутствовали прописанные регламенты по ведению дел, правила оформления входящих и исходящих документов. Функции работников, ведущих делопроизводство, также не были определены.

Традиционной формой ведения делопроизводства в приказах были столпы (столбцы). Текст документа писался на узкой бумажной ленте на одной стороне (оборотная сторона служила для помет и резолюций), несколько таких документов – столбцов – путем склеивания друг с другом оформлялись в дело, в итоге получался столп, который в длину мог достигать нескольких десятков метров.

В начале XVIII в. были запущены активные преобразования в системе управления, что привело, как указывается в исследованиях, к его «форсированной бюрократизации» [19, 56]. Стимулом к преобразованиям стала Северная война. Она потребовала мобилизационных усилий, реализация которых проходила, в частности, через усиление бюрократии [19, 53]. В центре внимания оказался центральный аппарат, подвергшийся кардинальным изменениям. Была введена коллежская система управления и делопроизводства: появились новые документы, новые органы управления, отменялась столбцовая форма документа, начался повсеместный переход на тетрадную форму, впервые архив отделился от делопроизводства и т. д. Коллежская система управления, базировавшаяся на коллегиальном принятии решений, была

призвана изменить существовавшую систему.

Созданный в результате Петровских реформ 1708–1711 гг. институт губернаторов должен был заменить воевод и воеводское управление. Однако этого не произошло. Воеводы и воеводские управления были воссозданы в 1719–1725 гг., а в последовавших за этим указах 1727 г. и «Наказе губернаторам, воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» 1728 г. были прописаны основы местного управления⁴. Вместо подьячих появились канцеляристы, подканцеляристы и архивариусы. Канцеляристы, подканцеляристы воеводской канцелярии, как и в предыдущее время, назначались воеводой. Изредка они могли избираться и самими канцелярскими служителями. Как и прежде, наблюдение за работой канцелярии воевода возлагал на своего товарища, а в случае отсутствия такового – на канцеляриста «с приписью». Кроме канцелярских служителей в воеводской канцелярии работали так называемые счетчики, обязанностями которых были ведение учета и хранение казенных денег и ценностей. В Яренском уезде основную массу канцелярских служащих по-прежнему составляли представители центральных районов страны.

В 1720-х гг. императором был опубликован ряд указов, посвященных регламентации документационного обеспечения управления: Генеральный регламент 1720 г., Табель о рангах 1722 г., штаты, реестры, указы о структурах учреждения на местах и т. д.⁵ Как считают исследователи, в основе их составления лежала европейская практика работы с документами, о которой император узнал во время своего путешествия. Особое внимание в Генеральном регламенте обращалось на регистрацию документов, правильное ведение дел и контроль. Обязательным реквизитом стала подпись под документом служащих, принимавших участие в обсуждении вопроса, предусматривалась также передача дел на архивное хранение.

⁴ ПСЗ. Т. 8, № 5333; т. 20, № 14392.

⁵ Там же. Т. 5, № 3303, 3318, 3466, 3534, 3890, 4378.

Несмотря на то что к началу XVIII в. появилась масса узаконений и распоряжений в области организации работы органов власти, на территории Коми края полного перехода на коллежское управление, как и делопроизводство, не произошло, наблюдались лишь некоторые его элементы. Не отмечено никаких изменений и на уровне терминологии. Изучение архивных материалов показало, что основная масса документов носила названия «челобитные» и «доношения»⁶. Новые термины, введенные в коллежское делопроизводство, например «премории», «отпуска» и др., встречались крайне редко⁷. Оформление документов, подаваемых в Яренскую воеводскую канцелярию, не соответствовало требованиям коллежского делопроизводства. Содержание документов было пространственным, отсутствовали точки и заглавные буквы, довольно частыми были случаи буквенного обозначения цифр и т. д.

Причина такого положения дел состояла в следующем. Реформируя делопроизводство, законодатель не учел, что чиновничество воеводских уездных канцелярий было не готово вести делопроизводство по новым требованиям, прописанным в законодательных документах. Писчики и подьячие канцелярий не были профессионалами и в делопроизводстве исходили из традиций и опыта, накопленного ими за годы службы. Длительность работы на одном месте, особенно при работе с документами, рассматривалась как одно из ценнейших качеств государственного служащего. Такой подьячий мог вести самые разнообразные дела – от судебного-следственных до статистико-экономических. Подготовка новых служащих осуществлялась по тем же правилам, когда главным было уметь ориентироваться в массе бумаг и документов. Это неоднократно подчеркивалось исследователями, занимавшимися историей Петровской эпохи и государственной службы [14, 59–61].

Проводя реформы начала XVIII в., власть на уровне уездов не смогла ор-

ганизовать преобразования делопроизводственной службы и управления и оказалась неготовой к изменениям. В результате приказное делопроизводство продолжало существовать наряду с коллежским. Коллежское делопроизводство активно внедрялось и развивалось в центральном аппарате. На местах, в нашем случае в Яренском уезде, сохранялось приказное делопроизводство с элементами коллежского.

Заключение

Изучение системы уездного управления Коми края в конце XVII – первой половине XVIII в. позволяет предположить, что коллежская модель государственного управления на уровне Яренского уездного управления не смогла вытеснить приказную. Это наиболее ярко проявилось в системе делопроизводства. Приказная система эволюционировала по своим законам и демонстрировала жизнеспособность. В Коми крае не произошло реформирования уездного управления и системы управления документами. Лишь к концу XVIII в., когда значительно возрастет документооборот, в системе документационного управления начнут действовать регламентация и унификация, коллежская система делопроизводства будет внедрена.

Относительно специфики системы управления в Коми крае необходимо отметить следующее. Во-первых, все делопроизводство велось на русском языке, поэтому для составления бумаг и ответа на обращения населения в канцелярии служили переводчики с русского на коми и наоборот. Во-вторых, в силу удаленности края от центра и центральных органов управления на изучаемой территории отсутствовала регламентация делопроизводства, которая была сформирована и активно применялась на соседних территориях, например на Урале. В-третьих, в управлении Коми края сохранялась система кормлений и подношений. Общего сокращения аппарата управления на уровне уезда, как это было заявлено царем-реформатором, не произошло.

⁶РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1, 31, 258–259; НА РК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 606.

⁷РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 263–265; НА РК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 606.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 332 с.
2. Виноградов А. П. Развитие системы чинов канцелярских служащих по Табели о рангах в XVIII в. // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 164–175.
3. Гагиева А. К. Влияние промышленной модернизации на развитие сельского хозяйства Коми края в XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 60–66.
4. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 226 с.
5. Жеребцов И. Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1998. 174 с.
6. История Коми: с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. 560 с.
7. Козлов В. П. Жизнь документа // Делопроизводство. 2013. № 1. С. 11–17.
8. Мацук М. А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I: Очерки истории коми крестьянства конца XVI–XVII в. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 184 с.
9. Мацук М. А. Фискальная политика русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 2007. 216 с.
10. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1. 352 с.
11. Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII в.: формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2005. 140 с.
12. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 742 с.
13. Побережников И. В. Поволжье и Урал – региональные модели фронтальной модернизации в Российской империи // Двенадцатые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2020. С. 21–29.
14. Редин Д. А. Государственное управление в России в переходный период от средневековья к новому времени (конец XVII – первая треть XVIII в.) // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. С. 52–62.
15. Редин Д. А. Петровские реформы и их восприятие провинциальным чиновничеством Сибири // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. ст. СПб., 2013. С. 143–152.
16. Редин Д. А. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 3. С. 190–216.
17. Янковая В. Ф. Эволюция делопроизводства: от «производства дел» до управления документами // «Генеральный регламент»: 300 лет на службе России: От коллежского делопроизводства до цифровой трансформации управления документами: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 90–97.
18. Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York: Harper Torchbooks, 1966. 206 p.
19. Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962. 456 p.
20. Lerner D. The passing of traditional society: modernizing the Middle East. Glencoe: Free press, 1958. 466 p.

Поступила 21.04.2021; одобрена 24.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. К. Гагиева – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, ngkol2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6095-5082>

The system of county administration in the Komi Region at the end of the XVII – first half of the XVIII century

Anna K. Gagieva

Komi Republican Academy of Public Administration and Management, Syktyvkar, Russia

Introduction. The work studies the system of county administration on the territory of the Komi Region at the end of the XVII – first half of the XVIII century. This period was characterized by significant transformations based on changing the system of public administration from voivodeship- clerical into collegiate. It was actively implemented in the highest and central authorities, not only changing the document management system, but also forming a new state apparatus. The situation was different in the county voivodeship offices, such as, the voivodeship office in Komi Region.

Materials and Methods. The main research methods were system-structural, historical, formal-legal, etc., which became basic in the analysis of published and unpublished documents.

Results and Discussion. As shown by the study of published and unpublished documents on the territory of the Komi Region (Yarensky uyezd), populated with black-collar and later state peasantry, there was no transition from the voivodeship – clerical to the collegiate system of management and office management at the time under study. The collegiate model of public administration, formulated in the new administrative legislation, could not displace the Voivodeship model. The clerical system evolved according to its own laws and demonstrated viability, and the collegiate system was forced to adapt to the requirements of the reforming tsar. This was especially evident when the county office carried out the document management.

Conclusion. Carrying out the reforms of the beginning of the XVIII century, the authorities on the county level could not organize the transformation of the clerical service and management and was not ready for changes. As a result, the clerical office work was maintained along with the collegiate one. Collegiate office work was actively introduced and developed in the central office. On the ground, for example, the Yarensky uyezd, clerical office work continued to be preserved, and collegiate one became dominant only by the middle of the XVIII century.

Keywords: administration, voivodeship office, Yarensky uyezd, clerk, collegiate office work, writ office work

For citation: Gagieva AK. The system of county administration in the Komi Region at the end of the XVII – first half of the XVIII century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:272–279. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.272-279.

REFERENCES

1. Anisimov EV. State transformations and the autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century. Saint-Petersburg; 1997. (In Russ.)
2. Vinogradov AP. Development of the system of clerical ranks employees on the Table of Ranks in the XVIII century. *Vestnik arkhivista* = Bulletin of the archivist. 2019;1:164–175. (In Russ.)
3. Gagieva AK. The impact of industrial modernization on the development of agriculture in the Komi Region in the XVIII – first half of the XIX century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;3:60–66. (In Russ.)
4. Demidova NF. Service bureaucracy in Russia of the XVII century and its role in the formation of absolutism. Moscow; 1987. (In Russ.)
5. Zherebcov IL. Komi Region in the XVIII – mid XIX century: territory and population. Syktyvkar; 1998. (In Russ.)
6. History of Komi from ancient times to the late XX century. Syktyvkar; 2004;1. (In Russ.)
7. Kozlov VP. Life of the document. *Deloproizvodstvo* = Office work. 2013;1:11–17. (In Russ.)
8. Macuk MA. Komi region from Boris Godunov to Peter I. Essays on the history of the Komi peasantry of the late XVI–XVII century. Syktyvkar; 1993. (In Russ.)
9. Macuk MA. Fiscal Policy of the Russian State and the Future State Peasants of the Komi Region, North and South of Russia: general and special (XVII century). Syktyvkar; 2007. (In Russ.)

10. Essays on the history of Komi ASSR. Syktyvkar; 1955;1. (In Russ.)
11. Petrov KV. The order management system in Russia at the end of the XV–XVII century: formation, evolution and regulatory support of the activity. Moscow; Saint-Petersburg; 2005. (In Russ.)
12. Pisar'kova LF. State Administration of Russia at the end of the XVII to the end of the XVIII century: The Evolution of the Bureaucratic system. Moscow; 2007. (In Russ.).
13. Poberezhnikov IV. The Volga Region and the Urals – regional models of frontier modernization in the Russian Empire. *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Twelfth Tatishchev Readings. All-Russian scientific and practical conference. Ekaterinburg; 2020:21–29. (In Russ.)
14. Redin DA. Public administration in Russia in the transition period from the Middle Ages to the New Time (late XVII – first third of the XVIII century). *Rossiiskie modernizatsii XVIII–XX vv.: vzaimodeistvie traditsii i novatsii: sb. nauch. st.* = Russian modernizations of the XVIII–XX centuries: interaction of traditions and innovations. Collection of scientific articles. Ekaterinburg; 2008:52–62. (In Russ.)
15. Redin DA. Petrine reforms and their perception of the provincial bureaucracy Siberia. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): sb. st.* = The phenomenon of reforms in the west and east of Europe at the beginning of the modern era (XVI–XVIII centuries). Digest of articles. Saint-Petersburg; 2013:143–152. (In Russ.)
16. Redin DA. Effectiveness of local governance in the age of Peter: the paradoxes of centralization. *Quaestio Rossica*. 2016;4;3:190–216. (In Russ.)
17. Yankovaya VF. Evolution of office work: from “Case management” to document management. *“General'nyi reglaman”: 300 let na sluzhbe Rossii: Ot kollezhskogo deloproizvodstva do tsifrovoi transformatsii upravleniia dokumentami: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = “General regulations”: 300 years in the service of Russia: From college office work to digital transformation of document management. Materials of the International scientific and practical conference. Moscow; 2021:90–97. (In Russ.)
18. Black CE. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York; 1966.
19. Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge; 1962.
20. Lerner D. The passing of traditional society: modernizing the Middle East. Glencoe; 1958.

Submitted 21.04.2021; reviewing 24.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. K. Gagieva – Doctor of History, Professor, Department of State and Municipal Administration, Komi Republican Academy of Public Administration and Management, gngkol2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6095-5082>

Одежда в похоронно-поминальной обрядности марийцев (конец XIX – начало XX в.)

Александра Александровна Песецакая

*Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург, Россия*

Введение. В статье рассматриваются свойства и функции одежды в марийской похоронно-поминальной обрядности. Цель исследования – выявление роли и способов реализации одежды в обряде.

Материалы и методы. Материалом для статьи послужили опубликованные этнографические источники XIX – начала XX в., полевые дневники Т. А. Крюковой из фондов архива Российского этнографического музея, а также полевые материалы автора, собранные в разные годы экспедиционной деятельности в Республике Марий Эл. Основными методами в исследовании стали структурно-функциональный и сравнительно-исторический. Сбор полевых материалов проводился с помощью методов включенного наблюдения и полуструктурированного интервью.

Результаты исследования и их обсуждение. Одежда в похоронно-поминальной обрядности марийцев фигурировала в двух вариантах: как костюм покойника и в виде самостоятельного обрядового объекта. Обряжение умершего сопровождалось рядом запретов, а предметы его одежды служили наполнением гроба. В ходе поминальных обрядов одежда становилась частью ритуала замещения, когда роль покойника выполняли живые люди. Также одежда использовалась в качестве подарка участникам обряда.

Заключение. Смена одежды во всех обрядах жизненного цикла маркировала переход ее носителя из одного состояния в другое. В похоронной обрядности центральной фигурой являлся покойник, переодевание которого способствовало отделению его от общества живых. При этом костюм характеризовался инверсией деталей и обнаруживал связь со свадебными предметами. В контексте поминальных обрядов одежда выступала в качестве средства коммуникации между миром живых и покойником, а ее пролонгированное использование в виде дара позволяло поддерживать налаженную связь между ними.

Ключевые слова: похоронно-поминальная обрядность, одежда, марийцы, традиционный костюм, заместитель покойника

Для цитирования: Песецакая А. А. Одежда в похоронно-поминальной обрядности марийцев (конец XIX – начало XX в.) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 280–292. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.280-292.

Введение

Одежда – значимый, многофункциональный элемент традиционной культуры. Кроме утилитарных свойств она обладает символическим значением, поскольку формирует внешний вид человека в соответствии с его социокультурными характеристиками. В то же время, тесно взаимодействуя с телом, предметы одежды формируют его границы и выполняют защитные функции.

Похоронная обрядность помимо символического перехода в новое состояние обозначает физическое исключение человека из общины. При этом в отличие от свадебных обрядов в ритуальной практике оформлен только процесс отделения от

коллектива, в то время как включение «на том свете» в категорию предков лишь подразумевается [1, 69]. Хотя использование одежды в похоронно-поминальной обрядности менее разнообразно, чем в свадебной, оно также отражает смену состояний действующих лиц и является инструментом горизонтальной и вертикальной коммуникации.

Похоронные традиции марийцев имеют много общего с традициями других народов региона. На каждом этапе обряда – подготовка тела к погребению, собственно погребение и поминки – предметы одежды фигурируют как значимая часть ритуальных практик. На сегодняшний день

отдельные аспекты включения одежды в погребальные обряды марийцев хорошо изучены. Данная статья рассматривает марийскую одежду комплексно – как в погребальных, так и в поминальных практиках, акцентируя внимание на ее роли.

Объектом исследования стала одежда в похоронной обрядности марийцев, предметом – ее отличительные черты и функции. Цель работы – выявление роли одежды и способов ее использования в похоронно-поминальной обрядности марийцев. Для ее достижения решались следующие задачи: рассмотреть одежду покойника и наполнение гроба, дать описание траурного костюма живых участников обряда, проанализировать случаи использования одежды в качестве объекта обрядовых практик.

Обзор литературы

Известные этнографические описания похоронно-поминальной обрядности марийцев были обобщены Н. С. Поповым [22]. В контексте изучения обрядов жизненного цикла погребальные обычаи народа рассматривались Т. Л. Молотовой [12; 13], Т. П. Федянович [29], группы восточных марийцев – Л. В. Ямурзиной [38]. Культурологический подход к изучению погребальной марийской одежды применен А. Н. Павловой [20]. Похоронная обрядность пермских марийцев была исследована А. В. Черных, Т. Г. Голевой, Р. И. Щукиной [32], прибельских марийцев – Г. М. Яфаевой [39]. Музыкальному оформлению поминальной обрядности посвящена работа М. Н. Мамеевой [10]. Отдельные аспекты похоронных практик марийцев затронуты Л. С. Тойдыбековой¹. Исследование мифологических основ представлений марийцев о загробном мире осуществлено Ю. А. Калиевым [6]. Особенности похоронного обряда средневекового марийского населения освещены в трудах Т. Б. Никитиной [15] и Т. Б. Шикаевой [35]. Таким образом, подробно изучены фабула похоронно-поминального марийского обряда, символизм погребального костюма, а также отдельные способы использования одежды в ритуальном кон-

тексте. При этом роль одежды как обрядового предмета, включенного в систему коммуникации коллектива и мира мертвых, исследована недостаточно.

В качестве сравнительного материала были привлечены труды, посвященные роли одежды в похоронно-поминальной обрядности соседних народов: русских – В. С. Бузина [3], Н. В. Зорина, Н. В. Лештаевой [5], Т. А. Листовой [9], С. В. Просяиной [23], мордвы – М. А. Тростиной, А. Е. Лапкиной [28], Т. А. Шигуровой [34], чувашей – И. Г. Петрова [21].

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили опубликованные этнографические материалы по похоронно-поминальной обрядности марийцев С. К. Кузнецова [8], Д. П. Никольского [16], А. Н. Овсянникова [18], У. Хольмберга [24], П. И. Рычкова [25], И. Н. Смирнова [26], Н. Троицкой [27], А. Филимонова [30], А. Фукс [31], В. М. Шестакова [33], Г. Яковлева [37]. Были также привлечены коллекции Российского этнографического музея (РЭМ) и неопубликованные результаты полевой работы Т. А. Крюковой из архива РЭМ². Кроме того, в исследование включены полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций в Республику Марий Эл (2009; 2010; 2019 гг.).

Анализ источников осуществлен с помощью структурно-функционального и сравнительно-исторического методов. Сбор полевых материалов был выполнен методами включенного наблюдения и полуструктурированного интервью.

Результаты исследования и их обсуждение

В марийской культуре одним из предвестников смерти считалось сновидение, центральным сюжетом которого была потеря одежды [22, 158]. Эта символическая утрата подразумевала неопределенность положения человека в социуме и его исключение из общественных практик. В обрядах жизненного цикла, сосредоточенных вокруг конкретного лица, предметы

¹ См.: Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология: этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007.

² Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1579; Ф. 18. Оп. 1. Д. 69, 73.

одежды играли важную роль. С их помощью маркировались значимые изменения социального статуса человека.

Смерть в традиционных воззрениях марийцев является результатом перехода души в загробный мир, где продолжается ее существование. Исторические источники фиксируют представления о семи мирах, которые душа должна поэтапно пройти; вера в один загробный мир является более поздней трансформацией [6, 53]. Путь туда был сложным и неблизким, сопровождался серией различных препятствий. Их успешное преодоление и обеспечение благополучной жизни умершему на том свете были целью похоронно-поминальной обрядности марийцев.

Одежда покойника

В марийской культуре смерть считалась результатом действий духа смерти *Азырена*, который перерезал горло умирающему и забирал его кровь [8, 97]. После этого дом, тело и окружающие предметы, в том числе одежда, нуждались в очищении от невидимых капель крови.

Правила обращения с одеждой, в которой находился человек в момент наступления смерти, были строго регламентированы. Ее снимали особым способом: разорвав спереди от горла до подола, что запускало череду действий с телом покойника. Для них были характерны, с одной стороны, привычность (обмывание, одевание), а с другой – иной способ осуществления. Если рубашу снимали принятым для живых способом, покойнику могло показаться, что ее не сняли, и тогда его душа не находила покоя. Подобная инверсия действий сопровождала в дальнейшем весь обряд.

Ранние источники свидетельствуют о том, что смертную одежду – *колмо жвата* нельзя было хранить, поскольку она была осквернена духом смерти. Ее уничтожали разными способами: сжигали на костре, бросали в могилу или увозили в поле [32, 309; 33, 43]. Восточные марийцы вывешивали смертную рубашу на кол во дворе или

забрасывали на крышу, где она находилась до тех пор, пока не истлевала [16, 32].

В дальнейшем отношение к смертной одежде стало меняться. На нее проецировались свойства мертвого тела – безмолвие, безболезненность и т. д. [9, 116]. Как следствие, она стала использоваться в качестве мощного оберега, делая владельца недосыгаемым для вредоносных сил. Одежду стирали и хранили, разрезали на части, которые раздавали близким родственникам [11, 182]. Такие отрезки подшивали к изнанке одежды в случае дальней дороги или участия в суде³. Рубаха покойника могла стать ценным подарком обмывальщику тела, роль которого считалась почетной [22, 160]. Лицо, исполнявшее ее, нередко выбиралось самим умирающим. Таким образом, с развитием погребального культа и представлений о жизни после смерти усложнялось и участие одежды в обряде.

Особым значением для последующего перехода покойника в разряд предков обладала его погребальная одежда. От того, насколько полно было укомплектовано тело перед захоронением, зависела дальнейшая жизнь всех участников коллектива. Внешний вид умершего должен был соответствовать ряду предписаний и запретов, касающихся новизны, колорита, состава и способа надевания костюма, которые в совокупности способствовали успешному продвижению души в другой мир.

Одежда для погребения не должна была быть новой. В тех случаях, когда нельзя было этого избежать, ее «делали не новой», например разрезали или стирали [39, 9]. Считалось, что ношенная одежда «не доходит» до человека. Однако в источниках середины XIX в. встречаются свидетельства о том, что одежду для погребения шили в день смерти [25, 89]. Позднее, под влиянием христианства, распространилась традиция предварительной подготовки «смертного узла». Иногда таких комплектов было несколько⁴.

При выборе посмертной одежды предпочтение отдавалось белой или, в случае

³ Полевые материалы автора: Республика Марий Эл, Горномарийский район, с. Пайгусово, записи 2010 г. (далее – ПМА).

⁴ ПМА: Республика Марий Эл, Килемарский район, д. Актаюж, записи 2019 г.

пестрядинного варианта, синей ткани. Белый – традиционный цвет марийского костюма. Синяя пестрядь использовалась восточными марийцами для изготовления рубахи невесты. Красный цвет в качестве похоронной одежды был запрещен, поскольку в таком костюме «тело горит». Предубеждение перед красным цветом выразилось в неодобрении распространенных в советское время гробов, обтянутых красной тканью, которая «сгорает в мире мертвых» [32, 305]. Вероятно, запрет связан с восприятием красного цвета в качестве символа жизни и родовой связи, «крови» [3, 29].

Основу посмертной одежды составлял праздничный костюм. Комплект замужней женщины луговых марийцев включал первую рубаху молодухи – *кавынь тувыр* [12, 48]. Незамужних и неженатых хоронили в свадебной одежде. Считалось, что за ними приезжает свадебный поезд и увозит их к жениху или невесте, где необходим будет свадебный костюм. В гроб девушки клали женский головной убор. Для женщин обязательным элементом был праздничный кафтан, который символизировал «крылья, чтобы вознестись на небо» [12, 49]. Аналогичная метафора характерна для марийских свах, которые надевали для поездки за невестой специальные платки: «Одев серебряные крылья, запрягши серебряного аргмака, мы прибыли к вам за невестой» [6, 65]. Таким образом посмертная одежда отражала представления марийцев об образе птицы – женском символе, посреднике между мирами.

На ноги покойнику обязательно надевали новые лапти, сплетенные в день смерти. Считалось, что в такой обуви ему «легче будет идти», чем в сапогах [9, 116]. Вероятно, это представление связано с высокой стоимостью последних.

Погребальный костюм дополнялся теплой одеждой, причем независимо от времени года, на который приходились похороны. Письменные и археологические источники указывают, что в погребаль-

ный комплект обязательно входил теплый кафтан из телячьей кожи или шуба, которая могла либо надеваться на тело, либо служить покрытием для него [8, 101]. Это нашло отражение в марийской загадке о шубе: «Одежду покойника надеваю»⁵. К верхней одежде добавляли шапку, носки и варежки – последние в теплое время года клали рядом в гроб, подразумевая, что в дальнейшем человек ими воспользуется в стране мертвых, которая находится на севере [19].

Костюм на покойника надевали особым образом, что подчеркивало его отличие от живых. Чтобы умерший не мог вернуться к живым, на его одежде не завязывали узлы⁶. При ее шитье иглу держали в обратном направлении [21, 89]. Сходным образом меняли свои стороны привычные предметы: онучи заворачивались налево, пояс – направо. В противоположную сторону закручивались волосы в женской прическе. При этом использовать в похоронном костюме булавки и иголки было запрещено [12, 49; 32, 305]. Известно, что иголка в рубахе живого человека воспринималась как оберег. Таким образом, при составлении костюма покойника с помощью различных противопоставлений подчеркивалась полярность мира мертвых и мира живых.

Тело дополнительно закрывали белой холщовой тканью, которая в марийском фольклоре стала символом смерти: «Человек уйдет одетый – жди возвращения, покрытый белым холстом – никогда не вернется» [36, 33]. Горные марийцы использовали вместо холста рубахи⁷. Как правило, ступни оставляли открытыми, чтобы на том свете человек мог ходить. Для лица готовили специальные платки *шүргö шовыч* или *шүргö леведыш*, которые приносили соседи на прощание с умершим. Отрезок холста укладывали со словами: «Да будет покрывалом лица твоего» [37, 66]. Перед погребением его ненадолго снимали, чтобы покойник взглянул на солнце в последний раз. Считалось, что

⁵ Марий калык ойпого: марий калык тушто-влак = Свод марийского фольклора: марийские народные загадки / сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола, 2006. С. 377.

⁶ ПМА: Республика Марий Эл, г. Козьмодемьянск, записи 2010 г.

⁷ ПМА: Республика Марий Эл, Горномарийский район, д. Тушналы, записи 2009 г.

соседей, подаривших *шүргө леведыш*, на том свете будут встречать по этому отрезу холста [12, 51].

Одежда покойника играла первостепенную роль на начальном этапе похоронной обрядности. За счет строгих предписаний, которые структурировали его костюм, достигалось соответствие представлениям о внешнем облике человека, начинающего переход в категорию предков. С одной стороны, это была одежда, обладающая социокультурными характеристиками (состав костюма, цвет, отсутствие новизны и др.), с другой – она шилась и надевалась иначе по сравнению с одеждой живых. Использование белого холста в качестве финального покрытия становилось важной ступенью на пути отделения умершего от коллектива, поскольку было актом прощания и одновременно символом личной связи на том свете всех его членов.

Наполнение гроба

Успешный переход в загробный мир и дальнейшее существование в нем покойнику обеспечивал комплект предметов, положенных в гроб. Данное явление зафиксировано в подавляющем большинстве средневековых марийских могильников, где дополнительные наборы вещей располагались в изголовье или ногах погребенного [15, 75]. В XIX в. наполнение гроба отличалось разнообразием и включало сменную одежду – пару рубах, уложенных на дно либо под голову [17, 33]. Иногда в гроб дополнительно клали валенки [13, 87]. Помимо запасной одежды покойнику полагалась еда: три блина за пазуху, вино или пиво, а также хлеб, ребенку – яйцо [2, 129; 18, 55]. В специальный мешочек помещали деньги, с помощью которых умерший мог «выкупить свою кровь» у владыки загробного мира. Иногда их заворачивали в пояс либо привязывали на палец правой руки [2, 129; 27, 76].

Оставшиеся от подготовки тела к погребению предметы также складывали в гроб: мочало и веник после обмывания; волосы и ногти, срезанные после смерти, заворачивали в подушку [32, 306].

Считалось, что на том свете человек будет нуждаться в тех вещах, которые сопро-

вождали его при жизни. В ноги ему могли положить котел, а в изголовье – нож с обломанным кончиком, трубку с табаком, кнут, кочедык и лыко, незаконченную при жизни вышивку с иглой и мотком ниток [8, 102–103; 26, 136]. Все эти предметы соответствовали деятельности человека и должны были обеспечить ему достойную жизнь в загробном мире, ограничив несанкционированные появления в мире живых.

Восточные и луговые марийцы вкладывали покойнику в левую руку липовую палку, а в правую – три ветки шиповника, которые должны были служить в качестве средства для обороны от змей во время перехода в загробный мир. Среди луговых марийцев бытовало мнение, что шиповник способен защитить тело от прикосновения нечистого духа [30, 433].

Вспомогательную роль при осуществлении перехода в другой мир играли протянутые вдоль тела три шерстяные или шелковые нити красного, черного, зеленого цветов [12, 50]. Их длина должна была совпасть с ростом умершего (для ребенка – с ростом отца), в противном случае он мог запутаться в них во время посмертного путешествия [27, 77]. У восточных марийцев нити обводили вокруг тела [32, 306]. Они символизировали длину отмеренного жизненного пути – в том числе после смерти. Наряду с нитями, предназначенными для мертвого, во время похорон на гроб клали моток для живых, из которого каждый участник тянул нитку, приговаривая: «Меня с собой не бери – я вон какую длинную выдернул» [26, 136]. Такая нить обладала защитными свойствами: намотанная на пуговицу, она становилась оберегом для своего владельца [12, 50]. Аналогично поступали чуваша и татары. Похожая традиция существовала у мордвы: женщина перед смертью раздавала родственникам свою пряжу, которую во время похорон они вешали на руку [34, 144].

Нити, протянутые вдоль тела покойника, играли также роль медиатора. Они служили «качелями» для подъема на небо или «мостом», предназначенным для перехода через мифическую реку мертвых

[13, 89; 37, 66]. Горные мари́йцы протягивали шелковую нить от креста до гроба, чтобы умерший мог по ней подниматься на поверхность. Иногда на ее нижний конец подвешивали монету, которая символизировала солнце [22, 168]. Метафора «качелей» как способа передвижения «на тот свет» часто встречается в мари́йских сказках: «Села на шелковые качели, раскачалась выше дома, выше сосны, взлетели качели до неба и улетела девушка далеко-далеко»⁸.

Таким образом, в составе погребального инвентаря одежда занимала значимое место, представляя собой «запас» на время пути в иной мир. Среди уложенных в гроб вещей были предметы первой необходимости (еда, деньги, одежда) и предметы для последующей профессиональной деятельности, симметричные нуждам живых. Погребальный набор создавался комплексно, в соответствии с мифологическими представлениями мари́йцев, и одежда как наиболее информативный предмет занимала в нем ведущую позицию.

Траурная одежда

Внешний вид живых участников похоронного обряда был менее строго регламентирован и касался в основном соблюдения ритуальной чистоты: по возвращении с похорон и поминок обязательно мылись в бане, меняли обувь и надевали чистую праздничную одежду [27, 77]. Других указаний на наличие специальной траурной одежды или ее элементов в источниках по мари́йской этнографии не найдено.

Одежда в обрядах замещения

Одежда, по представлениям мари́йцев, находилась в тесной связи со своим хозяином. Через ее части можно было навредить владельцу или вылечить его. По данным Т. А. Крюковой, чтобы извести человека, часть его рубахи привязывали к колоколу или топили в болоте⁹. Провести обряд лечения бесплодия у женщины можно было только в том платье, в кото-

ром она выходила замуж [7, 136]. Следовательно, одежда оказывала влияние на тело и могла становиться его заместителем в некоторых обрядах. После погребения она оставалась единственным физическим воплощением человека. Наиболее ранние формы замещения умершего с помощью одежды обнаружены в средневековых мари́йских погребениях-кенотафах [20, 425]. Свойство мари́йской одежды представлять покойника проявилось в традиции символического погребения убитых вдали от родины: крест с повешенной на него рубашкой погибшего ставили в память о нем на кладбище. Одежда в такой форме становилась его заместителем¹⁰.

В ходе больших поминок сорокового дня, которые являлись решающим этапом отделения мертвого от мира живых, костюм покойника становился его воплощением. Если до погребения смысловым центром обряда был умерший, то во время поминальных ритуалов им становилась его одежда. Она могла выполнять роль покойника сама по себе, будучи развешенной в том месте, где за столом должен был сидеть он. Демонстрировался полный костюм, независимо от пола владельца: рубаха, штаны, шапка, пояс, лапти, головной убор для женщины, свадебное полотенце *солык*. Для женщин вешали рубаху, которая надевалась при жизни на второй день свадьбы [14, 78]. В Моркинском районе для этих вещей оборудовали место у входа в избу, где на березовую палку развешивали одежду, предварительно вывернув ее наизнанку¹¹. У горных мари́йцев было принято складывать одежду покойника на почетном месте. К ней обращались на протяжении сорочин и по очереди с ней танцевали [26, 139]. У восточных мари́йцев бытовал обряд переодевания в костюм покойного, когда на поминки сорокового дня каждый должен был надеть какой-то предмет одежды и в нем плясать. После этого одежду непременно вытряхивали во дворе, избавляясь тем самым от следов присутствия духа умершего [12, 55]. Чаще всего на поминках сороково-

⁸ Мари́йские народные сказки / сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1984. С. 150.

⁹ АРЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.

¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1579. Л. 24.

¹¹ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 73. Л. 11.

Рис. 1. Поминки сорокового дня. На жерди висит одежда умершего: рубашка, лапти и штаны, которые в ходе поминок наденет заместитель покойного. Начало XX в. Вятская губерния, Уржумский уезд, д. Большой Цоранур (коллекция РЭМ № 3033-6)

Fig. 1. Commemoration of the fortieth day. The clothes of the deceased hang on the poles: a shirt, bast shoes and trousers for the deputy of the deceased one to wear during the commemoration. Beginning XX century. Vyatka province, Urzhumsky district, Bolshoi Tsoranur village (collection REM No. 3033-6)

го дня роль покойника исполнял конкретный человек (рис. 1).

Обряд, когда одежда умершего становилась частью инсценированного представления, во главе которого стоял его заместитель, широко известен в Поволжье и получил различные интерпретации. Сходные ритуалы у мордвы трактуются как «переодевание покойника»: таким образом для него отправлялась одежда «на тот свет» [28, 171]. У марийцев умирающий заранее мог выбрать лицо, которому доставалась роль его заместителя на больших поминках. Принцип отбора был различным в зависимости от локальной традиции. По одним данным, заместитель покойника – *вургем чийыше* («одетый в одежду») выбирался из его родственников, по другим – из соседей исходя из внешнего сходства¹². Нередко эта роль, как и у русских, доставалась обмывальщику вместе с одеждой умершего, которая становилась подарком за услуги. В ней он должен был появиться на поминках сорокового дня [27, 77]. По свидетельству А. Фукс,

заместителем покойника мог стать *карт* (жрец). В этом случае мужская одежда, как правило, надевалась целиком, а женская – перекидывалась через плечо [31, 208]. *Вургем чийыше* во всех вариантах становился проводником души на поминках сорокового дня.

В день поминок исполнявший роль покойника отправлялся на кладбище на лучших лошадях «под звон бубенчиков» и с угощениями. Умершего приглашали на праздник и везли домой на телеге, где для него с помощью подушки было обозначено место. По приезде подушка с воображаемым покойником переносилась туда, где висела его одежда, которую, по словам родственников, «никто не носил и ни одной вещи не потеряли» [24, 150]. У восточных и части луговых марийцев по пути с кладбища срубали липовую палку, которая впоследствии изображала умершего: ее парил в бане будущий *вургем чийыше* и на нее затем вешали его одежду [11, 183]. Похожий вариант использования дерева известен в чувашском обряде *юпа*, который проводи-

¹² См.: Тойдыбекова Л. С. Указ. соч. С. 72.

Рис. 2. Поминки сорокового дня. Пляска заместителя покойного под игру рожка. Остальные гости стоят на коленях в два ряда с зажженными свечами в руках. Начало XX в. Вятская губерния, Уржумский уезд, д. Большой Цоранур (коллекция РЭМ № 3033-6)

Fig. 2. Commemoration of the fortieth day. The dance of the deputy of the deceased to the sound of the horn. The rest of the guests are kneeling in two rows with lighted candles in their hands. Beginning XX century. Vyatka province, Urzhumsky district, Bolshoi Tsoranur village (collection REM No. 3033-6)

ли на сорочины. По пути с кладбища срубали столб из липы – для женщины, из дуба – для мужчины. Его привозили домой, укладывали в кровать и обряжали в одежду покойного. После проведения поминок ее снимали, а столб – *юпа* везли на кладбище и устанавливали на могиле [21, 93]. Для чувашей и марийцев были характерны культ предков и поклонение деревьям, через которые осуществлялась связь с ними. Вероятно, этим объясняется возможность замещения покойника с помощью деревянного предмета.

Основное действие поминок сорокового дня начиналось около полуночи, когда выбранный в качестве *вургем чийыше* человек надевал одежду покойного и изображал его на протяжении оставшейся ночи. Заместитель занимал главное место за столом, общался с родственниками от имени умершего, рассказывал о своей благополучной загробной жизни и давал наказы¹³. Обязательной частью обряда у сернурско-торъяльской группы марийцев была последняя пляска – *вургем чийыше куштымаш*, в которой вместе с заместителем участвовал его помощник при об-

мывании тела. Этот танец также известен как *тупыньела куштымаш* ('пляска наоборот'), поскольку движения в нем совершались в обратную сторону. Все присутствовавшие держали в руках свечи, изображавшие участие других предков в танце (рис. 2). За пляску заместителю и помощнику полагались деньги [10, 139].

Пляска заместителя нередко воспринималась как воплощение «свадьбы покойного» и символизировала его возрождение в другом мире [4, 168]. Танец становился частью проводов покойника либо предвещал их. На рассвете заместитель покидал дом различными способами в зависимости от локальной традиции. Однако все они сопровождалось нестандартными и регламентированными движениями. Так, в Моркинском районе *вургем чийыше* пятился к выходу задом, а зайдя за матицу – бежал прочь. Вслед ему бросали старый лапот, чтобы покойник не мог вернуться¹⁴. Встречались варианты, когда заместитель отсчитывал от выхода 41 шаг, снимал одежду умершего, а затем возвращался другой дорогой домой¹⁵. У восточных марийцев *вургем чийыше* отходил на

¹³ См.: Тойдыбекова Л. С. Указ. соч. С. 72.

¹⁴ АРЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 73. Л. 15.

¹⁵ См.: Тойдыбекова Л. С. Указ. соч. С. 74.

40 шагов [11, 183]. Числовой символизм больших поминок дублировался на разных уровнях похоронного обряда и был способом окончательного отделения мертвого от мира живых.

Проводы покойника после поминок осуществлялись в разное время и до разных точек пространства. Так, луговые маришцы провожали его на рассвете, восточные – после полудня, предварительно сходяв с *вургем чийыше* в гости к соседям [11, 183; 24, 152]. Такой разброс во времени симметричен временным рамкам свадебной обрядности. Заместитель мог проводить покойника до двора, а мог вместе с угощениями довести до могилы. Бытовал вариант, когда *вургем чийыше* доходил только до середины дороги на кладбище, после чего выпивал пиво, раскидывал угощения и возвращался [33, 43]. Архаичная традиция зафиксирована у мордвы: умершего коллективно провожали до могилы, где подушкой обозначали его место, расстилали скатерть, ставили угощения и вместе трапезничали. При этом костюм покойника, предназначенный ему в дар, раскладывали на могиле в той последовательности, в которой он надевался [28, 171].

После поминок все предметы, принимавшие участие в обряде, уничтожались разными способами. Липовую палку, которая изображала покойника, ломали и бросали на крышу дома [11, 183]. Одежду вытряхивали во дворе и вешали с северной стороны хозяйственных построек, где она оставалась до полного истлевания [32, 312]. Предполагалось, что таким образом она попадала в другой мир к своему хозяину. Иногда одежду умершего раздавали после поминок нищим, что приравнивалось к варианту уничтожения [24, 152].

Следует отметить, что дольше всего роль *вургем чийыше* продержалась на территории Моркинского, Сернурского, Куженерского районов и у восточных маришцев. Впоследствии изображение покойника ограничилось его одеждой, развешенной на стене или сложенной на лавке, которая, однако, все равно воспринималась в качестве его воплощения [29, 276].

Итак, на поминках сорокового дня, завершающем этапе перехода умершего в другой мир, одежда выступала в роли его физического воплощения – самостоятельно либо в совокупности с деревянным предметом (березовой, липовой, дубовой палкой). Наиболее развернутый вариант поминок подразумевал участие другого лица, которое за счет надевания одежды покойника получал право говорить и действовать от его имени. Строгий регламент его активности и речи, инверсия, характерная для движений, поддерживали дистанцию между *вургем чийыше* и коллективом.

Одежда в практиках одаривания

Поскольку похороны – обряд, направленный на отделение человека из одного общества и включение в другое, принципиально важным был полный состав его участников. В основе погребальных обычаев лежат отношения между поколениями, которые нуждаются в закреплении. Важнейшим способом подтверждения связи служат практики одаривания.

Как и в других обрядах жизненного цикла, одежда использовалась на похоронах в качестве подарка участникам. В некоторых местах одаривались все родственники, в других – непосредственно включенные в процесс: обмывальщики, могильщики, музыканты [39, 11]. Как правило, подарками служили рубахи, платки, полотенца, холсты, катушки ниток или мыло, которому приписывались чудодейственные свойства. Подарком становились и инструменты захоронения: полотенца (холст), на которых опускали гроб, доставались тем, кто копал могилу или нес покойника [12, 52]. Подарки были взаимными: живые одаривались вещами умершего, а он, в свою очередь, получал от них *шүргө леведыши*.

В дальнейшем живые регулярно передавали покойнику подарки разными способами. Как и у других народов Восточной Европы, первый встреченный во время похорон человек одаривался специальным мешочком с гостинцами либо платком. Это было залогом благополучной встречи души на том свете [29, 276].

Одежда, выполнявшая роль заместителя покойного на поминках сорокового дня, также была адресована ему.

Предметы одежды становились подарком умершим в ходе календарных праздников. Через год после смерти покойник переходил в разряд предков, для них в дар на Семик сжигали старую одежду, а также шили новую, которую предполагалось износить до следующего праздника [26, 141].

Таким образом, одежда оставалась важным, востребованным предметом человека даже после его смерти. Продолжение одевания покойного «на том свете» поддерживало связь между ним и миром живых, а одежда выступала в качестве посредника коммуникации.

Заключение

Одежда являлась неременной частью марийской похоронно-поминальной обрядности и отличалась разнообразием функций. Она формировала костюмные комплексы, маркируя смысловые социальные переходы как для покойника, так и для живых участников обряда. Способы утилизации одежды умершего свидетельствовали о ее прочной связи с хозяином, которая не нарушалась даже после его смерти и оказывала влияние на родственников и соседей. Одежда могла становиться мощным оберегом и выполнять защитные функции в мире живых. Костюм покойника и набор вещей, которые укладывали с ним в гроб, должны были способствовать

успешному отделению его от общины, что выражалось в особых признаках, нехарактерных для одежды живых людей.

Использование в похоронно-поминальной обрядности свадебных предметов одежды отражает общую направленность и смысловую парадигму обрядов жизненного цикла, причем женскому костюму, в силу его консервативности, это свойственно в большей степени.

Разнообразие ритуальных действий с предметами одежды выделяет ее в самостоятельный объект, способный выступать в разных качествах. Она могла замещать собой отсутствовавшего человека и наделять чертами покойника того, кто надевал ее в ходе обряда, а также давала право говорить от его лица. Одновременно предметы одежды воспринимались как средство коммуникации между миром живых и миром мертвых, являясь неременной частью практик одаривания, начинавшихся на похоронах и продолжавшихся в контексте календарной обрядности. Практики одаривания способствовали социальному сплочению, коллективному проживанию феномена смерти.

Сравнение традиций использования одежды в похоронно-поминальной обрядности марийцев с обычаями других народов демонстрирует наличие общей основы и консервативность данных практик. Устойчивость предметов одежды в качестве ритуального объекта свидетельствует о ее глубокой связи с мифологическими представлениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд: сб. ст. М., 1990. С. 64–99.
2. Батыршина Э. Н. Похоронно-поминальная обрядность восточных марийцев // Бусыгинские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2012. Вып. 3. С. 128–132.
3. Бузин В. С. Красное и синее в атрибутике русской традиционной погребальной обрядности // Современная научная мысль. 2017. № 1. С. 24–32.
4. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 206 с.
5. Зорин Н. В., Лештаева Н. В. Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья (конец XIX – начало XX в.) // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья: (ист.-этногр. очерки). Казань, 1990. С. 104–120.
6. Калиев Ю. А. Мифологическое сознание мари: феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2003. 216 с.
7. Кроковский М. С. Этнография горных черемис, обитающих в Казанской губернии в Козьмодемьянском уезде // Игнатевские чтения: материалы докл. и выступлений на респ. науч. конф. 2002–2003 гг. Йошкар-Ола, 2003. С. 127–142.
8. Кузнецов С. К. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба: Мар. кн. изд-во, 2009. 704 с.
9. Листова Т. А. Отражение представлений о загробном мире в похоронной одежде (российско-украинско-белорусское пограничье) //

- Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 114–123.
10. Мамеева М. Н. О музыкально-культурной традиции в поминальном обряде марийцев // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 2002. Вып. 26. С. 133–143.
 11. Марийцы: ист.-этногр. очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
 12. Молотова Т. Л. Концепция «картины мира» у марийцев (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. 2003. Вып. 29. С. 34–61.
 13. Молотова Т. Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 81–92.
 14. Молотова Т. Л., Токсубаева Л. С. Функциональные особенности свадебной одежды марийцев // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (ист.-этногр. очерки). Казань, 1990. С. 74–82.
 15. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: МарНИИЯЛИ, 2012. 408 с.
 16. Никольский Д. П. Этнографическо-антропологический очерк восточных черемис. СПб.: Воен. тип., 1897. 108 с. (Тр. Антропол. о-ва при Имп. Воен.-мед. акад.; т. 2).
 17. О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. С. 23–34.
 18. Овсянников А. Н. Географические очерки и картины. Т. 1. Очерки и картины Поволжья. СПб.: Типо-литогр. Цедербаума и Гольденблюма, 1878. 335 с.
 19. Отчет о деятельности Этнографического отдела и Музыкально-этнографической комиссии // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С. 122–1324.
 20. Павлова А. Н. Костюм в погребальной обрядности марийского народа // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 423–429. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.423-429.
 21. Петров И. Г. Одежда покойника в контексте похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей // Вестник Чувашского университета. 2020. № 4. С. 86–99.
 22. Попов Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX в. // Материальная и духовная культура марийцев: сб. ст. Йошкар-Ола, 1981. С. 154–173. (Археология и этнография Марийского края; вып. 5).
 23. Просина С. В. Эстетика «смертной» одежды (на материалах научных экспедиций ГРЦРФ 2001–2005 гг. во Владимирскую область) // Вестник славянских культур. 2008. № 3/4. С. 214–222.
 24. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. СПб.: Европейский Дом, 2014. 224 с.
 25. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренбург. отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.
 26. Смирнов И. Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1889. 225 с.
 27. Троицкая Н. Черемисы Арбанской волости // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1893. Т. 11, вып. 1–6. С. 65–82.
 28. Тростина М. А., Лапкина А. Е. Ритуал «переодевания покойника» в контексте погребально-поминальных обрядов мордвы // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 168–177.
 29. Федянович Т. П. Отчет об индивидуальном полевом выезде в Марийскую АССР (4–24 июля 1988 г.) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. М., 2007. С. 261–278.
 30. Филимонов А. О религии некрещеных черемис и веток Вятской губернии // Вятские епархиальные ведомости. 1869. № 21. С. 431–442.
 31. Фукс А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1840. 329 с.
 32. Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 529 с.
 33. Шестаков В. М. Быт черемис Уржумского уезда. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1866. 181 с.
 34. Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 156 с.
 35. Шикаева Т. Б. Погребальный обряд марийцев (по материалам поздних марийских могильников) // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 5. С. 192–205.
 36. Юадаров К. Г. Горные марийцы: краткая историко-этнографическая характеристика, обычаи и обряды, язычество. Йошкар-Ола, 2008. 64 с.
 37. Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Православное миссионерское общество, 1887. 87 с.
 38. Ямурзина Л. В. Основы религиозно-магических представлений в похоронно-погребальной обрядности народа мари // Этнос. Общество. Цивилизация: Пяты Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 475–480.
 39. Яфаева Г. М. Похоронно-погребальная обрядность прибельской группы восточных марийцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12. С. 8–13.

Поступила 02.07.2021; одобрена 07.07.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Песецкая – научный сотрудник отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея, sanny341@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1490-2032>

Mari clothing in the funeral and memorial rituals (late XIX – early XX century)

Aleksandra A. Pesetskaya

Russian Museum of Ethnography,
Saint-Petersburg, Russia

Introduction. The paper considers the Mari clothing for funeral and memorial rituals, its specific features, and functions. The purpose of the research is to define a role and application that clothes have in ceremonies.

Materials and Methods. As the research materials for the article, the author used ethnographic sources published in the XIX and early XX centuries, field journals by Tatyana Kryukova belonged to the Archive of the Russian Museum of Ethnography, as well as the author's personal field research materials, collected during personal expeditionary activities in the Mari El Republic. The structural-functional and comparatively historical methods were the major methods for the research. The research materials were collected by means of participant observation and semi-structural interview methods.

Results and Discussion. The Mari clothing during the funeral and memorial ceremonies marked two core functions, being represented by a costume of the deceased person and as an independent ritual object. Dressing the deceased person entailed a number of taboos whereas some clothes of the deceased were used to fill up the coffin. During the memorial rituals, the clothing of the deceased became a part of the «substitution» ritual when the role of the deceased was taken on by living people who were present at the ceremony. Apart from that, the clothing served as a present for the participants of the ceremony.

Conclusion. A change of clothes in the lifecycle rituals marked a transfer of the clothes' owner from one condition to another. A deceased person was a key figure during the funeral rite, while a change of his clothes facilitated their separation from the living ones. The costume itself was characterized by the inversion of the details and revealed its reference to wedding items. In the context of the memorial ceremonies, the clothing functioned as means of communication between a deceased and living ones, whereas its prolonged use accepted as a gift allowed maintaining the communication.

Keywords: funeral and memorials ceremonies, clothing, Mari, traditional dress, deceased representative

For citation: Pesetskaya AA. Mari clothing in the funeral and memorial rituals (late XIX – early XX century). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:280–292. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.280-292.

REFERENCES

- Baiburin AK, Levinton GA. Funeral and wedding. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury: pogrebal'nyi obriad: sb. st.* = Research in the field of Balto-Slavic Spiritual culture: the Funeral rite. Collection of articles. Moscow; 1990: 64–99. (In Russ.)
- Batyrshina EN. Funeral and memorial rites of the Eastern Mari people. *Busyginskii chteniia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Busygin readings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Kazan; 2012;3:128–132. (In Russ.)
- Buzin VS. Red and blue in the attributes of Russian traditional funeral rites. *Sovremennaia nauchnaia mysl'* = Modern Scientific Thought. 2017;1: 24–32. (In Russ.)
- Eremina VI. Ritual and folklore. Leningrad; 1991. (In Russ.)
- Zorin NV, Leshtaeva NV. Funerary ritual of the Russian population of the Kazan Volga region (end of the XIX – beginning of the XX century). *Semeinaia obriadnost' narodov Srednego Povolzh'ia: ist.-etnogr. ocherki* = Rite of the peoples of the Middle Volga region. Historical and ethnographic essays. Kazan; 1990:104–120. (In Russ.)
- Kaliev IuA. The mythological consciousness of Mari: the phenomenology of traditional world perception. Yoshkar-Ola; 2003. (In Russ.)
- Krokovskii MS. Ethnography of mountain chermis living in the Kazan province in the Kozmodemyansk district. *Ignat'evskie chteniia: materialy dokl. i vystuplenii na resp. nauch. konf. 2002–2003 gg.* = Ignatievsky readings. Materials of reports and speeches at republican scientific conferences of 2002–2003. Yoshkar-Ola; 2003:127–142. (In Russ.)
- Kuznetsov SK. Shrines. The cult of the ancestors. Ancient history. Yoshkar-Ola; 2009. (In Russ.)
- Listova TA. Reflection of ideas about the afterlife in funeral clothing (Russian-Ukrainian-Belarusian borderlands). *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia* = Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Pre-Urals. 2017; 7:114–123. (In Russ.)
- Mameeva MN. On the musical and cultural tradition in the memorial rite of the Mari people. *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia* = Archeology and ethnography of the Mari Region. Yoshkar-Ola; 2002;26:133–143. (In Russ.)
- Mari people. Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola; 2005. (In Russ.)
- Molotova TL. The concept of the “picture of the world” in the Mari people (analysis of traditional views on birth and death). *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy: ezhegod-*

- nik = Races and peoples: contemporary Ethnic and Racial Issues. Yearbook. 2003;29:34–61. (In Russ.)
13. Molotova TL. Religious factor in preserving the Identity of the Eastern Mari People. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic review. 2010;6:81–92. (In Russ.)
 14. Molotova TL, Toksubaeva LS. Functional features of wedding clothing of the Mari people. *Semeinaia obriadnost' narodov Srednego Povolzh'ia: ist.-etnogr. ocherki* = Rite of the peoples of the Middle Volga region. Historical and ethnographic essays. Kazan; 1990:74–82. (In Russ.)
 15. Nikitina TB. Funerary monuments of the IX–XI centuries. Vetluzhsko-Vyatka interfluve. Kazan; 2012. (In Russ.)
 16. Nikol'skii DP. Ethnographic and anthropological essay of the Eastern mari. Saint-Petersburg; 1897;2. (In Russ.)
 17. About the cheremis living in Krasnoufimsky district. Perm province. *Etnograficheskii sbornik* = Ethnographic collection. Saint-Petersburg; 1864;6: 23–34. (In Russ.)
 18. Ovsyannikov A. N. Geographical essays and paintings. Saint-Petersburg; 1878;1. (In Russ.)
 19. Report on the activities of the Ethnographic Department and the Music and Ethnographic Commission. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 1904; 3:122–132. (In Russ.)
 20. Pavlova AN. Costume in the funeral rituals of the Mari people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:423–429. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.423-429.
 21. Petrov IG. Clothing of the deceased in the context of funeral and memorial customs and rituals of the Chuvash. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University. 2020;4:86–99. (In Russ.)
 22. Popov NS. The funeral rite of the Mari people in the XIX – early XX centuries. *Material'naia i dukhovnaia kul'tura mariitsev: sb. st.* = Material and spiritual culture of the Mari. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1981;5:154–173. (In Russ.)
 23. Prosina SV. Aesthetics of “mortal” clothing (based on the materials of scientific expeditions of the GRCRF 2001–2005 to the Vladimir region). *Vestnik slavianskikh kul'tur* = Bulletin of Slavic Cultures. 2008;3/4:214–222. (In Russ.)
 24. Travel to the Udmurts and Mari people. Letters of Uno Holmberg 1911 and 1913. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ.)
 25. Rychkov PI. Topography of the Orenburg province. Orenburg; 1887. (In Russ.)
 26. Smirnov IN. Mari. Historical and ethnographic essay. Kazan; 1889. (In Russ.)
 27. Troitskaia N. Cheremisy of Arban volost. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* = Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. 1893;11;1–6:65–82. (In Russ.)
 28. Trostina MA, Lapokina AE. The ritual of “changing the clothes of the deceased” in the context of Mordovian funeral and memorial rites. *Vestnik ugrovedeniia* = Journal of Ugric Studies. 2020;10;1:168–177. (In Russ.)
 29. Fedyanovich TP. Report on the individual field trip to MASSR (on July 4–24, 1988). *Polevyie issledovaniia Instituta etnologii i antropologii* = Field studies of the Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow; 2007:261–278. (In Russ.)
 30. Filimonov A. On the religion of the unbaptized Cheremis and Votyaks of the Vyatka province. *Viatkie eparkhial'nye vedomosti* = Vyatka Diocesan Gazette. 1869;21:431–442. (In Russ.)
 31. Fuks A. Notes of Alexandra Fuks about the Chuvashes and Cheremis of the Kazan province. Kazan; 1840. (In Russ.)
 32. Chernykh AV, Goleva TG, Shchukina RI. The Mari of the Perm Territory. Essays on History and Ethnography. Perm; 2013. (In Russ.)
 33. Shestakov VM. Life of the Cheremis of the Urzhum district. Kazan; 1866. (In Russ.)
 34. Shigurova TA. Semantics of the picture of the world in the traditional costume of the Mordovians. Saransk; 2012. (In Russ.)
 35. Shikaeva TB. Funerary rite of the Mari people (based on the materials of the late Mari burial grounds). *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia* = Archeology and Ethnography of the Mari Region. Yoshkar-Ola; 1981;5:192–205. (In Russ.)
 36. Yuadarov KG. Mountain Mari: brief historical and ethnographic characteristics, customs and rituals, paganism. Yoshkar-Ola; 2008. (In Russ.)
 37. Yakovlev G. Religious rites of mari. Kazan; 1887. (In Russ.)
 38. Yamurzina L. The basics of religious and magical ideas in the funeral and burial rituals of the Mari people. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiia: Piatye Kuzeevskie chteniia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Ethnos. Society. Civilization. The Fifth Kuzeev Readings. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Ufa; 2018:475–480. (In Russ.)
 39. Yafaeva GM. Funerary-funerary ritual of the Pribel group of Eastern Mari people. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014;12:8–13. (In Russ.)

Submitted 02.07.2021; reviewing 07.07.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Pesetskaya – Research Fellow, Department of Ethnography of the Peoples of the Volga and Urals, Russian Museum of Ethnography, sann341@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1490-2032>

100 лет марийского изобразительного искусства: этнографический реализм (1920–1930-е гг.)

Эльвира Мазитовна Колчева

*Казанский государственный институт культуры,
Казань, Россия*

Введение. Статья является первой в серии публикаций, посвященных 100-летию марийской автономии и связанного с этим фактом появления у народа мари профессионального изобразительного искусства. Автор рассматривает его как системный элемент национально-этнической культуры, выполнявший функцию этнокультурной рефлексии художественными средствами на протяжении всего столетнего пути, в котором можно проследить четыре крупных этапа и соответствующие стилистические формы. В статье характеризуется начальный этап развития марийского изобразительного искусства 1920–1930-х гг.

Материалы и методы. Основным материалом стала коллекция художественно-этнографических работ 1920–1930-х гг. из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева. Применялись разнообразные методы: исторического исследования, искусствоведческого анализа художественных произведений, а также авторский метод структурно-архетипического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Первые художественные институции появились в горномарийском крае на рубеже 1910–1920-х гг. благодаря художнику А. В. Григорьеву, впоследствии основавшему с соратниками в Москве Ассоциацию художников революционной России. Систематическое институциональное оформление марийского изобразительного искусства началось во второй половине 1920-х гг., чему способствовала деятельность Марийского областного общества краеведения и Центрального марийского музея в г. Краснококшайске. Основоположниками марийского изобразительного искусства стали приглашенные казанские художники П. А. Радимов, Г. А. Медведев, В. К. Тимофеев, М. М. Васильева, первые художники-мари К. Ф. Егоров и Е. Д. Атлашкина, а также П. Г. Горбунцов. С началом «большого террора» первый этап развития марийского изобразительного искусства фактически прервался, на смену этнографическому реализму пришел социалистический реализм.

Заключение. Развитие изобразительного искусства мари на начальном этапе было стимулировано Марийским областным обществом краеведения и Центральным марийским музеем в лице В. А. Мухина (Сави), В. М. Васильева, Т. Е. Евсеева. Их научно-просветительские интересы, соединившись с документалистски ориентированной программой Ассоциации художников революционной России, способствовали складыванию такой стилистической формы, как этнографический реализм, который стал первой художественной формой этнокультурной рефлексии средствами изобразительного искусства.

Ключевые слова: марийское изобразительное искусство 1920–1930-х гг., этнографический реализм, Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева

Для цитирования: Колчева Э. М. 100 лет марийского изобразительного искусства: этнографический реализм (1920–1930-е гг.) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 293–307. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.293-307.

Введение

Профессиональное изобразительное искусство Марийского края отмечает свой столетний юбилей вместе с юбилеем Республики Марий Эл. В силу особенностей его исторического развития сложилось синкретическое понятие марийского изобразительного искусства, в котором слились региональные и этнические аспекты. Отчасти это следствие инерции советской установки на формирование искусства

«национального по форме, социалистического по содержанию», отчасти – отставания институционального оформления изобразительного искусства в сравнении с другими профессиональными видами творчества в марийской культуре.

Как региональный феномен многонационального искусства России изобразительное искусство края всегда уделяло значительное внимание этническому

своеобразием исконного для данной территории марийского народа. Его становление как самостоятельного явления происходило на основе тесного взаимодействия изобразительных традиций русского (отечественного) искусства и этнической ментальности, привносимой в него художниками-мари. Для последних оно становится художественной формой рефлексии родной культуры. Так складывается национальный феномен изобразительного искусства в марийской художественной культуре наряду с другими профессиональными видами творчества. На каждом этапе развития обнаруживается своеобразие его дискурсивных практик, а потому и репрезентативных форм, которые необходимо рассмотреть в диахронии единого культурного процесса. Проблема современного исследования марийского изобразительного искусства состоит в необходимости обнаружения его как системного элемента национальной культуры, выполняющего функцию этнокультурной рефлексии художественными средствами на протяжении ее исторического развития.

Предметом такого исследования в данной статье являются начальный этап формирования профессионального национально-этнического изобразительного искусства мари, его исторические условия и особенности, репрезентацией которых стал этнографический реализм 1920–1930-х гг.

Обзор литературы

Первую оценку состояния изобразительного искусства края дал в 1936 г. в преддверии 15-летия образования Марийской автономной области (МАО) непосредственный участник событий литератор и общественный деятель В. А. Мухин¹. Он подверг критике этнографическую ориентацию марийского искусства и фактически выступил пропагандистом соцреализма. В то же время в его позиции четко прослеживается взгляд на формирующееся изобразительное искусство как на национальный феномен.

Систематическое научное изучение марийского изобразительного искусства

началось с созданием Марийского отделения Союза художников РСФСР (1961), при этом начальный период оставался на периферии интереса исследователей, поскольку он во многом был связан с именами, находившимися под запретом, и даже после снятия запрета было не принято затрагивать тему репрессий. Кроме того, были уничтожены многие произведения искусства, утрачены документы, что затрудняет исследование.

Первым историком марийского искусства стал искусствовед Б. Ф. Товаров-Кошкин, совместно с С. М. Червонной сделавший обзор работ начального периода через призму отражения в них социалистических преобразований [18; 19]. Г. И. Прокушев в начале 1980-х гг. дал высокую оценку произведений казанских художников на марийскую тему: «Приходится только пожалеть, что работы Радимова и Тимофеева, имеющие не только историческую, но и художественную ценность, не стали достоянием марийского народа» [9, 9]. Однако сам он не занимался исследованием этого периода. Г. И. Соловьева к изучению изобразительного искусства пришла от исследований народного творчества и фактически первой прикоснулась к проблеме изобразительного искусства как этнокультурного явления. Этнографизм 1920-х гг. она порицала, давая положительную оценку национальному неоромантизму (этот термин тогда не использовался) 1960–1980-х гг. [15], развившемся в рамках социалистического реализма.

Переоценка рассматриваемого периода истории марийского изобразительного искусства наметилась в постсоветский период. Значительны работы современного исследователя В. Г. Кудрявцева. Его научный интерес сосредоточен в первую очередь на марийской графике [3]. Особое внимание ученого привлекли трагические страницы ранней истории марийского искусства; совместно с К. Н. Сануковым, автором монографии об А. В. Григорьеве [11; 12], он ввел в научный оборот документы, связанные

¹ См.: Мухин В. А. Изобразительное искусство марий // 15 лет Марийской автономной области. Йошкар-Ола, 1936. С. 205–209.

с основоположниками изобразительного искусства в крае А. В. Григорьевым² и К. Ф. Егоровым³. Трудом, обобщающим научные изыскания автора, стала монография «Художественная культура марийского народа: народное творчество, деревянное зодчество, изобразительное искусство» (2017) [4]. Раздел о профессиональном изобразительном искусстве наглядно демонстрирует синкретический подход в восприятии феномена как регионального и национального одновременно, хотя автор вплотную подошел к дифференциации этих аспектов изобразительного искусства марийского края.

В 2010-х гг. под руководством автора статьи началось комплексное системное исследование произведений рассматриваемого периода, которые хранятся главным образом в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева⁴. Оно предполагало решение проблем их музейного хранения, т. е. паспортизацию, создание электронных каталогов, а также историко-культурологическое изучение, этнографическое и искусствоведческое описание работ. Решение поставленных задач позволило ввести в научный оборот данные произведения как целостную коллекцию культурных ценностей, а также связанные с ней новые документы, восполнить некоторые лакуны в исторической картине событий, выработать оценку начального периода марийского изобразительного искусства и подходы к его дальнейшему изучению. Впервые этот этап был осмыслен как начало институционализации национального изобразительного искусства народа мари. В исследованиях приняли участие историки В. Е. Кутасова [6], С. К. Свечников, О. А. Требушкова [13], этнограф Н. А. Большова [1].

Основным материалом, т. е. источниковой базой, исследования начального этапа развития марийского изобразительного искусства является коллекция художественно-этнографических работ 1920–1930-х гг. из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева. Она составляет около 260 ед. хр. и включает произведения живописи и этюды (около ед. хр.), а также графику: рисунки, этнографические зарисовки и наброски документального характера, выполненные в экспедициях и после их завершения. Коллекция уникальна по богатству запечатленного в ней этнокультурного материала.

Неопубликованные документальные источники представлены материалами Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ), фотодокументального фонда Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева (ФДФ НМ РМЭ). Опубликованные источники включают материалы журнала «Марий Эл»⁵, в котором музей регулярно публиковал отчеты о деятельности. Значительно облегчают работу исследователя издания Государственного архива РМЭ: Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл»⁶, двухтомный сборник документов по культурному строительству в Марийской АССР⁷, много томный сборник документальных очерков «История сел и деревень Республики Марий Эл»⁸.

Круг примененных методов интегративного по характеру исследования разнообразен: это методы исторического исследования, искусствоведческого анализа художественных произведений; культурологические аспекты исследования решались с помощью авторского метода структурно-архетипического анализа [2].

² См.: Кудрявцев В. Г. Александр Владимирович Григорьев: Документы. Статьи. Письма. Воспоминания. Йошкар-Ола, 1992.

³ См.: Кудрявцев В. Г. Художник Константин Егоров. Йошкар-Ола, 1998.

⁴ Проект РГНФ № 09-01-24101 а/В «Этнокультурное пространство в художественно-этнографических работах 20–30-х годов XX века из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева»; проект ФЦП «Культура России 2012–2018» № 12-0017 «Предпечатная подготовка каталога живописи 20–30-х годов XX века из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева».

⁵ См.: Экономическая и краеведческая хроника // Марий Эл. 1927. № 10. С. 198–205.

⁶ См.: Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл». Йошкар-Ола, 2012.

⁷ См.: Культурное строительство в Марийской АССР: сб. док. Йошкар-Ола, 1983–1985. Кн. 1. 1917–1941 гг.; Кн. 2. 1941–1980 гг.

⁸ См.: История сел и деревень Республики Марий Эл: сб. док. очерков. Йошкар-Ола, 2003– .

**Результаты исследования
и их обсуждение**

***Историко-культурные условия
возникновения марийского
изобразительного искусства***

1920–1930-е гг. стали качественно новым этапом развития культуры марийского народа. Первые декреты советской власти и разработанная в ходе долгих политических дискуссий национальная политика ВКП(б) заложили основу федеративного устройства Страны Советов, с предоставлением национальным образованиям автономии или статуса союзной республики. В числе многих государственность получили и марийцы. В 1920 г. была создана Марийская автономная область как «форма административной автономии», а в 1936 г. ее статус был повышен до «формы национально-государственной автономии» [10, 163] – была образована Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. На этом этапе национальная политика Советского государства прошла эволюцию от поддержки и стимулирования национально-культурного строительства до его фактического сворачивания, замены на идеологические внеэтнические приоритеты, что привело к тотальным репрессиям национальной интеллигенции.

В рассматриваемый период были успешно решены многие задачи хозяйственно-экономического и культурного развития марийского края. Началось институциональное оформление марийской культуры, т. е. она стала переходить на стадию культуры национального (модернизационного) типа⁹. Политика «коренизации» молодой советской власти, в частности декрет ВЦИК «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» 1924 г., способствовала тому, что в МАО сложилась система образования на родном языке и практически была ликвидирована неграмотность. Развива-

лась печать на родном языке, формировался слой управленцев из числа мари, крепла творческая и научная интеллигенция.

К концу второй пятилетки (1937) марийский край из аграрного превратился в аграрно-индустриальный. Основными отраслями промышленности стали лесозаготовительная и деревоперерабатывающая, развивались также легкая и пищевая, строительных материалов. В то же время нельзя сбрасывать со счетов сложный процесс коллективизации 1930-х гг., приведший к голоду 1934 и 1936–1937 гг. Два зловещих события, голод 1921–1922 гг. и голод, совпавший с «большим террором», отмечают хронологические рамки и подчеркивают неоднозначность раннего этапа социализма в Стране Советов.

В столице МАО Краснококшайске (1919–1928, с 1928 г. – Йошкар-Ола) культурное строительство в 1920-е гг. выразилось в создании ряда учреждений образования и изучения культуры народа мари, и среди них Марийский областной отдел народного образования (1919), Марийский областной краеведческий музей (1921), Марийское областное общество краеведения (1926), Марийский научно-исследовательский институт (1930). Это десятилетие стало временем формирования научных подходов к изучению этнической культуры и фольклора мари.

В новых условиях систематическое развитие получило профессиональное искусство. 1-й Козьмодемьянский кантонный съезд работников искусств 1921 г. очертил свои идеологические рамки и задачи следующим образом: «...привлечение специалистов в области искусств к активному участию в строительстве пролетарского искусства»¹⁰.

В 1930-е гг. происходила институционализация национальной литературы, драматургии и музыки. В 1934 г. был учрежден Союз писателей МАО как областное отделение Союза писателей СССР, что означало закрепление в марийской литературе метода социалистического реализма. Хрестоматийными образцами этого творче-

⁹ См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.; Екатеринбург, 2002. С. 244.

¹⁰ Культурное строительство в Марийской АССР. Кн. 1. С. 46.

ского метода в литературе стали романы С. Г. Чавайна “Элнет” (1936), Я. Я. Ялкайна “Онго” («Круг») и др. Любительский национальный театр, возникший в 1919 г. как Передвижной театр народа мари, в 1929 г. стал профессиональным коллективом Марийского государственного драматического театра с репертуаром русской драмы и пьесами национальных драматургов, в частности С. Г. Чавайна: “Мўкш отар” («Пасека», 1928), “Илыше вўд” («Живая вода», 1929). Значительными были в эти годы успехи профессионального музыкального искусства, у истоков которого стояли первый марийский композитор И. С. Ключников-Палантай. Были созданы профессиональные исполнительские коллективы: Марийская хоровая капелла под руководством А. И. Искандарова (1933), Марийская государственная филармония (1938), Марийский государственный ансамбль песни и пляски (1939). Музыкальной классикой этого периода стали «Марийская сюита» Н. П. Ракова (1931), «Марийский марш» Я. Эшпая (1931), «Увертюра на марийские темы» В. Шебалина (1936).

Наконец, возникли условия для подготовки профессиональных кадров в области искусства. В 1931 г. был открыт Марийский техникум искусств с музыкальным и театральными отделениями (с 1936 г. – Марийский техникум искусств им. И. С. Палантая, с 1937 г. – Марийское музыкально-театральное училище им. И. С. Палантая).

Изобразительное искусство на общем фоне развития художественной культуры края в рассматриваемый период выглядело наименее развитым. Главным образом оно «обслуживало» другие виды творчества: театр, книгоиздание. Художников было сравнительно немного. В силу отмеченных условий говорить об идейной борьбе каких-либо художественных течений и группировок, бурлившей в это время в искусстве страны, не представляется возможным.

Ростки профессионального изобразительного искусства народа мари относятся к дореволюционному периоду и связаны с именами первых марийских художников П. С. Кушелева, А. В. Григорьева, Е. Д. Атлашкиной, первыми произведениями на

марийскую тему, такими как знаменитая «Черемисская свадьба» Н. Фешина (1908) или этнографические зарисовки финского художника А. Рейнхольма.

В годы революции развернулась деятельность художника-горномари Александра Владимировича Григорьева (1891–1961) по созданию первых институтов художественной культуры в Козьмодемьянске, куда он в 1918 г. прибыл по поручению РКП(б) в качестве заведующего волостным отделом народного образования, а в 1920 г. возглавил уездный комитет РКП(б). Это был краткий, но значительный период в истории становления институтов культуры края. Благодаря усилиям А. В. Григорьева был создан уездный краеведческий музей с художественным отделом (1919), организована школа Казанских государственных свободных художественных мастерских (1919), проведена первая в марийском крае Козьмодемьянская художественная выставка (1920).

Этой личности предстояло сыграть исключительную роль в истории всего советского искусства, в укреплении реализма как творческого метода. «Опытный, энергичный и испытанный работник по всем отраслям партийного и советского строительства», «работник центрального масштаба» [12, 52], он был отозван в 1922 г. в Москву, где вместе с соратниками (одним из них был казанец П. А. Радимов) создал Ассоциацию художников революционной России (АХРР), а позже объединение «Союз советских художников» (1928–1932). Убежденного большевика А. В. Григорьева мало интересовала этнокультурная проблематика, но он способствовал интеграции марийского края в художественную жизнь Советской России. Таким образом, первые институциональные формы профессионального изобразительного искусства в МАО были заложены при нем.

Формирование этнографического реализма в марийском изобразительном искусстве

Процессы, инициировавшие становление изобразительного искусства как этнокультурного феномена, связаны с лугомарийской стороной марийского края, с

учреждением в 1920 г. Центрального уездного музея в г. Краснококшайске (с 1921 г. – Марийский областной краеведческий музей, с 1925 г. – Центральный марийский музей), полноценная деятельность которого началась фактически только в 1924 г., когда на должность директора заступил Тимофей Евсеевич Евсеев (1887–1937).

Значительную роль в деятельности музея играло Марийское областное общество краеведения (1926), которое занималось широким кругом вопросов: от истории и искусства края до его природы и экономики [5]. Членами общества были этнограф Т. Е. Евсеев, писатель С. Г. Чавайн, историк Ф. Е. Егоров, языковед В. М. Васильев, поэт и общественный деятель В. А. Мухин, организатор народного образования мари Л. Я. Мендияров, экономист М. Н. Янтемир (Сазонов) и др. Это была первая когорта национально-демократической интеллигенции, мечтавшая о культурном процветании своего народа и много делавшая для его приближения. Они явились исследователями народной культуры и фольклора, практическими организаторами первых марийских культурных институций, в частности музейного дела. Их отличали разносторонняя одаренность и творческий универсализм. В становление изобразительного искусства большой вклад внесли Владимир Алексеевич Мухин (литературный псевдоним Сави) (1888–1938), Валериан Михайлович Васильев (1883–1961), Тимофей Евсеевич Евсеев.

Общество краеведения активно сотрудничало с музеем, участвуя в исследовательских программах и экспедициях. Первая этнографическая экспедиция в составе Т. Е. Евсеева, В. М. Васильева и Ф. Е. Егорова была организована в 1925 г. 1 октября 1926 г. областной отдел народного образования направил В. М. Васильева, члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в музей научным сотрудником. В 1926–1927 г. Т. Е. Евсеев прошел стажировку в Финляндии, где углубил профессиональные знания в области музейного дела и полевой экспедиционной работы. Началось научное формирование фондов музея. Под руководством председателя общества краеведения (и одновременно за-

ведующего областным отделом народного образования) В. А. Мухина были разработаны мероприятия по созданию художественно-этнографического отдела музея. Эти же ученые выступили консультантами во время съемок АО «Востоккино» в 1928–1929 гг. «социально-этнографического» документального фильма «Марийцы» [17].

Немаловажно, что у ученых имелись сложившиеся еще до революции научные связи с Финно-угорским обществом при Академии наук Финляндии. Например, Т. Е. Евсеев с 1905 г., будучи молодым учителем, принимал участие в этнографических экспедициях по марийскому краю Ю. Вихмана и А. О. Хейкеля [23]. До революции ученый, собирая материал о культуре и быте своего народа самостоятельно, не имел возможности в полной мере популяризировать накопленный научный материал на родине, так как не было соответствующих научных учреждений. Даже после открытия музея в Краснококшайске он сталкивался с обывательским мнением: «Зачем нам в музей одежду и украшения, у нас на улице свой музей» [8, 4]. В связи с этим значительная часть собранного материала была отослана им в Финляндию [21]. В настоящее время в научных фондах Финно-угорского общества помимо рукописных документов Т. Е. Евсеева, в том числе фольклорных текстов на марийском языке, имеются и произведения изобразительного искусства (Е. Д. Атлашкиной, В. К. Тимофеева) [22].

1930-е гг. в истории музея были отмечены новым идеологическим поворотом. В январе 1930 г. 1-я Марийская областная конференция краеведов в своей резолюции отметила, что назрела необходимость «реорганизации Центрального музея краеведения, чтобы он отражал новое социалистическое строительство области, ее естественные богатства, экономику, не исключая в то же время экспозиций по истории и быту из прошлого мари». В последующем работа музея подверглась острой критике «за идеализацию марийской старины и за проявление узконационалистических тенденций» [8, 20–21].

В начале 1930-х гг. В. А. Мухин, ставший первым директором Марийского на-

учно-исследовательского института, получил выговор за «скатывание к троцкизму». Во время всесоюзной кампании по разгрому традиционного краеведения Т. Е. Евсеев и В. М. Васильев, причисленные к представителям «старого краеведения», обвинялись в том, что в музейной практике избегают показывать достижения социалистического строительства. Главное же обвинение, по которому они были высланы из республики на три года, состояло в «контрреволюционной деятельности в пользу Финляндии с целью отторжения МАО от СССР или создания Финно-угорской федерации под протекторатом Финляндии» [5, II]. В годы «большого террора» их уже объявили организаторами «марийской контрреволюционной буржуазно-националистической организации», «инспирированной фашистами Финляндии».

Однако в 1920-х гг. ученые успели сыграть решающую роль в культурной жизни края, в частности в становлении изобразительного искусства, сформировав систематический и тематический запрос на него. Для создания коллекции произведений художественно-этнографического отдела музея была внедрена практика заказов художественных работ на этнографические темы профессиональным художникам, установлены связи с АХРР¹¹. С 1925 г. по начало 1930-х гг. музеем была осуществлена «контрактация» художников П. А. Радимова из Москвы, Г. А. Медведева, В. К. Тимофеева, М. М. Васильевой из Казани. К работе были привлечены местные художники К. Ф. Егоров, Е. Д. Аглашкина, приехавший в 1926 г. в МАО на постоянное место жительства П. Г. Горбунцов.

От художников требовалась этнографическая документальность в отражении повседневной жизни марийского народа. В то же время организаторы и деятели культуры понимали самостоятельное значение художественного типа познания, при приемке произведений критерий художественности был не менее важен. В фотодокументаль-

ном фонде музея сохранились некоторые акты оценочно-приемных комиссий тех лет. Так, в акте от 6 апреля 1927 г. пишется, что «картины необходимо принять для музея лишь те, которые являются вполне законченными и представляют научно-этнографическое или историческое значение»¹².

По итогам «контрактации» 1926 г. общество краеведения выразило неудовлетворенность работами приезжих и признало «целесообразным» привлекать в будущем художников-марийцев, «лучше других знающих марийскую жизнь»¹³. Т. Е. Евсеев нашел замечательное решение возникшей проблемы: летом 1927 г. он включил казанского художника В. К. Тимофеева в состав собственной этнографической экспедиции по Моркинскому кантону МАО, чтобы ввести его во внутренний мир культуры мари. С точки зрения художественного осознания увиденного это принесло яркие плоды, задавало высокую планку местному искусству.

Таким образом, в процесс осмысления традиционной культуры мари средствами искусства изначально оказались вовлечены деятели, находившиеся по отношению к ней как «изнутри», так и «снаружи». У первых за плечами был глубокий опыт ее знания и понимания, у последних – многовековая традиция и художественный опыт русской реалистической школы, к которой уже были приобщены некоторые художники из числа мари.

В результате регулярного сотрудничества в музее образовалась блестящая коллекция художественных работ, которая создавала живой и многоплановый образ марийского народа, представленный в его повседневной жизнедеятельности с характерными этнокультурными особенностями.

В марте 1926 г. состоялась первая выставка картин по итогам экспедиций предыдущего года «работающих для Маробласти» П. А. Радимова и В. К. Тимофеева. Ее значение, по мнению организаторов, состояло в том, что это была «первая попытка выявить жизнь и быт Марийского народа»¹⁴.

¹¹ См.: Экономическая и краеведческая хроника. С. 198–205.

¹² Протокол заседания экспертной комиссии от 06.04.1927 // ФДФ НМ РМЭ. Л. 17. (Переписка о распределении и передаче музейных материалов за 1927 год. Мемориальный фонд коллекции Тимофеев Евсеева на 45 листах).

¹³ Экономическая и краеведческая хроника. С. 199

¹⁴ Там же.

В Краснококшайске по инициативе названных художников был организован филиал АХРР. В 1927 г. в столице МАО состоялась художественная выставка, посвященная 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Она включала уже 56 живописных работ 6 привлеченных художников [9, 9]. К концу 1927 г. в фондах музея насчитывалось более 100 картин, этюдов, эскизов и рисунков, отражавших «преимущественно разные стороны жизни и быта марийского народа и представляющих не только художественный, но также и историко-этнографический интерес»¹⁵.

В последующие два года Т. Е. Евсеев вел активные переговоры с различными учреждениями Народного комиссариата просвещения об издании альбомов или открыток марийских вышивок и репродукций художественных картин из фондов музея.

АХРР стала в те годы своего рода «аналогом профсоюза работников искусства» [16, 106], в чем усматривается немалая заслуга ее лидера А. В. Григорьева. Для художников из регионов АХХР, поддерживаемая правительством и руководством партии, нередко воспринималась как единственная действующая организация, от которой многое зависело в повседневной жизни. В АХРР обратился и Т. Е. Евсеев. Были достигнуты определенные договоренности с коммерческим отделом АХРР в Москве и типографией «Татполиграф» в Казани¹⁶. В Акте обследования деятельности Марийского областного краеведческого музея от 10 августа 1929 г. представителем национальной секции Центрального бюро краеведения П. В. Озеровым как особо ценные отмечаются подготовленные к печати два альбома рисунков и таблиц марийских вышивок и два альбома рисунков «Домашняя утварь мари» художника М. Ф. Хохлова с рекомендацией к их скорейшей публикации. Однако «след» идеи издания репродукций живописных работ из фондов музея теряется, была ли предпринята хоть какая-то попытка подготовки

таковых, неизвестно. 1928 г. был кризисным для АХРР: произошла реорганизация ассоциации, А. В. Григорьев покинул ее ряды. Возможно, тем, кто оказывал поддержку проекту, стало не до провинциальных инициатив. В 1931 г. был арестован и Т. Е. Евсеев, а по выходе из тюрьмы от руководства музеем отстранен.

Начиналась новая страница в истории музея, его коллекций, республики и страны. В годы репрессий изобразительному искусству, как и всей культурной жизни республики, был нанесен существенный урон, прервались связи с казанскими художниками.

Коллекция оказалась забыта на многие годы, не экспонировалась как целое с 1936 г., не издавалась в репродукциях. В годы репрессий и в военный период значительная часть связанных с ней документов была утрачена. О том, как музей взаимодействовал с художниками, можно судить по нескольким сохранившимся трудовым договорам от 1930 г. Художник обязывался написать определенное количество картин на заданные темы («Сплав леса», «Труд марийской женщины по вышивке», «Этюды из быта мари» и т. п.). Оплата подразумевалась по мере написания картин и оценки их «музейно-расценочной» комиссией, авансом выдавалась некоторая сумма (как правило, 250 руб.) «для поездок и собирания материалов»¹⁷. Это все, что известно о программах экспедиций художников на сегодняшний день.

Этнографический реализм как метод национально-этнического изобразительного искусства

Привлеченные художники были активными членами Татарского отделения Ассоциации художников революционной России, практически все, кроме П. Т. Горбунцова и Е. Д. Атлашкиной, имели отношение к Казанской художественной школе и Казанскому высшему художественно-техническому институту. Более

¹⁵ Экономическая и краеведческая хроника. С. 204.

¹⁶ См.: Доклад зав. Областным музеем Т. Евсеева о поездке в г. Москву для выяснения и проведения в жизнь ряда вопросов музейной работы // ГА РМЭ. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–48. (Годовые отчеты о работе Марийского республиканского краеведческого музея за 1926–1930 гг. на 98 листах).

¹⁷ Трудовые договоры с художниками 1930 г. // ФДФ НМ РМЭ. Л. 11–16. (История Марийского краеведческого музея. КП 5397/1-92).

Рис. 1. В. К. Тимофеев. Жатва (1927 г.)

Fig. 1. V. K. Timofeev. Harvest (1927)

того, П. А. Радимов, как уже упоминалось, был соратником А. В. Григорьева в работе по организации АХРР в 1922 г. в Москве.

Творческая программа «ахрровцев», несмотря на провозглашенную задачу «художественно-документально запечатлеть величайший момент истории в его революционном порыве», все же была ориентирована на «действительную картину событий, а не абстрактные измышления», на фиксацию быта «рабочих, крестьянства, деятелей революции и героев труда» [16, 92]. Устремления «героического реализма» АХРР, отличаясь идеологической трактовкой, тем не менее соответствовали интересам марийских ученых-исследователей. Призывы к правдивому, прямому и понятному отображению жизни как нельзя лучше совпадали с задачами ученых-этнографов. Родившийся для характеристики этнически акцентированных тенденций в русской [14], коми [7, 30] и других литературах термин «этнографический реализм» будет здесь более чем уместным.

В регионах в составе АХРР оказалось немало национальных художников, по-разному понимавших задачи этой художественной группировки. Объединением была продолжена заложенная еще в XIX в. традиция поездок по стране в поисках тем

и впечатлений для создания произведений. Художники, обратившиеся к этнографическим темам, трактовали их в широком идейно-эмоциональном спектре: от сочувственно-жалостливого взгляда в духе критического реализма XIX в. (П. А. Радимов «Бабушка и внучек», 1927; П. Т. Горбунцов «Раздумье», 1920–1930-е) до выявления нового типа национального героя – строителя социализма (П. Т. Горбунцов «Заседание сельсовета», 1929; В. К. Тимофеев «Портрет Бирюкова Н. И., пролетарского поэта», «Комсомолка-мари», 1927).

Квинтэссенцией этнографического подхода стали работы, где художникам удалось проникнуться смыслами традиционной культуры. Так, картина В. К. Тимофеева «Жатва» (рис. 1) репрезентирует суть традиционного образа жизни и включает основные сакральные ландшафтные образы, культурные архетипы: поле, священную рощу и священную гору Карман-курък на горизонте. Жатва выступает символом повседневной жизни народа, прежде всего сельскохозяйственного: композиционный центр занимает изображение мужчины на коленях, симметрично расположены женщины, справа налево демонстрируются этапы уборки урожая.

Рис. 2. В. К. Тимофеев. Марийка со снопом поскони (1927 г.)

Fig. 2. V. K. Timofeev. A Mari woman with a sheaf of poskon (hemp stalk) (1927)

Рис. 3. П. А. Радимов. Марнец (1918 г.)

Fig. 3. P. A. Radimov. A Mari man (1918)

До начала модернизации 1930-х гг. образ крестьянского труда и быта в изобразительном искусстве края был самоценен в своем патриархальном виде, для музейфикации он важен именно благодаря этнографичности. Этот труд спокоен, размерен, извечен. Концепт сельского труда как «битвы за урожай» придет в марийское искусство только в послевоенное время. Разнообразие хозяйственных занятий марийцев оказалось запечатленным в произведениях той эпохи в полной мере.

Женское начало марийской культуры сливается в собирательный образ труженицы. Знаковое произведение принадлежит В. К. Тимофееву. Его «Марийка со снопом поскони» (рис. 2) отражает роль и статус женщины в традиционной культуре. Выращивание льна является сакрально значимым занятием в кругу хозяйственных женских занятий, связано с началом мифологического творения мира. Героине картины удалось получить на личной делянке хороший урожай льна, ее гордая осанка

выражает нравственное достоинство, что в полной мере соответствует женскому идеалу, персонафицированному в образе Небесной Девы Юмынудыр.

Мужчина в произведениях исследуемого периода выступает воплощением мудрости, самодостаточности (рис. 3). Картина основоположника марийского изобразительного искусства К. Ф. Егорова «Старик» (1920-е гг.) репрезентирует архетип полуслеплого старца-мудреца, хранителя древнего знания. В продолжение передвижнической традиции выявления народных характеров художники в экспедициях фиксируют национальные типы (В. К. Тимофеев «Народный музыкант», 1926; П. Т. Горбунцов «Тип клепошника из Морков», «Тип марийца-мочальника», 1927).

Появляется на полотнах и культурный герой новой эпохи (рис. 4). В этнографическом ключе он предстает как национальный просветитель и деятель культуры (В. К. Тимофеев «Гуслияр Терентьев П. Т.», 1927, «Портрет пролетарского поэта Бирюкова», 1927).

Новый жанр индустриального пейзажа, изобретенный художниками АХРР в период начавшихся экономических преобразований в стране, на этнографическом материале интересен тем, что показывает трансформацию традиционного культурного пространства и стилистически уже тяготеет к социалистическому реализму (рис. 5).

Этнографический реализм 1920–1930-х гг. как форма этнокультурной рефлексии решал познавательную задачу визуального самоописания. Поскольку традиционная культура мари не имела пластической образности в формах видимого мира, требовалось создать наглядный образ своей культуры, как бы увидеть со стороны, предъявить его. Традиционный образ был выражен условным, знаковым языком, о профанном говорилось языком сакрального. В новых парадигмальных условиях необходимо было увидеть собственный профанный образ в профанном мире. Поэтому так тщательно фиксировались типы, типические ситуации и занятия, из которых выстраивался ценностно-значимый мир культурно-архетипических образов.

Культурная политика большевиков привела к тематическим ограничениям само-

Рис. 4. К. Ф. Егоров. Мужской портрет. М. Г. Орлов (1929 г.)

Fig. 4. K. F. Egorov. Portrait of a man. M. G. Orlov (1929)

описания – запрету на религиозные темы. В связи с этим тема праздников, которые в контексте традиционной культуры имели религиозное содержание, в произведениях коллекции отсутствует. Интересно, что получивший распространение уже в

Рис. 5. В. К. Тимофеев. Проводка радио в д. Кокшамары (1936 г.)

Fig. 5. V. K. Timofeev. Radio posting in the village of Kokshamary (1936)

1920-е гг. новый советский праздник Пеледыш пайрем, призванный вытеснить наиболее почитаемые общенародные праздники Семьк, Кугече, Сүрем [20, 461] и в 1925 г. проведенный даже на территории священной рощи, в произведениях этого времени не запечатлен.

Однозначное табу на художественное осмысление духовной культуры народа ведет к трагедии творческой личности. Ярчайший пример этого – биография К. Ф. Егорова, создавшего ряд произведений на тему праздника. Еще в 1926 г. музеем были приобретены шесть его больших картин, в том числе «Моление», «Совет старейшин на кургане», «Ага пайрем»¹⁸. В 1930-е гг. под влиянием идеологической критики художник больше внимания стал уделять революционной и социалистической тематике. Как пишет В. Г. Кудрявцев, К. Ф. Егоров «прошел сложную эволюцию от последовательной приверженности модели национальной самобытности... до активного участника в реализации интернационалистической программы» [3, 107], но это не уберегло его от расправы. Наследие первого марийского художника после его расстрела в 1937 г. в основном было уничтожено.

Картина жизни народа, совокупный образ культуры, сложившийся в результате тщательной фиксации в рамках этнографического реализма, оказался неполным, хотя быт, повседневность, характеры представлены многосторонне, ярко. К. Ф. Егоров, В. К. Тимофеев, П. А. Радимов дали точные психологические характеристики субъектов этнокультурного пространства.

Таким образом, начальным этапом развития профессионального марийского изобразительного искусства как национально-этнического феномена необходимо считать период от создания Марийской автономной области в 1920 г. до изменения ее статуса на Марийскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР в 1936 г., когда началась индустриализация края, сопровождавшаяся «ликвидацией культурного неравенства» народов России.

Институционализация изобразительного искусства мари на фоне развития других видов искусства отставала. Его развитие было стимулировано Марийским областным обществом краеведения и Центральным марийским музеем в лице В. А. Мухина (Сави), В. М. Васильева, Т. Е. Евсеева, введших практику ежегодной «контрактации» художников для написания произведений на тему быта народа мари. Их научно-просветительские интересы, соединившись с документалистски ориентированной программой Ассоциации художников революционной России, способствовали складыванию такой стилистической формы, как этнографический реализм, который стал первой художественной формой этнокультурной рефлексии средствами изобразительного искусства. Он решал задачу наглядного визуального самоописания, а потому специфика репрезентации архетипики как совокупности ценностных констант этнокультуры мари состоит в том, что она представлена этнографической предметностью, в которой духовный смысл узнается, вычитывается из профанных форм.

¹⁸ Акт от 9 сентября 1937 г. // ГА РМЭ. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 13. Л. 26–27. (Марийский республиканский краеведческий музей. Премно-сдаточные акты имущества при смене директоров. 1937 г. на 35 листах).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большова Н. А., Колчева Э. М. Структура этнокультурного пространства в художественно-этнографических работах 20–30-х гг. XX в. из фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 4. С. 174–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20330278> (дата обращения: 11.06.2021).
2. Колчева Э. М. Модель этнокультурного пространства и система его архетипов в контексте изучения национального изобра-

- зительного искусства // Вопросы культурологии. 2015. № 12. С. 48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25644999> (дата обращения: 11.06.2021).
3. Кудрявцев В. Г. Фольклор финно-угорских народов Приволжья и Приуралья в графике XX века. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2010. 255 с.
 4. Кудрявцев В. Г. Художественная культура марийского народа: народное творчество, деревянное зодчество, изобразительное искусство. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2017. 256 с.
 5. Кузьмин Е. П. Особенности становления и развития музеев Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Музейный вестник: ежегод. сб. Йошкар-Ола, 2016. Вып. 10. С. 9–10.
 6. Кутасова В. Е. Этнокультурное пространство – Кокшамары в художественно-этнографических работах в фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Е. Евсеева // Марийский архивный ежегодник: науч.-метод. сб. Йошкар-Ола, 2010. С. 142–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21414424&selid=35473697> (дата обращения: 11.06.2021).
 7. Лимерова В. А., Литовская М. А. Историко-революционный роман в коми литературе 1930–1950-х гг. как результат компромисса // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 23–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22457205> (дата обращения: 11.06.2021).
 8. Марийский научно-краеведческий музей. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 48 с.
 9. Прокушев Г. И. Художники Марийской АССР. Л.: Художник РСФСР, 1982. 180 с.
 10. Сануков К. Н. Марийская автономия: к 90-летию образования Марийской автономной области. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. 175 с.
 11. Сануков К. Н. Наши земляки: пути и судьбы. Йошкар-Ола: Мари Книга, 2011. 340 с.
 12. Сануков К. Н. Судьба художника: [О А. В. Григорьеве]. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2011. 160 с.
 13. Свечников С. К., Требушкова О. А. История Марийского края в живописных полотнах (на примере исторической экспозиции Национального музея им. Т. Евсеева) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 4. С. 63–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25843294> (дата обращения: 11.06.2021).
 14. Соколова В. Ф. Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 261–269. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29457969> (дата обращения: 11.06.2021).
 15. Соловьева Г. И. К характеристике национального и интернационального в живописи Марийской АССР // Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. Йошкар-Ола, 1984. С. 79–115.
 16. Степанян Н. С. Искусство России XX века: Взгляд из 90-х. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с.
 17. Титова Т. А., Вятчина М. В. «Социально-этнографический фильм» в контексте советского кинопроизводства: анализ фильма «Марийцы» (1928 г.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 2. С. 163–175.
 18. Товаров-Кошкин Б. Ф. Художники Марийской АССР. Л.: Художник РСФСР, 1963. 63 с.
 19. Товаров-Кошкин Б. Ф., Червонная С. М. Художники Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. 88 с.
 20. Шкалина Г. Е. Марийский праздник Пеледыш пайрем: перекресток духовных традиций // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 457–467. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.457-467.
 21. Jevsevjev T. Tseremission rakennukset: Ethnographica Jevsevjeviana / toim. I. Lehtinen. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2002. 264 s.
 22. Lehtinen I. Timofej Jevsevjev's ethnographische Sammlungen über die Tschheremissen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985. 138 S.
 23. Museomiehen päiväkirjasta: A. O. Heikelin lehtikirjoituksia / toim. I. Lehtinen. Helsinki: Museovirasto, 1989. 56 s.

Поступила 13.06.2021; одобрена 30.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Э. М. Колчева – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения Казанского государственного института культуры, elvirkank@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

100 years of the Mari fine arts: ethnographic realism (1920–1930)

Elvira M. Kolcheva
Kazan State Institute of Culture,
Kazan, Russia

Introduction. The article is the first in a series of publications dedicated to the 100th anniversary of the Mari autonomy and the fact of the emergence of professional visual arts among the Mari people. The author regards it as a systemic element of national-ethnic culture, which performed the function of ethno-cultural reflection by artistic means throughout the entire century, in which four major stages and corresponding stylistic forms can be traced. The article describes the initial stage of the Mari fine arts of the 1920s – 1930s.

Materials and Methods. The main material was the collection of art and ethnographic works of the 1920s–1930 found in the funds of the National Museum of the Republic of Mari El. The author used various methods: historical research, art history analysis of works of art, as well as the author's own method of structural and archetypal analysis.

Results and Discussion. The first art institutions appeared in the mountainous Mari region at the turn of the 1910–1920 thanks to the artist A.V. Grigoriev, who together with his associates later founded the Association of Artists of Revolutionary Russia in Moscow. The systematic institutionalization of the Mari fine arts began in the second half of the 1920, which was facilitated by the activities of the Mari Regional Society of Local History and the Central Mari Museum in the town of Krasnokokshaisk. The founders of the Mari fine arts were the invited artists from Kazan, namely P. A. Radimov, G. A. Medvedev, V. K. Timofeev, M. M. Vasilyeva, the first Mari artists K. F. Egorov and E. D. Atlashkina, and P. G. Gorbuntsov. With the beginning of the “Great Terror” period, the first stage of the Mari art was interrupted, and socialist realism replaced ethnographic realism.

Conclusion. The development of the fine art of the Mari at the initial stage was stimulated by the Mari Regional Society of Local History and the Central Mari Museum represented by V. A. Mukhin (Savi), V. M. Vasiliev, T. E. Evseev. Their educational interests, combined with the documentary-oriented program of the Association of Artists of Revolutionary Russia, contributed to the formation of such a stylistic form as ethnographic realism, which became the first artistic form of ethnocultural reflection by the means of fine arts.

Keywords: Mari fine art of the 1920s-1930s, ethnographic realism, T. Evseev National Museum of the Republic of Mari El

For citation: Kolcheva EM. 100 years of the Mari fine arts: ethnographic realism (1920–1930). *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13;3:293–307. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.293-307.

REFERENCES

1. Bol'shova NA, Kolcheva EM. The structure of ethnic-cultural space in ethnographic art works of the 1920s-30s from the collections of the T. Yevseyev national museum of the Mari El Republic. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. 2013;4:174–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20330278> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
2. Kolcheva EM. The model of the ethno-cultural space and the system of its archetypes in the context of the study of national fine arts. *Voprosy kul'turologii = Cultural issues*. 2015;12:48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25644999> (accessed 11.10.2021). (In Russ.)
3. Kudryavtsev VG. Folklore of the Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals in the schedule of the XX century. Yoshkar-Ola; 2010. (In Russ.)
4. Kudrjavcev VG. Artistic culture of the Mari people: folk art, wooden architecture, fine art. Yoshkar-Ola; 2017. (In Russ.)
5. Kuz'min EP. Features of the formation and development of Museums in the Middle Volga Region in the 1920s. *Muzeinyi vestnik: ezhegod. sb. = Museum Gazette. Annual collection*. Yoshkar-Ola, 2016; 10: 9–10. (In Russ.)
6. Kutasova VE. Ethnocultural space – Kokshamars in artistic and ethnographic works in the funds of the National Mu-

- seum of the Republic of Mari El named after T. E. Evseev. *Mariiskii arkhivnyi ezhegodnik: nauch.-metod. sb.* = Mari archival yearbook. Scientific and methodological collection. Yoshkar-Ola; 2010:142–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21414424&selid=35473697> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
7. Limerova VA, Litovskaya MA. Historical and revolutionary Novel in the Komi literature of the 1930s–1950s as a result of compromise. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Bulletin. 2014;3:23–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22457205> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 8. Mari Museum of Local Lore. Yoshkar-Ola; 1990. (In Russ.)
 9. Prokushev GI. Artists of the Mari ASSR. Leningrad; 1982. (In Russ.)
 10. Sanukov KN. Mari Autonomy: to the 90th anniversary of the formation of the Mari Autonomous Region. Yoshkar-Ola; 2010. (In Russ.)
 11. Sanukov KN. Our countrymen. Ways and destinies. Yoshkar-Ola; 2011. (In Russ.)
 12. Sanukov KN. The fate of the artist: [About A. V. Grigoriev]. Yoshkar-Ola; 2011. (In Russ.)
 13. Svechnikov SK, Trebushkova OA. The history of the Mari Region in paintings (on the example of the historical exposition of the National Museum named after T. Evseev). *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki* = Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2015;4:63–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25843294> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 14. Sokolova VF. Ethnographic direction in the Russian literature of the XIX century. *Kul'tura i tsivilizatsiia* = Culture and civilization. 2017;7;1A:261–269. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29457969> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 15. Solov'eva GI. On the characteristics of the national and international in the painting of the Mari ASSR. *Mezhnatsional'nye svyazi mariiskogo fol'klora, literatury i iskusstva* = Interethnic ties of Mari folklore, literature and art. Yoshkar-Ola; 1984:79–115. (In Russ.)
 16. Stepanyan NS. Art of Russia of the XX century. A look from the 90's. Moscow; 1999. (In Russ.)
 17. Titova TA, Vyatchina MV. “Socio-ethnographic film” in the context of Soviet film production: an analysis of the film “Mari People” (1928). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2018;12;2:163–175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35329012> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 18. Tovarov-Koshkin BF. Artists of the Mari ASSR. Leningrad; 1963. (In Russ.)
 19. Tovarov-Koshkin BF, Chervonnaja SM. Artists of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola; 1978. (In Russ.)
 20. Shkalina GE. Mari holiday of Peledysh Payrem: crossroads of spiritual traditions. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:457–467. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.457-467.
 21. Jevsevjev T. Tseremissien rakennukset: Ethnographica Jevsevjeviana / toim. I. Lehtinen. Helsinki; 2002.
 22. Lehtinen I. Timofej Jevsevjev's ethnographische Sammlungen über die Tseremissien. Helsinki; 1985.
 23. Museomiehen päiväkirjasta. A. O. Heikelin lehtikirjötuksia / toim. I. Lehtinen. Helsinki; 1989.

Submitted 13.06.2021; reviewing 30.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. M. Kolcheva – Candidate Sc. {Art History}, Associate Professor, Department of the Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

Семантика ткани как основы мордовской вышивки

Татьяна Алексеевна Шигурова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Семантика ткани традиционного костюма – одна из недостаточно разработанных тем в современных гуманитарных исследованиях. Между тем ткань может быть осмыслена в качестве летописи истории культуры. Будучи рукотворной формой и материалом, на котором возникла и развивалась вышивка, она использовалась в обычаях и обрядах многих народов, в том числе мордвы. В статье рассматривается семантика ткани традиционной мордовской одежды, декорированной вышивкой.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили вещевые музейные коллекции Республики Мордовия, данные письменных источников Русского географического общества, археологических разысканий мордовских древностей. Методологическую основу составили сравнительно-исторический, структурно-семиотический и феноменологический подходы к материалу.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ семантики ткани, декорированной вышивкой, и условий, в которых эта семантика формировалась, позволяет выявить замысел мастера – творца этнокультуры. Определены разнообразные утилитарные, магические функции, выполняемые холщовой (из конопля) и льняной тканью традиционной мордовской одежды в культуре народа, экономические, нравственные смыслы ткани, используемые в устном народном творчестве. Важнейшим материалом, пришедшим на смену коже и меху в изготовлении одежды и изменившим облик носителя костюма, у мордвы была шерстяная ткань, значение которой зафиксировано в содержании многих понятий в мокшанском и эрзянском языках, в народных представлениях о шерсти как источнике магических свойств.

Заключение. Семантика ткани традиционного мордовского костюма отражает представления человека о суровых природных условиях, реальном мире и необходимости его освоения в процессе созидательной творческой деятельности в соответствии с законами традиционного мировосприятия. Актуальна и передаваемая тканью знаковая информация о трудолюбии, аккуратности, нравственных качествах человека, которая могла быть средством регулирования норм поведения в обществе.

Ключевые слова: мордовский народ, этническая культура, творческая деятельность, традиция, ценности этнокультуры, традиционный костюм, материал, семантика ткани, вышивка

Для цитирования: Шигурова Т. А. Семантика ткани как основы мордовской вышивки // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 308–320. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.308-320.

Введение

С конца XVIII в. стали появляться отзывы о мордовской вышивке, подтверждающие высокое качество ее исполнения, безупречность вкуса мастериц, гармонию цветовых сочетаний и орнаментальных композиций. В настоящее время вышивка является популярным приемом декорирования ткани одежды и бытовых изделий. Кроме того, она заслуженно становится брендом, востребованным не только как продукт на внутреннем и внешнем рынках, но и как носитель эстетических и моральных ценностей. В государственных символах Республики Мордовия орнамент вышивки и традиционное украшение

гривна использованы «в качестве этнокультурных маркеров» [17, 98]. Возрастание интереса людей к прошлому своей семьи, родины, к этнической идентификации обуславливает актуальность и необходимость осмысления причин современных социальных процессов и проведения дальнейших исследований в сфере истории, этнографии, культурологии.

Цель статьи – рассмотреть семантику ткани традиционной мордовской одежды, декорированной вышивкой, и условий, в которых эта семантика формировалась. Новизна работы определяется недостаточной степенью изученности основы, на

которой выполнялась вышивка, а также введением в научный оборот не опубликованных ранее архивных и археологических материалов по истории культуры и искусства мордовского народа.

Обзор литературы

Представители передовой научной интеллигенции России, ведущие финно-угроведы, высоко ценившие красоту традиционного мордовского женского костюма, предпринимали попытки систематизации его локальных вариантов, мест распространения тех или иных особенностей традиционной одежды на территории проживания мордвы. Первым уделил внимание орнаментации бытовых предметов, перечислил наиболее важные особенности мордовской вышивки А. О. Гейкель в работе «Одежда и вышивка мордвы». Большую ценность представляет иллюстративный материал его книги, зафиксированный возможными на тот момент техническими средствами, а также выявленные им специфические черты вышивки: «...мордвы известны не только все те способы шитья, которые встречаются у финляндских карелов, но и многие другие, неизвестные последним»¹. Однако сам материал костюма подробно им не рассматривался.

Н. И. Спрыгина по результатам экспедиции в мордовские селения Пензенской губернии представила этнографически полное описание женского костюма мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов, а также мордвы-эрзи Городищенского уезда Пензенской губернии. Ею были тщательно рассмотрены локальные варианты традиционной одежды и названы виды тканей, из которых женщины создавали повседневную, праздничную, верхнюю зимнюю одежду, головные уборы и другие элементы; особенно ценна информация об изменениях в вышивке, происходивших в начале XX в. [13, 18–19].

Исключительная наблюдательность и внимание к этнографическим особенностям мордовского костюма характерны

также для работы Н. И. Гаген-Торн. Исследователь показывает разнообразие тканей, используемых в создании женского головного убора «златной» мордвой Спасского уезда Пензенской губернии: «Твердая холщовая основа обтянута сверху шелковой материей темно-красного цвета. К лобной части пришита парчовая, шитая золотом, полоса – покупной, монастырской работы, – “златной-коня”» [2, 186].

В. Н. Куклин в статье «Приемы обработки и изготовления изделий из шерсти мордвой в XIX – начале XX в.» первым наиболее полно рассмотрел способы обработки шерсти и получения из нее пряжи, ткани, войлока, а также обратил внимание на использование изделий из шерсти в обрядовой сфере. Автор привел сравнительные данные, касающиеся производства шерстяных изделий другими народами Среднего Поволжья и Приуралья [7, 227–242]. Этот аспект очень интересен с точки зрения прослеживаемого этнографами сходства орудий и приемов, используемых мордвой «при обработке растительных волокон и шерсти, близких к орудиям и приемам соседних народов Среднего Поволжья», а также южных великорусов, башкир, молдаван, крымских татар, народов Кавказа [1, 27]. Отметим, что исследования У. Т. Сирелиуса, Б. Сентенса и Дж. Гиллоу свидетельствуют о широком распространении архаичных форм ткачества у народов мира [20, 98–99; 21, 118].

В 1968 г. была опубликована первая обобщающая работа о мордовском народном изобразительном искусстве Т. А. Крюковой, в которой значительное место уделено вышивке как наиболее характерному его виду, показано разнообразие орнаментальных элементов, технологических приемов².

Следующий шаг был сделан В. Н. Белицер, обобщившей и проанализировавшей в монографии «Народная одежда мордвы» все известные ей литературные, музейные источники и материалы Мордовской этнографической экспедиции, проходившей в 1953–1969 гг. в Мордовской АССР и дру-

¹ См.: Heikel A. O. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899. S. 125.

² См.: Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву. Саранск, 1969.

гих районах расселения мордвы. В центре внимания автора оказалась технология изготовления традиционной одежды. В главе «Изготовление тканей для одежды» рассмотрены вопросы распространения домашнего ткачества у мордвы, первичной обработки шерсти, прядения шерсти, подготовки ниток к тканью. Приведены краткие сведения о ткани сукна, изготовлении тесьмы для обшивки подола и рукавов женской рубахи, способе тканья поясов и тесьмы на дощечках – *досканят*, плетении тесьмы и шнуров на пальцах руки без использования инструментов [1, 12–26].

Музеями, научно-исследовательскими учреждениями МАССР регулярно проводились сбор и накопление музейных коллекций, полевых материалов о мордовской вышивке. Неслучайно следующая работа о вышивке создана В. Н. Мартяновым, этнографом и археологом, много лет проработавшим в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, использовавшим коллекции мордовской одежды НИИ, Мордовского республиканского краеведческого музея, полевые материалы, аннотации иллюстративного материала для поиска отражения сложной этнической истории народа в декоративно-прикладном искусстве мордвы. Проанализировав орнаментальные мотивы, композицию, технику вышивки как исторический источник, автор пришел к выводу «о едином покрое натальной рубахи в 1 тыс. нашей эры у древней мордвы, проживавшей в пределах Волжско-Окско-Сурского междуречья» [9, 62]. Материал для изготовления одежды он специально не рассматривал, указав лишь на преобладание ткани из шерсти у населения, оставившего Армиевский могильник (5–7 вв.), и на холст как основу мордовской вышивки XIX–XX вв.

Краткий обзор научных источников показывает недостаточную степень изученности материала традиционного мордовского костюма. Между тем границы научного анализа декоративно-прикладного искусства в настоящее время суще-

ственно расширились, наметились разные подходы к определению места традиционной культуры и искусства в современном мире, среди которых выделяются культурно-исторический и аксиологический. Знания о традиционной народной художественной культуре, накопленные в мифологии, этнографии, фольклористике, искусствоведении, стали исключительно востребованными [16, 54].

Материалы и методы

В исследовании применяются сравнительно-исторический, структурно-семиотический и феноменологический подходы, теоретическую базу которых составляют труды Г. С. Масловой, Р. В. Захаржевской, М. Хайдеггера. Практическое использование методологии можно проследить в монографиях автора «Свадебная одежда мордвы» (2010), «Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы» (2012), «Костюм мордовского народа в обычаях и обрядах» (2020). Структурно-семиотический подход позволяет анализировать язык ткани через познание технологических принципов ее создания. Сравнительно-исторический подход способствует выявлению общих черт в процессах витья, плетения, ткачества, в функционировании костюма в обычаях и обрядах народов Среднего Поволжья. Феноменологический подход дает возможность дополнить систему интерпретации содержания, транслируемого тканью как элементом сложной знаковой системы костюма, одним из способов видения картины мира.

Материалом для статьи послужили письменные источники Русского географического общества, артефакты археологических памятников Окско-Сурского междуречья, традиционный мордовский костюм и фотографии из фондов Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина, а также богатое духовное наследие, сохранившееся в собрании мордовского фольклора «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»³. Ценным ис-

³ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1972. Т. 7, ч. 1.

точником информации явились Этимологический словарь Д. В. Цыганкина и М. В. Мосина⁴ и Эрзянско-русский словарь⁵, где зафиксированы многие лингвистические понятия и народные представления об одежде и материале, из которого она изготовлена.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование вопросов о культурной самобытности мордовского народа, и в частности о специфике мордовской вышивки, ее ценностной составляющей, предполагает осмысление особенностей реальной формы, т. е. материала, на который наносилась вышивка. В русле высказывания О. Шпенглера «Все, что вообще стало, все, что проявляется, есть символ, есть выражение души» [19, 308] весьма перспективным представляется познание не только истоков семантики ткани, декорированной вышивкой, но и замысла автора, труженика и творца этнокультуры. По мнению крупнейшего специалиста по истории костюма Р. В. Захаржевской, «ткань можно рассматривать как летопись истории культуры...» [5, 35].

Прядение, ткачество, вышивание были непосредственными повседневными обязанностями женщины (рис. 1–4). Кроме того, женщиной выполнялись и стрижка овец, чистка, сортировка шерсти. Непрерывный, из года в год повторяющийся цикл творческой деятельности объяснялся пониманием его важности.

Очевидно, что материал является основой для создания традиционной мордовской одежды и ее последующего декорирования. Производство ткани для одежды начинается с получения нити «путем скручивания между собой волокон» [15, 7]. В мордовской культуре зафиксирована лексическая близость понятий инструмента создания нити, т. е. пальца (*сур*), и результата деятельности работы пальцев руки, которым выступает нить (*суре*). Слово *суре/суре* (м., э. ‘нить, нитка’) являет-

ся древним по происхождению, восходит к уральскому праязыку и имеет соответствия в финно-угорских и самодийских языках: фин. *saa* ‘нить, пряжа веревки’; мар. *шурто* ‘нить, нитка’; коми *шорт* ‘пряжа (нить, пряжа)’; удм. *шорт* ‘пряжа (нить, пряжа)’; нен. *сюр* ‘вращение’⁶. Для сравнения можно привести близкие по смыслу соответствия в других языках: рус. *струна*; лит. *siūlas, sriegis* ‘нитька’; башк. *сигеу* ‘вышивать’; англ. *string/strand* ‘струна, шнур/нить, нить’; чув. *мепе* ‘узор’.

Начиная с неолита человек использовал процессы витья, плетения и ткачества в своей хозяйственной деятельности. Археологические памятники мордовского края той эпохи сохранили керамику с оттиском перевитой веревочки в качестве декора. С этого времени нить как первичный результат созидательного процесса, несомненно выполняя практическую и эстетическую функции, становится средством создания знака, передающего важную информацию о картине мира древних племен. Керамика с оттисками нити (веревочки) или ее имитацией (псевдорогожный, текстильный, или сетчатый, орнамент) официально признана научным сообществом в археологии знаком городецких древностей, предшествующих древнемордовской культуре.

Прослеживается связь мордовских слов, служащих для обозначения процессов вязания и плетения, с аналогами из других финно-угорских языков: м., э. *понамс* ‘вить, заплести’, фин. *ripoa* ‘вить, скручивать’, мар. *пунаш* ‘вить, плести’⁷.

Древнейшим сырьем для изготовления нити и создания ткани являлось натуральное волокно, в частности шерстяная пряжа. Исследователи Степановского могильника эпохи Средневековья подтверждают «факт повсеместного разведения мелкого рогатого скота, который давал жителям не только мясо, но и шерсть, шкуры для одежды» [11, 88].

Разнообразие сохранившихся инструментов созидательной деятельности женщины в памятниках Окско-Сурского

⁴ См.: Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимология валк. Саранск, 2015.

⁵ См.: Эрзянско-русский словарь. М., 1993.

⁶ См.: Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Указ. соч. С. 173.

⁷ Там же. С. 151.

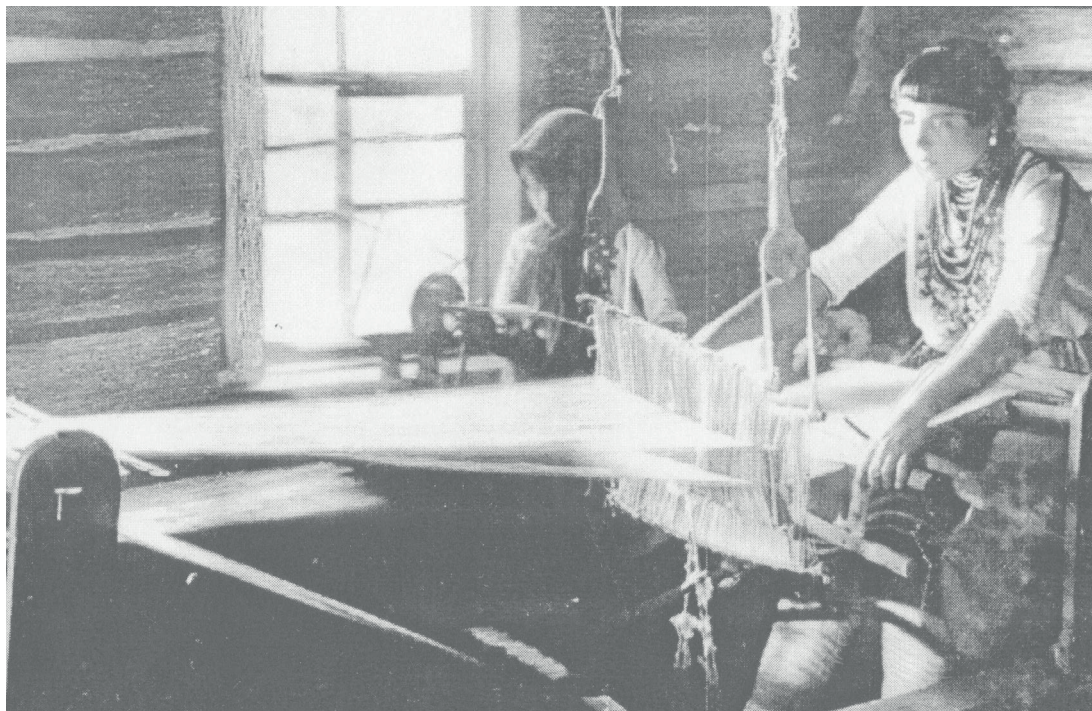

Рис. 1. Тканье холста. Мордва-эрзя. Пензенская губерния, Городищенский уезд. 1920-е гг.

Fig. 1. Canvas fabric. Erzya Mordovians. Penza province, Gorodishchensky district. 1920s

междуречья 1-го тыс. н. э. – глиняные и каменные грузила и пряслица особой формы, костяные иглы для шитья и плетения, как и лепная посуда, покрытая псевдорогожными и текстильными отпечатками, говорит о достаточно высоком уровне развития процессов плетения, прядения, шитья и ткачества, о бытовавших в тот период различных видах ткани (тонких и грубых), которые создавались, вероятно, на вертикальных станах [12, 16]. Как сообщает Л. В. Ефимова, шерстяные ткани составляли большинство обнаруженных в мордовских могильниках находок [4, 127]. Согласно описанию материалов Борковского (VI–VII вв.) и Кузьминского (VIII–IX вв.) могильников Рязанской губернии, «на 35 костяках найдены остатки шерстяной ткани, на 8 – шерстяные шнуры»⁸.

Преобладание тканей, изготовленных из шерстяной пряжи, подтверждают артефакты археологических памятников рубежа 1–2-го тыс. н. э.; население Окско-Сурского междуречья прекрасно владело разнообразными технологическими при-

емами тканья – простого и усложненно-го полотняного переплетения, а также использовало саржевое и ажурное переплетения. Обращает на себя внимание такая важная особенность ткани полотняного переплетения усложненного вида, как ковровая, или паласная, техника: подобные ткани с зернистой поверхностью впоследствии стали считаться «наиболее характерными для финно-угорских племен» [4, 128–129].

От понятия-термина *пона* ‘шерсть’ ведут происхождение слова *понамо* ‘плетение’, *понамс* ‘вить, плести’, *понань* ‘шерстяной’; слово *пона* имеет переносное значение ‘облик, внешность’⁹.

Можно предположить, что шерсть у предков мордовского народа являлась тем природным сырьем, которое человек преобразовывал в культурное изделие, формирующее, в свою очередь, новый образ носителя костюма (*понань оршамо* ‘шерстяная одежда’ → *панар* ‘рубашка’). Неудивительно, что процесс создания нити зафиксирован и часто упоминается в про-

⁸ Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941. С. 108.

⁹ См.: Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Указ. соч. С. 151.

Рис. 2. Женщины на завалинке. Мордва-эрзя Самарской губернии. 1914 г.

Fig. 2. Women on the block. Erzya Mordovians of the Samara province. 1914

изведениях устного народного творчества. По представлениям мордовского народа, боги покровительствовали пряхам, а богиня судьбы *Ведь-ава* раздавала людям нити, длина которых соответствовала продолжительности их земного существования и счастливой семейной жизни. Вплоть до XX в. в мордовской деревне верили в магическую силу нити, совершая с ее помощью обряд предохранения от мора, чумы: 11–12-летнюю девочку просили спрядать нить с целью ограждения деревни и спасения всех в ней проживающих. Народные представления отражают неизменность ценностей, формируемых в соответствии с семантическим развитием понятий: «движение» – «жизнь» – «магическая сила».

Свойства шерстяной ткани (теплозащитные, лечебные) были необходимы для адаптации человека в суровой климатической зоне. Известны факты использования изделий из шерсти или просто мотков шерстяной пряжи в семейных обычаях и обрядах мордовского народа XIX – начала XX в., что было обусловлено их магической и знаковой семантикой богатства,

плодородия, силы, здоровья [18, 63]. Когда женщина стала украшать ткань вышивкой, это дополнило семантику ткани особыми смыслами красоты и гармонии.

Благодаря многократному чередованию эмоциональных, визуальных, осязательных, звуковых, обонятельных сигналов происходили закрепление и передача информации, безмолвно транслируемой тканью, о ее способности помогать человеку приспосабливаться к суровым природным условиям. Артефакты конца I-го тыс. н. э. демонстрируют высокие технологические достижения материальной культуры мордовского народа. Исследования археологических памятников древней мордвы, в частности Второго Журавкинского могильника (VIII–XI вв.), свидетельствуют о преобладании шерстяных тканей, хотя встречались здесь также растительные волокна: лен и конопля, что было характерно для одежды всей Восточной Европы. Развитие мотыжного земледелия способствовало культивированию льна и конопли.

Близость наименований конопли в различных языках: м., э. *каньф*, *кансть*; мар. *кыне*, лит. *kanapes*; лат. *cannabis*; осет.

ган – отражает не только популярность и широкое распространение растения, но и заимствование названия из одного источника. М. Фасмер определил это слово как «странствующий термин восточного происхождения»¹⁰.

Ткань, использовавшаяся для создания традиционного мордовского костюма, должна была выполнять прежде всего практические функции, способствующие сохранению здоровья человека. Достоинством конопляного холста было не только то, что он позволял поддерживать необходимый для тела микроклимат, воздухообмен, задерживать ультрафиолетовое излучение, но и то, что он за счет хорошей драпируемости и устойчивости к деформации во время стирки мог быть прочным каркасом, сохраняющим форму даже при значительной физической работе крестьян. Внимания заслуживает и такая особенность фактуры холста, как грубоватость в плане воздействия на тело: «...рубашки наши были из холста, царапали тело» [3, 359]. Важнейший осязательный механизм воздействия на тело через физические ощущения (трение, колкость, жесткость) эксплицирует семантику надежной и прочной защиты организма, объективно выполняющей функции создаваемой человеком образности. Скрывая беззащитность природного естества, индивидуальные особенности человека, материал одежды соответствовал ценностным идеалам и требованиям народа, строгим морально-этическим принципам этнокультуры, общепринятым нормам жизни и передавал определенные смыслы, формируемые в культуре.

Таким образом, семантика ткани – рукотворного результата индивидуальной деятельности женщины – уже на стадии производства и практического использования обогащалась социально значимыми смыслами, которые наполняли пространство духовной культуры, представляя собой синтез знаний, ценностей и регулятивов народной культуры.

Неровная поверхность холста, усиливая колющие свойства одежды, служила идеальным фоном для дополнительного декора, например массивной эрзянской вышивки шерстяной нитью, которая становилась своего рода плотным и грубым каркасом, оберегом человека, позволяющим держать определенную дистанцию. Конопляная ткань использовалась эрзянскими женщинами для изготовления традиционной одежды вплоть до начала XX в. Известно, что в русских деревнях Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Тульской, Воронежской, Орловской губерний в середине XIX в. также бытовал конопляный холст. Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова считали это показателем «чуждого» компонента в составе русского населения [8, 218].

Во второй половине XIX в. некоторые элементы одежды мордовского населения стали шиться из льняного холста, как считают исследователи, под влиянием русских. Так, по сведениям Архива Императорского Русского географического общества за 1848 г., мордва-эрзя Ардатовского уезда Симбирской губернии носила белые рубахи из поскони (конопли). Русское население этой же местности в будни надевало рубахи посконные, но с рукавами «из самотканой разного цвета пестряди», а в праздники – льняные с ситцевыми рукавами¹¹. Постепенно с развитием межкультурной коммуникации, расширением контактов между народами Поволжья происходили изменения в материальной культуре мордвы. В конце XIX в. в с. Дюрки Паранеевской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии женщины шили распашную одежду «шушпан» и праздничную рубаху «из самого тонкого льняного холста» [6, 571].

В середине XIX в. мокшанки для шитья праздничных рубах использовали полульняное полотно. В письменных источниках сообщается о прядении мордовскими женщинами льна и о стремлении каждой хозяйки выткать за год не менее 40 м

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 312.

¹¹ См.: Рукописи трудов членов Русского географического общества и отдельные документы по Симбирской губернии. М. Парменионов. Сведения географические, статистические и этнографические, собранные Благодичным Симбирской губернии Ардатовского уезда села Низовки. 1848 г. // Архив Русского географического общества. Разряд 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

Рис. 3. Девушки-вышивальщицы. Пензенская губерния, Саранский уезд. Фото М. Е. Евсевьева

Fig. 3. Girls-embroiderers. Penza province, Saransk district. Photo by M. E. Evseviev

льняного холста наряду с таким же количеством посконного [10, 716].

Более тонкое полотно «требовало» использования для вышивания более тонкой нити, поэтому мокшанская вышивка становится легкой, ажурной. Изменение материала одежды сопровождалось сменой не только кроя рубашки, но и самой вышивки.

В материале одежды был запечатлен труд всей семьи: изготовление необходимых орудий труда, вспашка почвы для посева льна или конопли, их возделывание и уборка, первичная обработка растительных волокон, прядение и тканье. Кроме того, для изготовления элементов костюма использовались подаренные невесте родственниками отрезки холста, шить одежду перед свадьбой ей помогали подруги. Коллективный труд, опыт, знания, исполнение обрядовых примет и правил были направлены на сохранение традиции, или «коллективной памяти» о прошлом.

Стабильность существования мордовского общества проявлялась в сохранении традиции и функционировании в повседневной культуре основных элементов традиционной одежды, в том числе ткани. Пониманием степени сложности, важности,

длительности процессов создания ткани объясняется бережное отношение даже к изношенным вещам, предметам одежды – в мордовской деревне они никогда не выбрасывались, использовались в качестве материала максимально долго, сохраняя практическую функциональность.

Результаты деятельности людей философски осмысляются как звучание речи, сопровождаемое появлением фрагмента текста [14, 265]. Создаваемая в процессе трудовой деятельности семьи в течение всего года ткань непременно наполнялась семантикой «спрессованного» в ней времени, происходящих событий, переживаемых эмоций. Зернистый рельеф холста, словно экран, представлял на обозрение каждую нить, отражал информацию о работе ткачихи, о ее старательности и терпеливости, аккуратности и трудолюбии. Семантика ткани содержит сведения о важных и строго оцениваемых окружающими качествах человека, соответствующих ценностям этнокультуры. Неслучайно символика рукотворного холста со свойственным ей обилием этнокультурных, нравственных, экономических смыслов широко используется в фольклоре,

например при описании внешности невесты: *Ашо коцташкт – пильгинеть* «Белые скатки холста – ноги твои»¹².

Глубинные смыслы семантики ткани особенно ярко раскрывались в обрядовом фольклоре, сопровождавшем важнейшие, переходные этапы мордовской семьи (свадьба, рождение ребенка, похороны), в том числе в причитаниях¹³:

«Сколько ниток в основе холста,
Сколько утков нанизано,
Столько ответов он даст за тебя,
Столько слов в твою защиту выскажет!»

Археологические памятники мордвы второй половины 1-го тыс. н. э. сохранили образцы шелковой материи, что в комплексе с находками арабских монет свидетельствует о существовавших контактах с арабским Востоком через соседнее болгарское население. Согласно Д. В. Цыганкину, обозначение шелковой ткани *парсей* ‘парча, шелк’ говорит о связи с болгарским миром¹⁴. Шелковые ткани не были материалом, на который наносилась мордовская вышивка, местное население использовало их скорее для декорирования элементов костюма, например женского головного убора. Поскольку приобретение шелковой ткани могли позволить себе только состоятельные семьи, отсутствие такой возможности, несомненно, служило толчком к имитационной активности процессов декорирования элементов женского костюма вышивкой. Мастерство рукоделия проявилось в имитации вытканного узора шелковой ткани вышивкой шелковой нитью по холсту в мокшанском комплексе костюма, тонкой шерстью – в эрзянском.

В начале XX в. богатые мордовские крестьянки, имевшие возможность покупать на рынках хлопчатобумажные нити, шили праздничные рубашки из холста, вытканного пополам с ними. Тогда же шире стали использоваться фабричные хлопчатобумажные ткани, первоначально служившие знаком богатства, материальной обеспеченности человека. Символом престижности было и использование в украшении

элементов одежды кумача, постепенно заменявшего вышивку. Новое явление в материальной культуре закрепилось в языке посредством нового термина *кумац-руця*, обозначающего распашную одежду, украшенную аппликацией из кумача.

Изменения в материальной культуре постепенно затрагивают и духовные ценности народа, что подтверждается последующим отказом женщин от ручного труда в процессах изготовления и декорирования традиционного мордовского костюма. В конце XIX – начале XX в. стала широко применяться фабричная ткань (чаще всего бязь), ширина которой позволяла шить рубаху всего с двумя швами по бокам. Так, в ряде мокшанских сел из фабричной ткани женщины шили верхнюю одежду *кафтонь крда* ‘вдвое, вдвойне, в два раза’. В традиционном костюме мокшанок появилось платье *нула*, которое не планировалось украшать вышивкой. Термин «нула», являясь диалектным названием национального платья с кокеткой на груди и воланами по подолу, имеет еще одно значение с обобщенно-пренебрежительным оттенком ‘пеленка, тряпка’. Это обстоятельство актуализирует созданные традицией и «коллективной памятью» народа смыслы одежды, изготовленной из фабричной ткани¹⁵.

Семантика дешевой хлопчатобумажной ткани, ставшей доступной всем слоям населения, из которой можно было быстро сшить одежду на швейной машинке, объясняет отсутствие на ней вышивки. Традиционная рубаха из холста, которая выполняла теперь роль нательной нижней одежды и для окружающих стала невидима, вышивку сохранила, хотя ее количество постепенно сократилось до минимума.

Заключение

Исследование культуры мордовского народа показывает, что семантика ткани традиционного костюма включала в себя важную информацию о ее функциях, связанных с сохранением здоровья,

¹² Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1. С. 56.

¹³ Там же. С. 271.

¹⁴ См.: Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Указ. соч. С. 139.

¹⁵ См.: Эрзянско-русский словарь. С. 486.

жизни человека. По традиции изготовлению ткани уделялось много времени, физических и морально-нравственных усилий не только женщины, но и всей семьи. Эти затраты «окупались» использованием одежды в качестве второй кожи, не только защищающей тело человека, но и моделирующей его образ, являющейся социокультурным барьером-оберегом.

В древности наиболее распространенным материалом одежды у мордвы, пришедшим на смену коже и меху и изменившим облик носителя костюма, была шерсть (*пона*). Ее семантика нашла отражение в понятиях «внешность, облик» (*пона*), «процессы витья» (*понамс*), в названии основного элемента мордовской одежды – рубахи (*панар*). Многократное чередование эмоциональных, визуальных, звуковых, осязательных, обонятельных сигналов во время прядения и ткачества закрепляло передачу из поколения в поколение информации о семантике шерстяной ткани, способствующей приспособлению человека к реальным суровым условиям жизни. Появление вышивки шерстяной нитью дополнило ее визуаль-но-пластические, эстетические, магические, защитные свойства.

Холщовая ткань как результат коллективного и индивидуального труда, основа для создания традиционной мордовской одежды и ее последующего декорирования соответствовала требованиям этнокультуры. Семантика ткани включала богатый спектр понятий и смыслов, содержательно и количественно превосходивший объективное содержание вещи. В ней представлена разнообразная магическая, знаковая символика, стимулирующая трудолюбие, аккуратность, выносливость человека, регулирующая поведение общества.

Фабричная ткань во второй половине XIX в. имела для крестьян высокую стоимость и использовалась только для декорирования элементов костюма. В эрзянском комплексе одежды она часто заменяла собой вышивку. В начале XX в. с ростом доступности фабричная ткань стала основой создания повседневного костюма, причём

Рис. 4. Женский костюм. 1930-е гг. Мордва-мокша. Zubovo-Полянский район МАССР. Фото Н. Е. Ревизова¹⁶

Fig. 4. Female folk costume. 1930s. Moksha Mordovians. Zubovo-Polyansky district of the MASSR. Photo by N. E. Revizov¹⁶

эрзянское население первым отказалось от изготовления традиционного костюма, мокшанское же сохраняло традицию до середины XX в.

Изменения, связанные с изготовлением и использованием различных тканей традиционной одежды, отражают специфику культуры мордвы, в которой тесно взаимосвязаны и переплетены природные реалии и созидательная деятельность человека, традиции и ценности народа.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

англ. –	английский язык
башк. –	башкирский язык
лат. –	латинский язык
лит. –	литовский язык
м. –	мокшанский язык
мар. –	марийский язык
нен. –	ненецкий язык
осет. –	осетинский язык
рус. –	русский язык
удм. –	удмуртский язык
фин. –	финский язык
чув. –	чувашский язык
э. –	эрзянский язык

¹⁶ Мордовия. Народное искусство: альбом. Саранск, 1985.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 216 с.
2. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья: (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.
3. Ермушкин Г. И. Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968. Т. 5. С. 318–382.
4. Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников 1 тыс. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. М., 1966. Вып. 107. С. 127–134.
5. Захаржевская Р. В. История костюма: От античности до современности. 3-е изд., доп. М.: РИПОЛ классик, 2005. 288 с.
6. Иванцев С. Из быта мордвы-эрзи с. Дюрьки Паранеевской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1893. Т. 11, Вып. 6. С. 571–575.
7. Куклин В. Н. Приемы обработки и изготовления изделий из шерсти мордвой в XIX – начале XX в. // Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1968. Вып. 34. С. 227–242.
8. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: ист.-этногр. атлас. М., 1967. С. 193–267.
9. Мартыанов В. Н. Мордовская народная вышивка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 118 с.
10. Минх А. Н. Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда // Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 681–720.
11. Петербургский И. М., Аксенов В. Н. Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2008. 168 с.
12. Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городская культура. М.: Наука, 1965. 40 с. (Свод археологических источников; вып. Д-1-14).
13. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 г. Пенза: Тип. им. Воровского, 1928. 47 с. (Средне-Волжский Пензенский областной музей; вып. 3).
14. Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
15. Цветкова Н. Н. Искусство ручного ткачества. СПб.; М.: Изд-во СПбКО, 2014. 270 с.
16. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Исследования в области декоративно-прикладного искусства мордвы // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 6–8. С. 50–55.
17. Шигурова Т. А. Изучение мордовской вышивки в контексте этнокультуры // Интеграция образования. 2011. № 3. С. 98–102.
18. Шигурова Т. А. Костюм мордовского народа в обычаях и обрядах: моногр. М.: ИНФРА-М, 2020. 171 с.
19. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск: ВО Наука, 1993. 592 с.
20. Gillow J., Sentance B. World Textiles. A Visual Guide to Traditional Techniques. London: Thames and Hudson Limited, 2006. 240 p.
21. Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansatieteen tuloksia. Helsinki: Kustannusosa keyhtio Otava, 1921. Osa 2. 576 p.

Поступила 24.06.2021; одобрена 09.07.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. А. Шигурова – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

Fabric semantics as a basis of Mordovian embroidery

Tatyana A. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The semantics of the fabric of the traditional costume is one of the underdeveloped topics in modern humanitarian studies. Meanwhile, the fabric can be interpreted as a chronicle of the history of culture. Being a man-made and material on which embroidery arose and developed, it was used in the customs and rituals of many peoples, including the Mordovians. The article deals with the semantics of the fabric of traditional Mordovian clothing, decorated with embroidery.

Materials and Methods. The work investigates the museum collections of the Republic of Mordovia, the data from written sources of the Russian Geographical Society, archaeological research of Mordovian artefacts. The methodological basis is the comparative-historical, structural-semiotic and phenomenological approaches to the material.

Results and Discussion. The analysis of the semantics of the fabric, decorated with the embroidery, and the conditions in which it was formed, makes it possible to reveal the intention of the master, the creator of the ethnoculture. It defined the various utilitarian, magical functions performed by canvas (hemp) and linen fabrics of traditional Mordovian clothing in the culture of the people, the economic, moral meanings of the fabric used in oral folk art. The Mordovians had woolen fabric as the most important material that replaced leather and fur in the manufacture of clothing and changed the appearance of the person wearing the costume. Its importance was recorded in many concepts of the Mordovian language, in folk ideas about wool as a source of magical properties.

Conclusion. The semantics of the fabric of a traditional Mordovian costume reflects a person's ideas about harsh natural conditions, the real world and the need to master it through creative activity in accordance with the laws of the traditional worldview. Fabric is also capable of transferring updated and relevant symbolic information about diligence, accuracy, moral qualities of a person, which could also be a means of regulating norms of behavior in society.

Keywords: Mordovian people, ethnic culture, creative activity, tradition, values of ethnoculture, traditional costume, material, fabric semantics, embroidery

For citation: Shigurova TA. Fabric semantics as a basis of Mordovian embroidery. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:308–320. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.308-320.

REFERENCES

1. Belitser VN. Folk clothes of the Mordovians. Moscow; 1973. (In Russ.)
2. Gagen-Torn NI. Women's clothes of the peoples of the Volga region: (Materials for ethnogenesis). Cheboksary; 1960. (In Russ.)
3. Ermushkin GI. North-western dialects of the Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on Mordovian dialects. Saransk; 1968;5: 318–382. (In Russ.)
4. Efimova LV. Fabrics from the Finno-Ugric burial grounds of the 1st millennium. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* = Brief reports of the Institute of Archeology. Moscow; 1966;107:127–134. (In Russ.)
5. Zaharzhvskaya RV. The history of the costume: from antiquity to the present. Moscow; 2005. (In Russ.)
6. Ivantsev S. From the life of the Mordovians-Erzya s. Dyurki of the Paraneyevskaya volost of the Ardatovsky district of the Simbirsk province. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* = News of the Society of Archeology, History and Ethnography. Kazan; 1893;11;6:571–575. (In Russ.)
7. Kuklin VN. Methods of processing and making products from wool Mordovians in the XIX – early XX centuries. *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki* = Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Economics. Saransk; 1968;34:227–242. (In Russ.)
8. Lebedeva NI, Maslova GS. Russian peasant clothes of the 19th – early 20th centuries. *Russkie: ist.-etnogr. atlas* = Russians. Historical and Ethnographic Atlas. Moscow; 1967:193–267. (In Russ.)
9. Martyanov VN. Mordovian folk embroidery. Saransk; 1991. (In Russ.)
10. Minh AN. Extract from the historical and geographical description of the Ozersk volost

- of the Saratov district. *Mordovskii etnograficheskiy sbornik* = Mordovian ethnographic collection. Saint-Petersburg; 1910:681–720. (In Russ.)
11. Peterburgskiy IM, Aksenov VN. Ancient monuments on the Lyacha river. Saransk; 2008. (In Russ.)
 12. Smirnov AP, Trubnikova NV. Gorodets culture. Moscow; 1965; Д-1-14. (In Russ.)
 13. Spryigina NI. Clothes of Mordovians-Moksha of Krasnoslobodsky and Bednodemyanovsky districts of the Penza province. Based on materials from the 1925 expedition. Penza; 1928:3. (In Russ.)
 14. Haydegger M. Time and Being. Articles and Speeches. Moscow; 1993. (In Russ.)
 15. Tsvetkova NN. The art of hand weaving. Saint-Petersburg; Moscow; 2014. (In Russ.)
 16. Shigurov VV, Shigurova TA. Research in the field of decorative and applied art of the Mordovians. *Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennoy mire* = Actual scientific research in the modern world. 2019; 6–8:50–55. (In Russ.)
 17. Shigurova TA. Study of Mordovian embroidery in the context of ethnoculture. *Integratsiia obrazovaniia* = Integration of education. 2011;3:98–102. (In Russ.)
 18. Shigurova TA. The costume of the Mordovian people in customs and rituals. Monograph. Moscow; 2020. (In Russ.)
 19. Shpengler O. Decline of Europe. Vol. 1: Image and reality. Novosibirsk; 1993. (In Russ.)
 20. Gillow J, Sentance Br. World Textiles. A Visual Guide to Traditional Techniques. London; 2006.
 21. Sirelius UT. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansatieteen tuloksia. Helsinki; 1921;2.

Submitted 24.06.2021; reviewing 09.07.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. A. Shigurova – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, National Research Mordovia State University, shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

АРКАДИЮ
ЕВДОКИМОВИЧУ
ИВАНОВУ – 90

ARKADY
EVDOKIMOVICH
IVANOV – 90

В 2021 г. марийское научно-педагогическое сообщество отмечает 90-летие видного деятеля науки, ученого-драматурговеда А. Е. Иванова (1931–1990).

Аркадий Евдокимович родился 29 июня 1931 г. в д. Шой-Шудумарь (Шой-Шудымарий) ныне Куженерского района Республики Марий Эл в крестьянской семье. В 1938–1945 гг. учился в Шой-Шудумарской неполной средней школе. Окончил Сернурское педагогическое училище (1948), а затем историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской (1952), получив специальность «Марийский язык и литература» с присвоением квалификации «Преподаватель марийского языка и литературы в средней школе».

Трудиться начал в августе 1952 г. Несколько лет работал учителем марийского языка и литературы в школах Марийской (Весь-Шургинская средняя школа Моркинского района) и Башкирской (Киебаковская средняя школа Калтасинского района) АССР, завучем Калтасинской средней школы.

В декабре 1960 г. стал младшим научным сотрудником сектора литературы Марийского научно-исследовательского института. Окончив аспирантуру Института мировой литературы имени А. М. Горько-

го Академии наук СССР, в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Основные этапы развития марийской драматургии (1917–1967 гг.)». С мая 1968 г. – старший научный сотрудник, заведующий сектором литературы МарНИИ. 14 июля 1971 г. Высшей аттестационной комиссией утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника.

С 1972 г. А. Е. Иванов – преподаватель истории марийской литературы, заместитель декана историко-филологического факультета Марийского государственного университета. За годы работы в вузе для студентов отделения марийской филологии он разработал и вел такие курсы, как «История марийской литературы», «Марийское устное народное творчество», спецкурсы «Современная марийская драматургия», «Проблемы истории марийской литературы» и др. Лекционные и практические занятия неизменно проводил на высоком теоретическом и методическом уровне.

Немало сил уделял ученый и педагог написанию учебных книг. В частности, он являлся одним из авторов школьного учебника и программы по марийской литературе для 9–10 классов, а также учебника для вуза по истории марийской литературы.

Научные интересы А. Е. Иванова были сосредоточены на исследовании жанров драматургии и прозы в родной литературе. Этим проблемам посвящены фундаментальная монография «Марийская драматургия. Основные этапы развития» (1969), статьи «О современной марийской драматургии» (1966), «Полвека марийской драматургии» (1970) и др. Он также был одним из авторов подготовленной МарНИИ к изданию «Истории марийской литературы» (1989). Как литературовед и литературный критик регулярно публиковал в периодической печати, научных сборниках обзорные статьи о творчестве марийских писателей: «Волгыдо ўмыр. М. Георгиан юбилейже лўмеш» («Светлая судьба. М. Георгиной – 60 лет»; 1973), «Георгий Ефруш да тудын сълнымут корныжо» («Георгий Ефруш и его герои»; 1975), «У илышлан мелын. А. Ф. Конаковын шочмыжлан – 100 ий» («Навстречу новой жизни. А. Ф. Конакову – 100 лет»; 1987); рецензии на театральные постановки: «Шаги революции. Об опыте марийской историко-революционной пьесы» (1967), «Тошто герой дене вашлиймаш. Н. Рыбаковын “Кинде” пьесыж почеш шындыме спектакль нерген» («Встреча со старым героем. О спектакле Н. Рыбакова “Хлеб”»), «Сце-

ныште тўтан сарын герой-жо. М. Шкетан лўмеш Марий театрын “Ануш” спектакль-же нерген” («Шаги революции. Об опыте марийской историко-революционной пьесы “Ануш»»), “Кўртнӧвий” роман да спектакль” («Роман и спектакль “Железная сила»») и др., которые отличались вдумчивым подходом автора к изучаемому материалу и глубиной анализа.

Аркадий Евдокимович занимался исследованием творчества марийских драматургов Н. Арбана, К. Коршу-

нова, С. Николаева, А. Волкова, о чем свидетельствуют его публикации «Драматургия Н. Арбана» (1962); «Константин Коршуновын драматургийже» («Драматургия Константина Коршунова»; 1969), «Сергей Николаев» (1971; 1974; 1976; 1979), «Усталык памаш. Арсий Волковлан – 50 ий» («Родник таланта. Арсию Волкову – 50 лет»; 1973). В последние годы жизни работал над глобальными трудами: монографией «Становление марийской литературы. Пути развития марийской прозы»,

курсом лекций для студентов «История марийской литературы», которые остались незавершенными и до сих пор не опубликованы.

За активную научно-педагогическую и общественную работу А. Е. Иванов награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР, знаком «Победитель социалистического соревнования» (1981), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970)», «Ветеран труда».

Валерий Николаевич Максимов –

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий “Марий йылме”
Марийского государственного университета,
Йошкар-Ола, Россия, semur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

Valerij N. Maksimov –

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies
“The Mari Language”,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia, semur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

К ЮБИЛЕЮ
ОЛЕГА
АРСЕНТЬЕВИЧА
СЕРГЕЕВА

TO THE ANNIVERSARY
OF OLEG
ARSENTIEVICH
SERGEEV

В 2021 г. исполняется 60 лет со дня рождения и 35 лет научной деятельности одного из крупных ученых финно-угроведов, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника отдела языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева О. А. Сергеева.

Олег Арсентьевич родился 9 сентября 1961 г. в д. Малый Кулеял Моркинского района Марийской АССР. В 1978 г. поступил на историко-филологический факультет Марийского государственного университета. По окончании вуза в 1983 г. работал учителем родного языка и литературы в Азяльской средней школе Моркинского района Марийской АССР.

В 1986 г. поступил в аспирантуру при кафедре финно-угорского языкознания Тартуского университета (Эстония), где под научным руководством академика П. Аристэ и профессора Э. Вяари занимался исследованием по теме кандидатской диссертации «Рукописные словари марийского языка XVIII–XIX веков». В диссертации, которую успешно защитил в 1990 г., был использован обширный архивный материал, представлен исто-

рико-лингвистический и палеографический анализ памятников письменности марийского языка XVIII–XIX вв.

Более 20 лет Олег Арсентьевич работал преподавателем Марийского государственного университета на кафедре марийского языка и литературы в должности ассистента, а затем доцента. С 2007 по 2010 г. возглавлял кафедру общего и финно-угорского языкознания института финно-угроведения.

Активную преподавательскую деятельность успешно совмещал с плодотворной научной работой. Одним из основных научных интересов юбиляра было изучение памятников письменности марийского языка. Этой теме посвящено множество работ финно-угроведа, в том числе монографии «Тошто марий мутер-влак: XVIII–XIX курымласе кид дене возымо марий мутер-влакын йылмышт» («Рукописные марийские словари: язык неопубликованных марийских словарей XVIII–XIX вв.»; 2000), «Истоки марийской письменности: историко-лингвистический анализ рукописных памятников XVIII–XIX вв.» (2002). Наряду с этим он является автором научных публикаций, посвященных вопросам словообразования («Марий йылме. Мут ышталтмаш» – «Марийский язык. Происхождение

слов»; 1995), лексикографии («Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом»; 2003; «Марий анатомий мутер» – «Марийский анатомический словарь»; 2004), лексикологии и стилистики («Марий йылме. Стилистика» – «Марийский язык. Стилистика»; 2010) марийского языка.

Научную деятельность ученый продолжил в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. В настоящее время – ведущий научный сотрудник НИИ. Основным направлением его научной деятельности остается изучение памятников письменности марийского языка и их стилистических особенностей. Он активно занимается редактированием, рецензированием рукописей. Им написано более 60 отзывов на рукописи монографий, учебно-методических пособий и словарей.

Ученый тесно сотрудничает с Министерством образования и науки РМЭ, Марийским институтом образования. Участвует в подготовке вопросов и ответов по марийскому языку для районных, республиканских и межрегиональных олимпиад, контрольных работ по языку для аттестации школ РМЭ и Республики Татарстан. Является со-

ставителем контрольно-измерительных материалов для ЕГЭ. Входит в состав жюри на республиканских и межрегиональных олимпиадах по марийскому языку и литературе, в жюри республиканской олимпиады по родному языку и литературе в Республике Татарстан, в комиссию по аттестации марийских школ Удмуртской Республики. Читает лекции по стилистике, истории письменности, лексикологии и словообразованию марийского языка в Марийском институте образования для учителей на курсах повышения квалификации.

На протяжении многих лет О. А. Сергеев выступает активным участником международных научных проектов. Особого упоминания заслуживает его многолетнее плодотворное сотрудничество с коллегами из университета Турку (Финляндия) в области изучения лексикологии и лексикографии марийского языка в рамках проектов «Reverse Dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка»; «Языковые особенности марийских газет начала XX века»; «Дореволюционные книги и рукописные словари марийского языка XVIII – начала XX в.»;

«Развитие лексики марийского языка в 20–30-х гг. XX века» и др.

Результаты научно-исследовательской деятельности ученого регулярно апробируются на региональных и всероссийских научных конференциях, международных симпозиумах и конгрессах по проблемам финно-угроведения. В частности, он принимал участие в VIII, IX, X, XI и XII международных конгрессах финно-угроведов – самого крупного форума научной общественности финно-угроведения.

Научная жизнь юбиляра неразрывно связана с деятельностью различных научных и общественных сообществ. Он является зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 2008), председателем Марийского регионального комитета финно-угроведов (2009), членом Российского комитета финно-угроведов (Ханты-Мансийск, 2009), Международного комитета финно-угроведов (Пилишчаба, 2010), Международного исполнительного комитета конгрессов финно-угроведов (Пилишчаба, 2010; Оулу, 2015), Международного оргкомитета «Языковые контакты народов Поволжья» (Турку, 2005), членом Комиссии

по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве Республики Марий Эл, Комиссии по присуждению Государственной премии Республики Марий Эл, членом Союза журналистов России (2014), членом редакционного совета научного журнала «Финно-угроведение» (2018).

О. А. Сергеев активно выступает по радио, телевидению, в периодической печати с научно-информационными сообщениями, дает интервью по актуальным проблемам марийского языка (около 60 выступлений и интервью). С 2010 г. является автором и ведущим радиопередачи «Ныжыл шочмо йылме» («Мой родной язык»), им подготовлены и проведены около 70 радиопередач «Ныжыл шочмо йылме» и одна телепередача.

Работу Олега Арсентьевича отличают глубина и скрупулезность исследований, основанных на прочном фундаменте знаний в области финно-угроведения. Для друзей и коллег он служит образцом настоящего ученого и необычайно деятельного человека.

Поздравляем юбиляра и желаем ему крепкого здоровья и творческих успехов!

Наталья Михайловна Мосина –

*доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия, natamish@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>*

Natalya M. Mosina –

*Doctor of Philology, Professor,
Department of English for Professional Communication,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, natamish@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>*

ПТИЦА-РЕКА ЭРЗЯНКИ Л. Д. ЛЕВИНОЙ

BIRD-RIVER BY ERZYANKA L. D. LEVINA

Народы мордовского края обладают поистине бесценным богатством – народной культурой, которую составляют обряды, ритуалы, песни, костюм, вышивка и т. д. Это богатство не просто сохраняется, но творчески развивается, обогащается и внедряется в современную культуру, становится достоянием жителей Мордовии и всей России.

Представитель эрзянского субэтноса заслуженный работник культуры Республики Мордовия, член Союза художников России Людмила Демьяновна Левина (род. 1962) – художник декоративно-прикладного искусства, энтузиаст изучения народного творчества мордвы – свои произведения связывает с родным краем, с той прекрасной мордовской провинцией, которой всегда гордилась. Она неутомима и неугомонна. Об энергии, активной жизненной позиции Людмилы Демьяновны говорят маршруты ее поездок по местам, в которых можно почерпнуть интересные легенды, мифы, стихи, песни, а иногда и увидеть какой-то обряд, окунуться в загадочный и реалистичный мир эрзян. Пряденые вещи или резные фигурки из дерева – самый неистребимый вид народного творчества, и этот способ самовыражения стал ей особенно близок.

Творчество Л. Д. Левинной (гобелен, батик и другие виды художественной об-

работки ткани) посвящено современной интерпретации мотивов народного искусства и фольклора. Оно глубоко нравственно, действительно, патриотично, возвышенно, нежно и совершенно. Любое появление работ художницы в экспозиции сопровождается широким резонансом в печатных и электронных средствах массовой информации. Критики и журналисты не оставляют без внимания творческие эксперименты Людмилы Демьяновны, тем более что она всегда открыта для интервью, творческих встреч, тренингов и мастер-классов, охотно делится своими находками, умеет выразительно рассказать о том, чем живет и что любит.

В работах автора каждый раз черпаешь для себя что-нибудь необыкновенно важное: то прозрачную струйку речки, то необыкновенный цвет крученой морской волны, то восторженный полет мотылька, то динамику ткацкого станка. От этих бесхитростных мотивов веет волнующей силой. Сюжеты наполнены доброй энергией. Художница создает прекрасные образы родной природы и изысканные черты людей, живущих рядом.

Л. Д. Левина – преподаватель, который умело передает свой опыт начинающим мастерам, что очень важно для сохранения вековых этнических традиций в художественном творчестве.

По признанию художницы, это «хлопотно и не всегда результативно. Но талантливые есть, и они продолжают развивать профессионализм в ткачестве».

Произведения Л. Д. Левинной – это гармоничное сплетение плодотворных художественных направлений в народном искусстве мордовского этноса, включающего не только эстетику традиционного народного творчества, но и эксперименты XX столетия. Одним из любимых и значительных жанров художницы долгие годы является гобелен. Как заметила искусствовед В. И. Савицкая, в гобелене, «как ни в каком другом виде декоративного творчества, неожиданно были обнаружены неисчерпаемые пластические возможности, которые немедленно привлекли к нему многих художников, – причем не только текстильщиков, но и живописцев, и графиков, и монументалистов, и керамистов»¹. Л. Д. Левина сумела почувствовать это и удивила своими художественными проектами, в которых интересны новые подходы и креативные решения.

С. В. Гавин и З. А. Таньшина, наблюдая за тем, как «зарождается и набирает силу мордовская школа гобелена, опираясь на богатейшие традиции своего народа, на прочную фундаментальную профессиональную подготовку», связывают этот процесс в

¹ Современный советский гобелен = Modern soviet tapestry: альбом / сост. В. И. Савицкая. М., 1979. С. 3.

Рис. 1. Л. Д. Левина, О. Е. Колмогорцева. Родные мотивы. Гобелен, ткачество (1987 г.). 120×160

Fig. 1. L. D. Levina, O. E. Kolmogortseva. Native motives. Tapestry, weaving (1987). 120×160

Рис. 2. Л. Д. Левина. Тешкст. Гобелен (2011 г.)

Fig. 2. L. D. Levina. Teshkst. Tapestry (2011)

первую очередь с именем Л. Д. Левиной². В работах этого жанра привлекают точность наблюдений автора, мастерство художественного видения, бесконечная любовь к разным мелочам провинциального быта (рис. 1). В этом видится собственная причастность к родной земле, к малой родине. Про Людмилу Демьяновну можно сказать: «Ее биография в ее гобеленах».

Художественные полотна Л. Д. Левиной – явление не только в масштабе Мордовии. Они говорят о всплеске интереса к этническим формам искусства во всей России, об интеллектуальной и эмоционально-эстетической потребности человека в осмыслении этих форм. Фольклорное мировоззрение в искусстве твердо меняется на профессиональное мышление – обращение к истокам, корням народа, выраженное современным языком. Этнофутуризм и этносимволизм – новые направления в мордовском искусстве, которые, не противореча друг другу, активно

развиваются по своим правилам. Они отражают глубины внутреннего мира. «Особо интересна их знаковость, которая, помимо символики, чрезвычайно поэтична, в то же время привлекательна гротесковыми образами»³.

На мордовской мифологии основаны и авторские гобелены Л. Д. Левиной с интересной сюжетикой и техникой ткачества. Последняя, конечно, не нова в традициях эрзянского народа, но ее креативное использование, выполнение работ в различной форме и манере стали открытием в художественном мире. Работы отличаются тонкий вкус, грамотная интерпретация сюжета и безупречная чистота исполнения. Художница умело использует традиции народного искусства, которые для нее стали неиссякаемым источником вдохновения в творчестве.

Отметим, что у Людмилы Демьяновны нет незавершенных работ. Если возникала идея, то она всегда многоплановая, наполненная смыслом и художественными

образами, поэтому воплощалась в картине сразу. Трудно в наши дни найти что-либо более народное по языку и по мысли в гобелене. В метких художественных деталях мастером выкованы такие живые фигуры окружающего мира, что диву даешься: как это можно сделать простыми, незатейливыми штрихами.

Характерными для образного ряда художницы становятся геометрические фигуры, и прежде всего круг как олицетворение мира, как обобщающий образ вселенной и доминанта в авторских композициях. Рядом – полукруг, ромбы, квадраты, абрисы различных полуфигур и фигурок, динамично «насеменяющих» фантазийный мир автора.

На полотне – этно-знаки мордвы, рисунчатое письмо, передающее смыслы в общении людей (рис. 2). Композиция абстрактная, но художница воплотила в ней «паспорт своей земли». В простой геометрии прочтываются определенные тексты, наполненные глубоким содержанием: стрела связа-

² Гавин С. В., Таньшина З. А. Искусство гобелена Мордовии сегодня // Финно-угорский мир. 2019. № 1. С. 89. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.01.086-092.

³ Воронина Н. И. Идентичность и толерантность в многоукладности российской культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации. М., 2010. С. 443.

Рис. 3. Л. Д. Левина. Ожерелье времени. Гобелен, ткачество (2006 г.). 80×90

Рис. 4. Л. Д. Левина. Иненармунь. Ткачество, гобелен (2004 г.). 60×80

Fig. 3. L. D. Levina. Necklace of time. Tapestry, weaving (2006). 80×90

Fig. 4. L. D. Levina. Inenarmun. Weaving, tapestry (2004). 60×80

на с охотой; дом с коньком наверху – с домашним очагом; птица – с прародительницей эрзянского рода; отдельные предметы инвентаря – с житейским обустройством и др. С одной стороны, это история, своеобразный документ, с другой – художественное полотно, в котором «работают» не только знаки, но и цвет, пространство, форма. Говоря словами М. М. Бахтина, «множество разных голосов звучит»⁴ в одном полотне – важно, что они объединены одной сокровенной идеей. А символы, знаки, образы, чувства – это душа самого художника.

В формате творчества Л. Д. Левиной знаки и штрихи, детали часто перерастают в самостоятельные образы, и каждому она посвящает отдельное полотно. Так появился сюжетный ряд мифологических образов, сначала прочитанных и прочувствованных в «Мастораве», а потом увиденных в обрядах, родовых

знаках, характерных чертах народного быта и прикладного творчества. Художница одновременно выстраивает и разрабатывает оригинальный пластический язык для их воплощения (рис. 3).

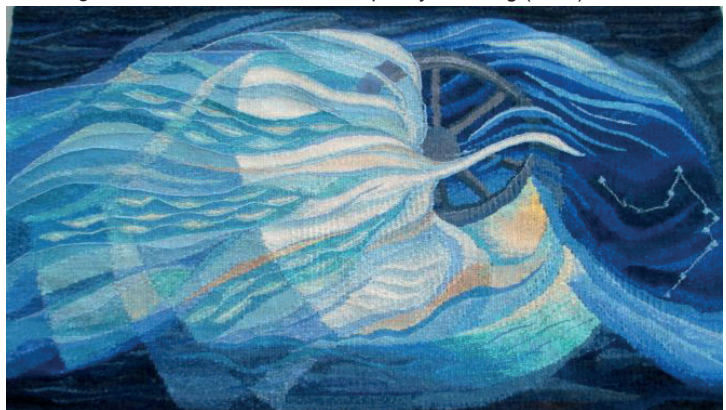
Особое место в этом мире отводится птице – Иненармунь (рис. 4). Водоплавающая птица является одним из важнейших символов мордовской мифологии. Ее образ дуалистичен. Она творец мира и одновременно вестник новой жизни. Семь

яиц, отложенных в гнезде, – это семь богинь, которые появляются на свет с конкретной миссией.

Большое значение придается цвету – каждый несет определенный смысл. Красно-коричневые тона, характерные для многих работ Л. Д. Левиной, отвечают за яркость, сочность солнечного мира. Особое отношение у мастера и к голубому цвету, передающему мечту, движение, полет, и к белому – чистоту (рис. 5).

Рис. 5. Л. Д. Левина. Птица-река. Гобелен, ткачество (2011 г.). 80×140

Fig. 5. L. D. Levina. Bird-river. Tapestry, weaving (2011). 80×140

⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 59.

Рис. 6. Л. Д. Левина, И. В. Хомякова. Панно для отеля «Шератон». Гобелен, ткачество (2017 г.)

Fig. 6. L. D. Levina, I. V. Khomyakova. Panel for the hotel "Sheraton". Tapestry, weaving (2017)

Этнограф и фольклорист П. Г. Богатырев, рассматривая народный костюм как особую семиотическую систему, утверждает, что «функциональность превращает костюм из явления материальной действительности в явление действительности идеологической... вещь превращается в знак»⁵. Данное утверждение в полной мере относится к комплексу национального эрзянского костюма, который отличается красотой и богатством украшений. Это и пулай, и монисто, и узорные пояса и, конечно, слягамо как основной его символ. Л. Д. Левина создала множество гобеленов с вариациями знаковой системы подобной атрибутики, на них обязательно присутствует круг или полукруг, заполненный бусинами, ракушками, монетами, колокольчиками, плетеными нитями или поясами (рис. 6).

⁵ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного костюма. М., 1997. С. 342.

В многоярусном цветении особым языком передаются быт и праздник, эстетика и традиции ношения⁶. Художник выбирает его форму для выражения времени и места эрзян на земле, для соединения традиции и современности в мышлении народа. Хотя в целом композиции гобелена не цитируют напрямую тематику народного искусства эрзян, они прекрасно передают их ментальные черты через колористику, через выбор пространства и решение горизонтальных и вертикальных линий. Во всем этом ощущается каскад этнических традиций. Работы привлекают узором и фактурностью поверхности. Поэтические фольклорные образы гобеленов роднят их с шедеврами

народной вышивки, костюма и резьбы.

Таким Людмила Левина видит самобытный эрзянский мир, именно в таком ракурсе изображает этническую красоту сельчан, высказывая свою позицию, никому ее не навязывая, ни у кого не заимствуя. Работы художницы наполнены радостным ощущением полноты жизни, «неповторимым духовным ликом» (Н. А. Бердяев), показывают ее привязанность к ценностям, отражающим ментальные черты родного народа. Через особый мир, через антропологические места и его красоту они формируют у современника причастность к пространству смыслов жизни этноса, его исторической и культурной идентичности.

⁶ См.: Левина Л. Д. Народный костюм как особая семиотическая система // Финно-угорская традиционная культура в современном информационном обществе: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. / сост.: И. Н. Пронина, М. А. Шорохова; отв. ред. И. Л. Сиротина. Саранск, 2013. С. 44–47; Мордовский народный костюм: альбом / авт.-сост. Т. П. Прокина. Саранск, 2007; Шигурова Т. А. История культуры и искусства Мордовии. Саранск, 2017.

Наталья Ивановна Воронина – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и информационно-библиотечных ресурсов, директор Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, kafkmgui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>

Ирина Львовна Сиротина – доктор философских наук, профессор кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, sirotinail@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

Natalia I. Voronina – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Culturology and Information and Library Resources, Head of M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, kafkmgui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>

Irina L. Sirotnina – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Design and Advertising, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, sirotinail@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

ПИСЬМЕНА ПРЕДКОВ | LETTERS OF THE ANCESTORS

Рецензия на книгу: Удмурты: тайна тамги / сост. Г. Г. Грязев. – Ижевск: Удмуртия, 2018. – 80 с.: ил.

Book review: Udmurts: the secret of tamga / comp. G. G. Gryazev. – Izhevsk: Udmurtia, 2018. – 80 p.

Так как вотяки (удмурты) не имеют своей письменности, то вместо фамильного знака каждый домохозяин употребляет тамгу, которая после его смерти переходит к сыновьям, именно в неизменном виде, если сын один, или разделенная на части, если их несколько.

Иоганн Фридрих Эрдма.

Путешествие по Вятской губернии 1816 года

Пус показывает принадлежность роду (воршуду). Этот знак вначале, в период матриархата, был материнским, а потом стал передаваться в роду от отца к старшему сыну, а младшим он доставался в несколько измененном виде.

Удмурты: тайна тамги

Книга «Удмурты: тайна тамги», вышедшая в издательстве «Удмуртия» в 2018 г., попала в лонг-лист ежегодного конкурса «Лучшая книга России» и была отмечена в двух номинациях. Реализованный проект можно назвать удачным по ряду причин, наиболее важными из которых являются актуальность темы, ее проблемное изложение на широком этнографическом материале, яркая и убедительная форма подачи материала, фактографичность, историзм, тщательно выверенная компоновка текста, использование возможностей современной полиграфии в сочетании с дизайн-искусством.

Книга состоит из отдельных очерков – на наш взгляд,

это наиболее приемлемая форма для изданий такого рода. Первым вполне уместно и логично дается исторический очерк «Удмурты» доктора исторических наук, профессора Удмуртского государственного университета В. Е. Владыкина. В нем популярно раскрываются этногенез, формирование и расселение финно-угорских народов, в том числе удмуртов, в Приуралье. Анализ археологических материалов позволил ученому определить ключевую роль культуры ананьинских и пьяноборских племен в формировании помолской и чепецкой родоплеменных общностей, составивших основу удмуртского этноса. Точка зрения профессора опирается на историко-ар-

хеологические артефакты, лингвистические и топонимические свидетельства. Очерк объективно рисует становление, хозяйственно-экономическое развитие, занятия лесными промыслами, земледельческий быт, формирование духовной культуры удмуртского народа в ландшафтно-географической зоне Приуралья в тесном соседстве с татарами, русскими. В целом следует отметить, что историческая реконструкция истории удмуртов, осуществленная В. Е. Владыкиным, является нужным контекстом и важной предпосылкой для понимания предмета разговора и дальнейшего развития темы традиционной культуры удмуртов, ее ко-

дификационной знаково-орнаментальной системы.

Следующую страницу культуры этноса представляет очерк Берната Мункачи «Среди удмуртов» (перевел и подготовил кандидат филологических наук А. Н. Уваров), дающий информацию об обрядовой, песенно-музыкальной культуре, богатой духовности удмуртов, мифопоэтическом восприятии окружающей действительности, основных векторах творческого осмысления мира. И первый, и второй очерки богато иллюстрированы тематическими историческими рисунками и картами, изображением археологических находок, историческими и современными фотографиями.

Очерк «О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков с изображениями знаков собственности в тексте и отдельной таблицей» П. М. Сорокина (подготовил кандидат исторических наук В. С. Чураков) непосредственно обращен к проблеме тамга-знаков. В очерке статистик пытается раскрыть природу тамг, их происхождение, связь с родоплеменным строем удмуртов, которые в XIX в. еще можно было уловить, хотя и с трудом. Вводится понятие «подэм пус» (т. е. родовое (воршудное) «знамя», бортное пятно) как знак собственности. На основании более чем 500 пусов, собранных энтузиастом в XIX в., прослеживаются связь знака с тем или иным родовым кланом, его изменения при переходе от отца к сыновьям, исследуются характер изменений, природа рисунка.

Интерес представляет детальная систематизация пусов на простейшие сочетания: 1) система параллельных линий; 2) угол, зам-

кнутый или незамкнутый, в четырех положениях; 3) ломаная или смешанная линия; 4) параллелограмм; 5) крест, а также таблица, в которой выделяются простые и образительные знаки (с. 35). Значимость очерку придает и то, что тамги собраны в период их интенсивного бытования, имеют характер кодификационно-семиотической системы, реализующейся в форме традиционной письменности и обозначающей принадлежность к тому или иному роду жителей удмуртских поселений.

Весьма ценной, на наш взгляд, является фиксация знаков, принадлежащих к конкретным родам: род Апя – *мумы пус* 'ромб', род Боня – *тирнуллон* 'натопорник', род Ворча – *курег кук* 'куриная нога', род Вэнья – *крест кэчат* 'диагональный крест' и т. д. Наряду с геральдическим значением пусов исследователь XIX в. отметил использование знаков в рамках бытового юридического права как знаков собственности, наносимых на борти для их сохранности от кражи или порчи: «...главнейшим образом для бортей и употреблялись пусы» (с. 39). Обращается внимание на способ нанесения пусов – «сильными ударами топора», что объясняет нам, почему пусы «так просты и состоят из прямых линий». «Главнейший материал, на который они наносились, – дерево – «дозволяет делать только широкие и прямолинейные зарубки» (с. 39).

Очень важно, что до нас дошла структура пусов, в которой различаются *выл ил* 'верх' и *дынь* 'низ', *бурпалань* 'правая сторона' и *палань* 'левая сторона', *модос* 'осевые и корневые черты', *бурд* 'правое и левое крыло'. Автором раскрываются правила нанесения

знаков: вначале «воспроизводится родовая основа, а затем уже прибавочные нарезки» (с. 39). Рассматриваются способы видоизменения знаков с помощью дополнительных чеков (от глагола *чеканить* – «ударять, отмечать»), детализируется использование знаков различными удмуртскими родами, патриархальными семьями, даются названия знаков, их этимологическая расшифровка, прослеживаются изменения пусов, обусловленные степенью сложности, порядком отделения сыновей от родителей, присутствием в селении других родов со сходными тамгами. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ знаков удмуртских родов, указываются принципы их наследования, видоизменения основ пусов в пределах рода, что, кстати, фиксируется и у других финно-угров России¹.

Столь скрупулезное описание процессов нанесения и бытования знаков представляет научный интерес для современных исследователей кодификационно-семиотических систем прошлого.

Наряду с *подэм пусами* – бортными пятнами П. Н. Со-

¹ См.: Рогачев В. И. Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). Саранск, 2003. С. 65–67.

рокин отмечает существование *гужем пусов* – полевых знаков, использовавшихся при межевании, нарезке земельных наделов и их фиксации за крестьянами. Подобные знаки находили широкое применение и у других народов Приуралья и Поволжья². В целом очерк несет в себе значительный блок этнографических знаний о бытовании в историческом прошлом кодификационно-семиотической системы удмуртского народа, имеющей значительную историко-культурную ценность.

В очерке «Книга и письменность в традиционных представлениях удмуртов» автор, кандидат филологических наук А. В. Камитова, на материале легенд, преданий, этнографических фактов, письменных материалов доказывает бытование у удмуртов традиционного письма в виде идеографических и пиктографических знаков, с помощью которых передавалась информация, велся счет, фиксировалась собственность. В частности, на так называемых долговых бирках ставился фамильный знак владельца. Очерк написан с использованием сравнительного материала коми тамговых знаков – пасов. Отмечается связь пусов и орнамента, указывается на использование тамг в качестве мотивов орнаментации. Автором делаются выводы о применении «тамговой письменности в различных сферах: в хозяйственной и государственной жизни (клеймение, мирские приговоры), в торговле (воршудный знак могли продать), в судебном разрешении споров, в имущественных отношениях (тамговые надписи,

удостоверяющие собственность)» (с. 56). Уточним: скорее всего знак как символ собственности продавался вместе с бортным ухом, бортями, что оформлялось как юридическая имущественная сделка.

Исследователем отмечается, что «мифопоэтические воззрения удмуртов о книге, письменности, знания тамговых знаков связаны с представлениями о письменной культуре» (с. 56). Отсюда следует утверждение, что «сопутствующие понятийные термины в процессе эволюции закономерно закрепились в удмуртской лексике, а с возникновением удмуртской письменности они стали активным обслуживающим инструментарием в этой области» (с. 56).

Очерк А. В. Камитовой замыкают страницы-заставки с изображением нескольких сотен пусов, а также знаков традиционной удмуртской цифровой системы из книги С. Н. Виноградова «Кладезь удмуртской философии и магии»³.

Заключает книгу очерк «Удмуртские народные узоры и значение их названия» народного художника Удмуртии С. Н. Виноградова. В нем исследуются такие уходящие в глубь веков этнографические нюансы, как происхождение и семантика названий узоров, связанных с космическими мотивами: солярный знак *литырес* (окружность, круг с радиальными лучами), иначе называемый *шунды пужы* 'узор солнца', *толзэ пужы* 'узор луны', *кизили пужы* 'узор звезды'. Отрадно, что художником профессионально рассматриваются обширные группы орнамен-

тальных мотивов. В части растительных орнаментов выделяются наиболее популярные узоры, связанные с местной флорой – важной частью растительного мира Приуралья: *кыз пужы* 'елочка', *кыз йыл пужы* 'макушка ели'. Они стали украшением нагрудной части праздничной девичьей одежды *гадь котыртэм* 'букв.: ограда груди'. Подобные узоры наблюдаются и у других финно-угров⁴. С. Н. Виноградовым приводятся многочисленные примеры растительных мотивов, свидетельствующие о тесной связи человека с природой, его наблюдательности, об эстетизации природных объектов в народном сознании: *пужым пужы* 'сосна' (узор по подолу повседневной женской одежды), *легеэзлу пужы* 'шиповник', узор шиповника', *боры куар* 'листья клубники' и др. Ближкие по характеру растительные узоры известны мордовским вышивальщицам⁵.

В числе известных зооморфных мотивов выделяются *курег пид* 'куриные лапки', *юсь* 'лебедей', *юсь луз* 'лебединое яйцо', *чож бурд пужы* 'утиные крылья', *зазег пинь* 'гусиные зубки', *кый син пужы* 'змеиный глаз'. Типологически сходные мотивы этнографами отмечены в мордовской орнаментике – в вышивке⁶. Удмуртская орнаментика представлена также узором в пермском зверином стиле, изображающим хищную птицу, *душес пужы* 'узор ястреба', который, вероятно, имел некие обереговые, охранительные функции. Вышивальщицам известен узор *така сюр* 'бараньи рога'. С большой долей вероятности можно утверж-

² См.: Рогачев В. И. Семейные знаки народов Поволжья... С. 55, 60–61.

³ См.: Виноградов С. Н. Кладезь удмуртской философии и магии. Ижевск, 2016.

⁴ См.: Рогачев В. И. Семантика знаков декоративно-прикладного искусства (на примере орнамента эрзи и коми). Саранск, 2005. С. 18, 30.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 18, 33.

дать, что в его основе лежит стилизованная форма одного из семейно-родовых знаков удмуртов. В копилке этнографов такой же знак встречается в значительном числе семейных тешксов (зарубок, тамг) родственной удмуртам мордвы⁷. Этимология узора *вало-вало* 'кони' связана с древнеудмуртской мифологией, с культом коня. Специфика этого орнаментального мотива в том, что он вышивается на полотенцеобразном свадебном платке невесты, символизирующем счастливую дорогу новобрачной.

В очерке художника раскрывается этимология ряда других узоров, в том числе связанных с антропоморфными мотивами, а также мотивами предметов домашнего обихода.

Подчеркнем, что, может быть, впервые во всей финно-угорской орнаменталистике, после А. О. Гейкеля, С. Н. Виноградов дает рисунки удмуртских узоров с их терминологическим обозначением, что имеет исключительную и непреходящую ценность для потомков. Такой скрупулезный подход к орнаментальным мотивам финно-угров демонстрировали ранее, кроме упомянутого А. О. Гейкеля⁸, лишь В. Н. Белицер⁹, Т. А. Крюкова¹⁰, Л. С. Грибова¹¹.

Материал очерка можно назвать украшением книги: он во всей полноте дает представление о красоте духовной культуры, сформировавшихся в древности мировоззренческих установках этноса, творческой фантазии, эстетических способах освоения мира, отразившихся в удмуртской народной орнаментике, насчитывающей несколько сотен лет.

Правомерно утверждать, что издание получилось. Иллюстрации, визуальный ряд сопровождают текстовый материал, облегчают понимание разделов книги, усиливают интерес к ней. Книга поражает воображение светописью, богатством красок, насыщенной иллюстративной частью: десятками репродукций старинных картин на тему удмуртского быта, фотографиями археологических и исторических реконструкций «Пермский звериный стиль», «Материалы ананьинской культуры», «Материалы Тарасовского могильника», картографическими материалами XVIII в. «Карта вятского наместничества», портретами Н. И. Ильминского, Б. Мункачи, Г. Е. Верещагина, рисунками и гравюрами К. О. Брожжа и В. К. Зейпеля. На всех фотографиях точно схвачены, тонко отмечены черты удмуртского народа, его красота и скромность, трудолюбие и сердечность, мягкость нрава и доброта, открытость и щедрость, радушие и гостеприимство. Видеоряд представляет не только знаковую систему удмуртского народа, но и естественную связь пусов с богатейшим удмуртским орнаментом, не оставляя сомнений в том, что многие знаки этой системы стали основой мотивов декора одежды.

Из поля зрения составителя не выпало и своеобразное отражение мифологических воззрений удмуртов в изобразительных видах искусства. Так, в очерке С. Н. Виноградова отмечается использование в удмуртской вышивке с помощью выработанной веками знаково-символической системы узоров, связанных

с луной, солнцем, звездами, а также природных мотивов: водоплавающей птицы – *чожа*, коня – *вало-вало*, соловья – *учы*, стрекозы – *вукарнан*, бабочки – *бубыли*.

Весь комплекс духовной культуры удмуртов в книге проанализирован с учетом исторических реалий, с привлечением этнокультурных параллелей и сопоставлений. Главное внимание уделялось таким основополагающим аспектам проблемы, как связь знаковой и орнаментальной системы с традиционными представлениями народа об устройстве мира, с его хозяйственно-промысловой деятельностью, в ходе которой возникала необходимость фиксации предметов собственности с помощью знаков традиционного письма. Выявлены внутрисистемные связи знаков и орнаментальных мотивов вышивки. Названия некоторых узоров: *пичи печет* 'маленькая печать' (клеймо), *куско печет* 'приталенная печать' (клеймо), *сюро печет* 'печать с рогами' (клеймо) и др. – свидетельствуют об использовании пусов в качестве основы для орнаментальных мотивов в удмуртской вышивке.

Книга сделана со вкусом, с любовью, написана хорошим научно-популярным языком. Несмотря на научный характер издания, ученые не увлекаются терминологией, не загромождают ею страницы, приводя доступную интерпретацию сложных понятий. Исключительная информативная насыщенность книги позволяет утверждать, что мы имеем дело с изданием, где словам тесно, а мысли просторно. Творческая удача стала воз-

⁷ См.: Погачев В. И. Семейные знаки народов Поволжья... С. 99, 108.

⁸ См.: Heikel A. O. Mordvalaisten Pukuja ja kuoseja: Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingissa, 1899.

⁹ См.: Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М., 1951.

¹⁰ См.: Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск: Л., 1973.

¹¹ См.: Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов Коми. М., 1980.

можной после длительной и тщательной выверки всех разделов книги, добротного редактирования, искусной электронной верстки, подгонки всех ее частей друг к другу, где все необходимо, все нужно для понимания главной идеи. Авторский слог легок и красив, понятен и доступен широкой читательской аудитории. Богатый и занимательный материал может быть использован и рядовым читателем, и студентом-гуманитарием, и начинающим ученым.

Издание вызывает интерес и по другой причине. Работ подобного характера по кодификационно-семиотической системе финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья за последние десятилетия издано немного. Это исследование Л. С. Грибовой¹², А. А. Трофимова¹³, Р. Б. Ахмерова¹⁴, И. Баски¹⁵, Г. Макарова¹⁶, В. И. Рогачева¹⁷, Н. В. Бортниковой¹⁸.

Редким исключением является защита кандидатских диссертаций по данной проблематике, например Н. В. Рябова¹⁹ и В. З. Тулумбаева²⁰. Между тем эта тема представляет интерес в научном плане, о чем свидетельствует, в частности, прошедшая в 2019 г. в Государственном архиве Республики Татарстан выставка «Тамга в истории Поволжья и Приуралья». Сотрудники архива представили древние документы с родовыми

знаками татарского и башкирского народов, у которых тамга (родовой знак) ранее использовалась в качестве печати, подписи на документах, например в метрических книгах. Так, в большинстве татарских метрик вплоть до начала XX столетия в записях о браке ставились тамги родителей-супругов и свидетелей.

В Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В. М. Васильева в 2016 г. состоялось заседание круглого стола «Марий тамган туштыжо» («Тайны марийской тамги») в рамках проведения республиканского праздника «День марийской письменности». На ту же тему снят фильм «Тайна марийской тамги». В Марий Эл проводятся видеоуроки по традиционной культуре народа, в ходе которых учителя обращаются к знакам-тесте, разъясняют их природу, историю возникновения и бытования.

Выставки, виртуальные экскурсии, семинары, круглые столы по вопросам традиционной культуры, формам древнего письма проводятся в Удмуртии, Коми, Башкортостане, Татарстане, Чувашии, Мордовии. К традиционным народным письменам, пиктограммам, идеограммам, тисте, пусам, пасам, тешкам, тамга-знакам в республиках Приуралья и Поволжья обращаются ученики школ в ходе научно-

исследовательских работ, во время конкурсов, олимпиад. Все это говорит о том, что интерес к кодификационно-семиотической системе, бытовавшей в виде знаков и бытующей в вышивке, не иссякает, что глубокие исследования по этой проблеме сделаны еще не все и ждут своего часа.

Наряду с вышеперечисленными направлениями в разработке темы удмуртское издание на новом уровне представляет исследование о знаковой системе этноса. Удачный издательский проект по такой интересной проблеме, как бытование тамга-знаков, реализован благодаря многим составляющим: профессионализму составителя и его глубоким знаниям широкого спектра вопросов, связанных с удмуртской культурой, высокой степени информированности, накопленному издательскому опыту и практике, литературному мастерству, творческому подходу и тщательной художественно-оформительской работе над книгой.

Нельзя не отметить и то, что Г. Г. Грязев работал над книгой совместно с коллективом единомышленников. Группа фотографов предоставила значительное количество фотографий, украсивших иллюстративный ряд издания. Тщательно продуманный макет, искусный дизайн, скрупулезная верстка – заслуга В. Ю. Се-

¹² См.: Грибова Л. С. Указ. соч.

¹³ См.: Трофимов А. А. Древнечувашская руническая письменность: Памятники. Алфавит. Дешифровка. Чебоксары, 1993; Его же. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары, 1993.

¹⁴ См.: Ахмеров Р. Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. Уфа, 1994.

¹⁵ См.: Baski I. Tamqas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnoqenesis) // Oriqinea Tatarilor. Bucuresti, 1997. P. 64–92.

¹⁶ См.: Макаров Г. Ыру тамгасы, баш казыгы һәм таш билге – борынгыдан килгән тарихи хәтер билгеләре // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунктов Альметьевского района. Казань, 2000. С. 143–157.

¹⁷ См.: Рогачев В. И. Семантика знаков декоративно-прикладного искусства...; Его же. Семейные знаки народов Поволжья...

¹⁸ См.: Бортникова Н. В. Родовая символика удмуртов: традиции и современность // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2014. № 7. С. 147–159.

¹⁹ См.: Рябов Н. В. Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.

²⁰ См.: Тулумбаев В. З. Башкирские тамги и их названия (лингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001.

менова. Благодаря стараниям и вдумчивому труду художественного редактора Ю. Н. Лобанова книга превратилась в шедевр издательского искусства.

Монография подготовлена и прошла редакционно-издательскую обработку в ГУП УР «Издательство «Удмуртия», отпечатана в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор» г. Ульяновска. Она

издана в удобном для читателя формате 60 × 90 1/8 и насчитывает 80 страниц с иллюстрациями.

Остается лишь сожалеть, что тираж столь замечательного издания составил всего 1 000 экземпляров, которых, как показало время, явно недостаточно для ценителей удмуртской культуры, преподавателей вузов, российских ученых и зарубежных исследователей, широкого круга пользователей в лице студентов-историков

и филологов, увлеченных финно-угристикой, занимающихся традиционной культурой и письменностью финно-угорских народов Уральско-Поволжского региона России. Книга представляет немалую ценность и для школьных учителей истории, старшеклассников Удмуртии. Она прививает глубокую любовь и серьезный интерес к культуре удмуртов, финно-угорских и других народов Приуралья и Поволжья.

Владимир Ильич Рогачев –

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия, rogachev-v@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>

Сергей Николаевич Степин –

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия, stepin.73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-7704-6344>

Vladimir I. Rogachev –

Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Literature Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, rogachev-v@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>

Sergei N. Stepin –

Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Literature and Literature Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, stepin.73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-7704-6344>

МУЗЫКАЛЬНО- ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ СИБИРИ

MUSICAL AND FOLKLORE TRADITIONS OF THE MORDOVIAN POPULATION IN SIBERIA

Рецензия на книгу: Шахов П. С. Эрзянские и мокшанские фольклорные традиции сибирского бытования: свадьба, календарь, круговые песни. – Новосибирск: Академиздат, 2020. – 388 с.

Book review: Shakhov P. S. Erzya and Moksha folklore traditions of the life in Siberia: weddings, a calendar, circular songs. – Novosibirsk: Akademizdat, 2020. – 388 p.

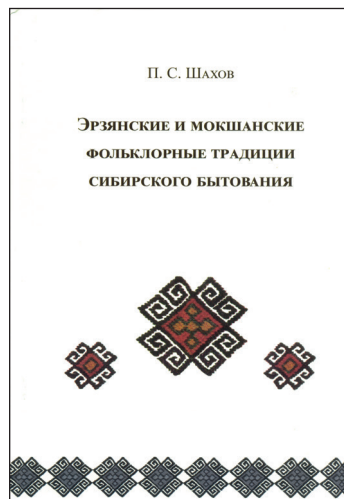
В 2020 г. в новосибирском издательстве «Академиздат» вышла монография Павла Сергеевича Шахова «Эрзянские и мокшанские фольклорные традиции сибирского бытования: свадьба, календарь, круговые песни», посвященная изучению музыкально-фольклорных традиций мордовского населения Кемеровской области, Алтайского и Красноярского краев.

Мордовский народ относится к этносам с довольно сложной внутренней структурой, важной частью которой являются его этнотерриториальные группы. Они сформировались в ходе активных миграционных процессов, обусловленных внутренним социально-экономическим и политическим развитием страны в XVII – начале XX в. на территории Урало-Поволжья и Сибири. Это определяет необходимость изучения истории и культуры мордвы не в общем, а с учетом дисперсности ее расселения и наличия специфических черт в культуре локальных групп.

Формирование мордовского населения Сибири относится к концу XVIII – второй половине XIX в. К настоящему времени наиболее многочисленные группы мордвы проживают именно в тех регионах, которые рассматриваются в монографии П. С. Шахова. Так, в Причумышь (Чумышь – правый приток Оби, протекающий по территории Алтайского края и Кемеровской области) мордовские поселения отмечены в Залесовском, Зарин-

ском, Первомайском и ряде других районов Алтайского края. Здесь выделяются две области проживания мордвы: в окрестностях с. Борисово – эрзи, вокруг д. Малый Калтай – мокши. На юго-западе и севере Кемеровской области с конца XIX в. проживают эрзяне. Многие их поселения возникли здесь в 1920-е гг., когда проходила государственная кампания по освоению Сибири. На юге Красноярского края в основном обитает мокша, которая переселялась сюда как в XIX в., так и во второй половине XX в. Эрзянские жители рассматриваемых территорий являются выходцами из восточных районов Мордовии – Большеберезниковского, Чамзинского, Кочкуровского, мокшане же в основном переезжали из Ковылкинского, Зубово-Полянского, Краснослободского районов.

Таким образом, состав мордовских переселенцев в данные регионы Сибири был неоднородным как в территориальном, так и в этническом отношении. Кроме

того, они прибывали сюда в разные периоды. Все это создало условия для возникновения неоднородных по составу культурных комплексов мордовского населения, в том числе фольклорных традиций.

Начало изучения традиционных форм культуры сибирской мордвы, включая ее музыкально-фольклорную сферу, относится к 1920-м гг. Одним из первых исследователей в данной области был И. С. Поздьяев (Сибиряк) – партийный деятель, историк, этнограф и фольклорист. В июне 1937 г. он был обретен в «троцкизме», арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Большую часть этого срока он находился в Норильске. После реабилитации в 1955 г. ученый работал в Заполярье (до 1963 г.). Именно в этот период он и записал более 50 мордовских фольклорных текстов, которые затем были изданы в одном из томов серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», посвященном песенному искусству Заволжья и Сибири¹.

В 1970–1980-е гг. в Сибири работали экспедиции Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия) под руководством Э. Н. Таракиной и В. Б. Русаякина. Их участниками были сделаны аудиозаписи образцов музыкального фольклора

сибирской мордвы. К сожалению, лишь небольшая их часть была представлена в статьях В. Б. Русаякина и М. А. Лобанова².

В 2000-е гг. культуру различных групп мордовского населения Сибири изучали как мордовские, так и сибирские исследователи. В их трудах имеются сведения и о фольклорных традициях мордовского населения данного региона³.

В 2007–2011 гг. сотрудниками и студентами Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М. И. Глинки были проведены экспедиции в местах компактного проживания мордовского населения в Кемеровской и Новосибирской областях, Алтайском и Красноярском краях, а также в Республике Хакасия. Их главной целью было изучение современного состояния фольклорных традиций местной мордвы. В полевых исследованиях принял участие и автор рецензируемой монографии. Собранные многочисленные материалы позволили П. С. Шахову в 2015 г. защитить кандидатскую диссертацию «Музыкально-фольклорные традиции мордвы Сибири (приуроченные жанры)». В настоящее время он является старшим научным сотрудником сектора фольклора народов Сибири, а также занимает должность ученого секретаря Института филологии Сибирского отделения РАН.

Монография П. С. Шахова базируется на хорошей теоретической и эмпирической

основе, глубоком постижении ряда фундаментальных концепций отечественных ученых. В историографическом обзоре автором задействован широкий спектр научной литературы, посвященной проблематике исследования, дан подробный анализ публикаций. Это, с одной стороны, позволяет судить об основательности осведомленности молодого ученого в данной области, а с другой – обозначает приоритеты, которые оказываются принципиально важными при решении конкретных задач исследования.

Немаловажно и то, что обширный теоретический материал П. С. Шахов подкрепляет собственными полевыми материалами, собранными в уже упоминавшихся ранее экспедиционных поездках в мокшанские и эрзянские селения исследуемого региона. Эти материалы конструктивно используются в работе, они дополняют сведения, заимствованные из других источников. Несомненный интерес среди последних вызывают впервые вводимые в научный оборот материалы и аудиозаписи, хранящиеся в архиве Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Огромной заслугой молодого исследователя является то, что он изучил их и адаптировал для дальнейшего использования.

Ключевой аспект монографии составляет сравнительное исследование фольклорно-этнографических обрядовых комплексов

¹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. В 8 т. Т. 9. Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982.

² См.: Русаякин В. Б. О песенном репертуаре мордовского населения Сибири // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Саранск, 1986. С. 72–80. (Тр. НИИЯЛИЭ; т. 86); Лобанов М. А. Традиционные напевы южносибирской мордвы (песни, причитания) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. Саранск, 2008. С. 343–393.

³ См.: Щеглова Т. К. Формирование и современное развитие мордовской диаспоры Алтайского края (северо-восточные районы): к постановке проблемы // Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. С. 53–59; Мордва юга Сибири. Саранск, 2007; Никонова Л. И., Шанкина Л. Н., Гармаева Т. В. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия. Саранск, 2010; Овчарова М. А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI века). Новосибирск, 2010.

мордвы Сибири. Оно позволило выявить локальные особенности музыкально-обрядовой культуры различных групп сибирской мордвы как в сравнении с другими этнотерриториальными образованиями этноса, так и относительно друг друга. Автору удалось показать, что характерными признаками указанных комплексов являются, с одной стороны, архаичные элементы, обусловленные определенной изоляцией этих групп друг от друга, а с другой – многочисленные новации, которые возникли в результате этнических контактов мокши и эрзи с другими народами, в особенности с русскими.

Надо также отметить тщательно оформленный научный аппарат монографии, имеющий большое значение для последующих исследований в области не только фольклористики, но и других

направлений изучения культуры финно-угорских народов. Книга имеет ряд приложений, в которых автором публикуются аутентичные фольклорные тексты с переводом их на русский язык, а также авторские нотные транскрипции мокшанских и эрзянских песен различных жанров. П. С. Шахов разместил здесь значительный по объему устный материал, собранный им во время экспедиций. Он включает подробное описание семейных и календарных обрядов мордвы исследованных селений, а также основную терминологию данных церемоний. В сочетании с фольклорным материалом это позволило создать целостное представление о рассматриваемых обрядовых комплексах.

Имеющееся в монографии фотоприложение помогает образно представить

различные моменты ритуальных действий, их предметное наполнение. Кроме того, опубликованные фотоматериалы знакомят нас как с исследователями сибирской мордвы, так и с носителями ее традиций. Последние, по словам автора, «в отдалении от “материнской” культуры вопреки тотальной урбанизации и глобализации сумели сохранить родной язык, устные традиции и народные песни, которые являются культурным наследием России» (с. 14).

В заключение хочется выразить большую благодарность молодому исследователю за его труд, несомненно имеющий существенное научно-историческое и социокультурное значение, и пожелать автору новых успехов в его научной деятельности, в том числе в дальнейшем изучении традиций мордовского населения Сибири.

Галина Альбертовна Корнишина –

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, g.kornihina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>

Galina A. Kornishina –

Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, g.kornihina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание;**

«Исторические науки» – **07.00.00 История и археология;**

«Культурология» – **24.00.00 Культурология.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“Philology” – **10.02.00 Linguistics**;

“History” – **07.00.00 History and Archeology**;

“Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:

Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*

Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*

Корректор *Т. И. Кильдюшкина*

Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок «Самоед»
из книги «Этнографическое описание народов России», 1803, ч. 1;
4-я стр. – творческая работа П. Миничкина «Великое прозрение (обдурачивание)
Мордовского народа», 2020, бумага, акварель*

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:

N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*

Layout design *L. V. Kalachina*

Correction by *T. I. Kildiushkina*

Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – drawing “*Samoyedic Man*”
from the book “*Ethnographic Description of the Peoples of Russia*”, 1803, part 1;
page 4 – work of P. Minichkin “*The great enlightenment (fooling) of the Mordovian people*”, 2020,
paper, watercolor